

ОТ АВТОРА КУЛЬТОВОЙ «ПЕСНИ ЛЬДА И ОГНЯ»

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

ДИКИЕ КАРТЫ

КНИГА 5. БЛЕФ

КНИГА-ФАНТАЗИЯ

Дикие карты

Джордж Мартин

Блеф

«ЭКСМО»

2006

Мартин Д. Р.

Блеф / Д. Р. Мартин — «Эксмо», 2006 — (Дикие карты)

Сюжет пятого тома альтернативной вселенной «Диких карт» разворачивается в Нью-Йорке 1986 года. И без того зыбкое спокойствие мрачных и опасных улочек Джокертауна нарушено войной между Мафией и бандой «Призрачный кулак». Когда насилие выходит из-под контроля, даже обладающие сверхчеловеческими способностями Тузы и Джокеры вынуждены спуститься под землю и развязать свою собственную войну против сил загробного мира! Впервые на русском языке!

© Мартин Д. Р., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Джон Дж. Миллер	6
I	6
II	11
III	18
IV	25
V	31
Эпилог	33
Джордж Мартин	35
I	35
Роджер Желязны	39
I	39
Линн Харпер	47
Джордж Мартин	66
II	66
Роджер Желязны	69
II	69
Артур Байрон Ковер	73
I	73
II	76
III	78
IV	81
V	86
VI	87
VII	89
VIII	91
IX	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Джордж Р.Р. Мартин

Дикie карты. Кн. 5. Блеф

George R.R. Martin

WILD CARDS V: DOWN AND DIRTY

Copyright © 2006 by George R.R. Martin and The Wild Card Trust

© М. Новыш, И. Куртеева, В. Старожилец, перевод на русский язык,
2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Джон Дж. Миллер «Лишь мертвым ведом Джокертаун»

I

Бреннан двигался сквозь осенний воздух, будто часть его. Или осенний воздух был частью его самого.

Осень принесла прохладу, которая напомнила Бреннану Кэтскил, пусть и едва. По горам он тосковал больше, чем по чему бы то ни было, но пока Кин на свободе, они недостижимы так же, как и духи погибших друзей и любимых, которые в последнее время преследовали его в воспоминаниях. Он любил горы так же сильно, как и всех тех людей, которых он подвел за годы жизни. А кто будет любить грязную мешанину города? Кто в состоянии хотя бы *познать* этот город, хотя бы даже и Джокертаун, малую его часть? Уж точно не он, но присутствие здесь Кина приковало Бреннана цепями к Джокертауну, цепями из каленой стали.

Он пересек улицу, входя в квартал, заполненный развалинами городских домов, окружавших «Кристалльный дворец». Шестым чувством охотника он ощущал глаза, провожающие его взглядами. Перекинул брезентовый мешок со сложенным луком в более удобное положение, не в первый раз задумываясь, что за создания избрали себе домом эти кучи мусора. Раз или два он слышал торопливый шорох, который не был шелестом ветра в мусоре, уловил краем глаза движение, которое не было просто движением теней в лунном свете. Но никто не помещал ему, и он забрался на ржавую пожарную лестницу, свисающую с задней стены «Кристалльного дворца». Бесшумно добрался до крыши, миновал систему охраны, которая, безусловно, задержала бы его, если бы Кристалис не дала ему к ней коды. Открыл люк и спустился на третий этаж «Кристалльного дворца», личные апартаменты Кристалис. В коридоре царил тьма, но он по памяти обходил стоящие вдоль стен антикварные безделушки, двигаясь к ее спальне. Вошел. Кристалис не спала. Она сидела, обнаженная, на роскошном диване цвета красного вина, раскладывая пасьянс из антикварной колоды карт.

Бреннан мгновение глядел на нее. Ее скелет и мускулы, видимые сквозь прозрачную кожу, внутренние органы, сетка кровеносных сосудов – все это было умело подсвечено розовым светом светильника от Тиффани, висевшего над диваном. Он поглядел, как движутся кости ее руки, тасуя карты и вытаскивая туза пик.

Она подняла взгляд и улыбнулась ему.

Ее улыбка была загадочна, как и вся Кристалис. Непонятная, поскольку лицо, казалось, состояло лишь из губ и мимических мышц поверх челюстей и скул. У этой улыбки могла быть тысяча разных смыслов, любых, какие только могут быть у улыбки. Бреннан счел, что ему рады.

– Прошло достаточно времени, – сказала она, критически глядя на него. – У тебя уже успела борода отрасти.

Бреннан закрыл дверь и поставил чехол с луком к стене.

– Дела были, – сказал он тихим низким голосом.

– Да.

Она продолжала улыбаться, так что Бреннан уже не мог делать вид, что не замечает язвительности.

– Некоторые из них пересекались и с моими.

Было четко ясно, что она имеет в виду. Несколько недель назад, в День Дикой Карты, Бреннан прервал важную встречу в «Кристалльном дворце», на которой Кристалис торговалась за очень ценные документы. В том числе личный дневник Кина. Бреннан надеялся, что содер-

жащиеся в нем сведения позволят растянуть клятую шкуру Кина на стене, очень хотел заполнить его, но выяснилось, что он бесполезен. Все записи в дневнике были уничтожены.

– Извини, – сказал он. – Мне был нужен этот дневник.

– Да. – ответила она. Полупрозрачные мышцы набухли, она нахмурилась. – И ты прочел его?

– Да, – после секундного размышления ответил Бреннан.

– Не будешь столь любезен поделиться, что ты оттуда узнал?

Это было скорее требование, чем просьба. Ничего хорошего не будет, подумал Бреннан, если сказать ей правду. Наверняка подумает, что он пытается все скрыть.

– Возможно.

– Тогда, думаю, я смогу тебя простить, – сказала она тоном, в котором не было ни капли прощения. Медленно собрала карты, отдавая дань уважения их стоимости и древности, аккуратно положила на многоногий столик у дивана. Томно потянулась, и ее соски заколыхались, выделяясь на невидимой плоти, тепло и упругость которой были хорошо знакомы Бреннану.

– Я тебе кое-что принес, – примирительным тоном сказал он. – Не информацию, но то, что тебе понравится не меньше.

Присев на край дивана, он сунул руку в карман джинсовой куртки и достал небольшой конверт без надписей. Отдал Кристалис. Она потянулась за конвертом, и ее невидимое, но теплое и мягкое бедро коснулось Бреннана и легло поверх его бедра.

– Это «Пенни Блэк», – сказал он, когда она поднесла полупрозрачный конверт к лампе. – Первая в мире почтовая марка. Негашеная, в идеальном состоянии. Поэтому, скорее, редкая, чем очень дорогая. С репродукцией портрета королевы Виктории.

– Очень хорошо, – ответила она, снова загадочно улыбаясь. – Даже спрашивать не буду, откуда ты ее взял.

В ответ Бреннан улыбнулся и промолчал. Он понимал, что она прекрасно знает, откуда у него марка. Он попросил ее у Тени, когда они просматривали коллекцию редких марок, которую она стащила у Кина, из того же сейфа, где лежал дневник, в День Дикой Карты. Тень огорчилась, что Бреннан не нашел того, что искал, в том бесценном дневнике, и с радостью отдала ему марку, когда он ее попросил.

– Ну, надеюсь, тебе она понравится, – сказал Бреннан, вставая и потягиваясь. Кристалис положила конверт поверх колоды карт. У него выдался тяжелый день, он устал. Бреннан подошел к столику у огромной кровати Кристалис и взял в руку графин ирландского виски, который она держала специально для него. Посмотрел и нахмурился. Поставил обратно. Сел обратно на диван, рядом с Кристалис.

Та двинулась к нему и мягко накрыла его тело своим. Бреннан ощутил густой и сексуальный запах ее духов, поглядел, как кровь пульсирует в сонной артерии.

– Не передумал насчет выпивки? – тихо спросила она.

– Графин почти пустой.

Слегка отодвинулась, глядя в его глаза, в которых застыл вопрос.

– Ты пьешь только «Амаретто».

Это было утверждение, не вопрос. Кристалис кивнула.

Бреннан вздохнул.

– Когда я только повстречался с тобой, мне нужна была только информация. Я не хотел, чтобы между нами что-то было. Ты сама все начала. Если хочешь, чтобы это продолжалось и имело какое-то значение, я хочу быть единственным, кто делит с тобой ложе. Уж так я устроен. Только так я могу принадлежать другому.

Кристалис несколько секунд глядела на него прежде, чем ответить.

– С кем еще я сплю, не твое дело, – наконец протянула она с британским акцентом, фальшивым, насколько знал Бреннан, хорошо разбираясь в языках.

– Тогда я лучше пойду, – сказал он, кивая и вставая.

– Подожди, – сказала она, тоже встав. Они долго глядели друг на друга, и она наконец заговорила примирительным тоном: – По крайней мере, выпей. Спустишь, налью в графин. Ты выпьешь, и мы... мы поговорим.

Бреннан устал, и у него не было в Джокертауне другого места, где он мог бы остаться.

– Хорошо, – тихо сказал он. Кристалис укуталась в шелковое кимоно, расписанное струями дыма в виде силуэтов скачущих во весь опор лошадей, и оставила его, наградив улыбкой, скорее, смущенной, чем загадочной.

Бреннан принялся расхаживать по комнате, глядя на свое отражение во множестве антикварных зеркал, украшавших стены спальни Кристалис. Надо было уйти, сказал он себе, оставить все это, но Кристалис была потрясающей женщиной не только в постели. Вопреки здравому смыслу он понимал, что ему нужна ее дружба, сказать честно, ее любовь тоже.

Прошло уже больше десяти лет, и впервые он позволил себе полюбить женщину, но, как он осознал, попав в Джокертаун, чувства – не единственное, что он позволил себе. Он не мог жить лишь во имя ненависти. Сложно понять, полюбил ли он Кристалис настолько же сильно, как свою жену, женщину, в которой смешались французская и вьетнамская кровь и которая погибла от рук убийц, подосланных Кином. Он вовсе не желал испытывать любовь к женщинам, продолжая слежку за Кином, но, несмотря на всю его концентрацию на текущей задаче, несмотря на дзенский тренинг духа, желаемое и реально происходящее часто различались очень сильно.

Он молча стоял в спальне Кристалис, стараясь не вспоминать прошлое. Шли долгие минуты, и он вдруг понял, что Кристалис уже пора бы вернуться.

Он нахмурился. Непостижимо почти что, чтобы что-то случилось с Кристалис в «Кристалльном дворце». Но привычная настороженность, которая спасала Бреннану жизнь столько раз, что он уже и со счету сбился, заставила его собрать лук прежде, чем идти на ее поиски. Было бы глупостью натолкнуться на нее в темноте, но для него это не впервой. Лучше чувствовать себя глупым, чем мертвым, а последнее ощущение было знакомо ему куда лучше, чем хотелось бы.

В коридоре на третьем этаже Кристалис не было и на лестнице, ведущей в бар, тоже. Он услышал приглушенные голоса, бесшумно спускаясь по лестнице.

Вынул стрелу и наложил на тетиву. Выглянул из-за угла, в бар. Стиснул зубы. Он был прав, приняв меры предосторожности.

Кристалис стояла у длинного полированного деревянного стола, протянувшегося почти через весь бар. Рядом стоял пустой графин, о котором ей уже пришлось забыть. Она скрестила руки на груди и стиснула зубы. Ее губы вытянулись в тонкую линию, выражая крайнее недовольство.

Ее держали за руки двое, а третий сидел за столом напротив нее. В полумраке ночного освещения Бреннан с трудом мог разглядеть пришедших, но у них были грубые и жесткие лица. Сидящий за столом постукивал пальцами, рядом с его рукой лежал хромированный пистолет.

– Давай же, – сказал он тихо, но очень угрожающе. – Нам просто нужна информация. Вот и все. Мы даже не расскажем, откуда ее получили.

Он откинулся на спинку стула.

– Скоро начнется война, но мы не знаем, в кого стрелять.

– Думаешь, я знаю?

Бреннан уловил в протяжной манере речи Кристалис гнев, но за гневом скрывался и страх.

Сидящий улыбнулся.

– Мы знаем, что ты знаешь, малышка. Ты все знаешь про эту хренову дыру по имени Джокертаун. А мы знаем, что кто-то собирает вместе грошовых грабителей в нечто, что теперь

называется «Призрачный кулак». Они начинают работать на нашей территории, отбирают у нас клиентов, лишают нас прибыли. Пора прекратить это.

– Если бы я и знала имя, – с нажимом ответила Кристалис, – у тебя бы денег не хватило, чтобы за ответ расплатиться.

Сидящий покачал головой.

– Ты не понимаешь, – сказал он. – Это война, малышка. И она обойдется тебе дороже, чем ты могла бы заплатить за право промолчать.

Он сделал паузу, давая Кристалис время осознать смысл сказанного.

– Сэл, – обратился он к человеку, стоявшему справа от Кристалис, – я все время думал, а будут ли шрамы на ее знаменитой невидимой коже?

Сэл задумался.

– Давай проверим, – наконец сказал он. Раздался громкий щелчок, и Бреннан увидел, как блеснул свет на отполированном лезвии. Сэл махнул ножом в сторону Кристалис, и та отшатнулась к бару. Открыла рот, чтобы закричать, но второй мужчина, стоявший слева, закрыл ей рот рукой в перчатке. Сэл рассмеялся. Бреннан встал во весь рост и выпустил стрелу. Она ударила Сэла в спину, и тот кувыркнулся через стол. Никто не понял, что произошло, разве что Кристалис. Сидевший за столом вскочил, хватая пистолет. Бреннан хладнокровно выпустил следующую стрелу, пронзая ему горло. Второй громила, державший Кристалис, разразился потоком ругательств и принялся лихорадочно вытаскивать пистолет из-под куртки, из нагрудной кобуры. Бреннан прострелил ему правое предплечье. Выронив пистолет, бандит отпустил Кристалис, резко разворачиваясь и с изумлением глядя на охотничью стрелу с дюралевым древком, пронзившую ему руку.

– Боже, о боже... – пробормотал он. Наклонился, чтобы подобрать пистолет.

– Тронь его, и следующая будет у тебя в правом глазу, – тихо сказал из темноты Бреннан.

Громила осознал угрозу и выпрямился, опираясь о бар. Сжал раненую руку, тихо постанывая.

Бреннан вышел от лестницы в пространство, освещенное рассеянным светом ночного светильника. Бандит пристально глядел на бритвенно острый наконечник стрелы, наложенной на тетиву.

– Кто они? – резко и отрывисто спросил Кристалис Бреннан.

– Мафия, – дрожащим от напряжения и страха голосом ответила она.

Бреннан кивнул, не сводя глаз с бандита, который, не отрываясь, глядел на направленную ему в горло стрелу.

– Ты знаешь, кто я такой?

Мафиози энергично закивал.

– Ага. Ты тот самый Йомен, киллер с луком. Всю дорогу про тебя в «Пост» читаю.

От страха слова полились из его рта потоком.

– Точно, – согласился Бреннан. Мельком глянул на того, что перед этим сидел за столом. Бандит лежал на полу, скрючившись, под ним расплывалась лужа крови, а из его шеи торчало оперение стрелы. Сэла Бреннан и проверять не стал. Ему он попал точно в сердце.

– Тебе повезло, – таким же мертвенно ровным голосом продолжил Бреннан. – Знаешь почему?

Мафиози резко затряс головой и вздохнул с облегчением, когда Бреннан ослабил тетиву и отставил лук в сторону.

– Кому-то надо доставить послание от меня. Кто-то должен сказать твоему боссу, что Кристалис неприкосновенна. Сказать, что у меня припасена стрела с его именем и я не замедлю познакомить его с ней, если узнаю, что с Кристалис что-то случилось. Как думаешь, сможешь объяснить ему это?

– Уверен. Уверен, смогу.

– Хорошо.

Бреннан достал из заднего кармана карту с тузом пик, черную, и показал бандиту.

– А это, чтобы он знал, что ты не врешь.

Мгновенно схватив бандита за локоть раненой руки, он рывком выпрямил ее и насадил на наконечник стрелы туза пик. Бандит застонал от боли.

– А это – чтобы не потерял по дороге, – сквозь зубы добавил Бреннан.

И резким рывком крутанул мафиози, насаживая на наконечник стрелы другую его руку. Тот вскрикнул от неожиданной новой боли. Осел на колени, а Бреннан тем временем согнул дюралевое древко стрелы, завязывая его узлом вокруг рук бандита, не хуже наручников. Рывком поднял бандита на ноги. Тот заплакал от боли и страха, но не смел глянуть в глаза Бреннану.

– Еще раз тебя увижу – умрешь, – сказал Бреннан. Бандит, пошатываясь, пошел прочь, что-то неразборчиво бормоча. Бреннан следил за ним, пока он не вышел на улицу, а потом обернулся к Кристалис.

– Ты в порядке? – тихо спросил он.

– Да... думаю, да...

– Тебе придется ответить на кучу вопросов, – продолжил он. – Когда избавимся от тел.

– Да, – ответила она, резко кивая. Она снова обрела решительность и самоконтроль. – Позову Эльмо. Он управится с этим.

Пристально поглядела ему в глаза.

– Я у тебя в долгу.

– Неужели вся твоя жизнь состоит исключительно из тщательно сводимого дебета и кредита? – сказал Бреннан, вздыхая.

Она поглядела на него несколько удивленно, но кивнула.

– Да, – твердо сказала она. – Именно так. Это единственный способ не сбиться, быть уверенной...

Она умолкла, а затем развернулась и пошла к бару. Глянула на тело Сэла. Когда она снова заговорила, то сменила тему полностью.

– Знаешь, меня Тахион пригласил в этот свой тур по всему миру. Думаю, я соглашусь. Уж не знаю, какую информацию я добуду, потолкавшись среди политиков. Но если на улицах начнется война между мафией и «Призрачным кулаком» Кина...

Она в первый раз поглядела Бреннану прямо в глаза.

– Думаю, мне будет безопаснее оказаться не здесь.

Тянулись мгновения, пока они смотрели в глаза друг другу. Потом Бреннан кивнул.

– Тогда я, пожалуй, пойду.

– А виски?

Бреннан издал протяжный вздох.

– Выпивка пробуждает воспоминания, а сегодня мне этого не надо.

Он снова поглядел на нее.

– Мне придется... восстанавливаться... пару недель, не меньше. Возможно, я с тобой не увижусь до твоего отбытия. До свидания, Кристалис.

Она проводила его взглядом, и по ее невидимой щеке скатилась кристально прозрачная слеза. Но он шел, не оборачиваясь, и не увидел ее.

II

«Корявый дракон» находился на границе Джокертауна и Чайнатауна. Один из информаторов Бреннана сообщил ему, что там часто бывает Дэнни Мао, достаточно крупная фигура в «Призрачном кулаке», и что он заведует вербовкой новых членов банды.

Бреннан некоторое время следил за входом. Кружащиеся снежинки, те, которым удавалось обогнуть широкие поля его черной ковбойской шляпы, оседали на длинных усах и бакенбардах. «Оборотни», в масках Ричарда Никсона в этом месяце, постоянно входили внутрь и выходили. Он заметил и пару «Цапель», хотя, по большей части, члены этой китайской банды чурались ходить туда, где постоянно бывали джокеры.

Бреннан улыбнулся, поглаживая кончики усов почти уже привычным жестом. Пора проверить, является ли его план гениальной идеей или быстрым путем к негладкой смерти. Он все больше склонялся ко второму варианту.

Внутри «Дракона» было тепло, скорее, от количества людей, чем от хорошего отопления, как заподозрил Бреннан. Он сразу увидел Мао, который, согласно имевшейся информации, должен был сидеть в отдельном кабинете у задней стены. Протискиваясь между снующими по кафе официантками, шатающимися пьяницами и цепляющимися ко всем панками, он направился к кабинету.

Молодая девушка, светловолосая и какая-то слегка замороженная, сидела рядом с Мао. На скамье напротив них сидели трое. «Оборотень» в маске Никсона, молодой азиат, и третий, худой, бледный и нервный. Прежде чем Бреннан успел сказать хоть слово, дорогу ему преградил здоровенный панк.

Ростом за метр девяносто, он возвышался над Бреннаном, несмотря на ковбойские сапоги на каблуках, добавлявшие Бреннану несколько сантиметров роста. На нем были грязные кожаные штаны и кожаная куртка, на несколько размеров больше, украшенная цепями. Гребень из грязных волос добавлял ему в высоту еще сантиметров десять, а алые и черные шрамы на лице делали его лицо еще грубее. Как и кость – фаланга человеческого пальца, разглядел Бреннан, – продетая в нос.

Шрамы на щеках, лбу и подбородке были отличительными знаками «Охотников за головами», уличной банды, когда-то наводившей страх на этих улицах, которая распалась, когда Бреннан убил их главаря, туза по имени Шрам. Те из членов банды, которые не погибли в последующей кровавой борьбе за власть, по большей части примкнули к другим преступным сообществам, в том числе к «Призрачному кулаку».

– Чо надо? – спросил «Охотник за головами», пытаясь сделать угрожающую интонацию, но высокий голос мешал ему.

– Дэнни Мао повидать, – тихо ответил Бреннан, растягивая слова так, как постоянно говорили вокруг него в детстве.

– По поводу?

– По поводу, который не твое дело, мальчик.

Краем глаза Бреннан заметил, что разговор в кабинете прекратился и все внимательно смотрели на них.

– А вот и мое, – сказал «Охотник за головами», оскаливая подпиленные зубы в зверской, как он думал, ухмылке. Бреннан расхохотался. «Охотник за головами» нахмурился.

– Чо ржешь, задница?

Бреннан, не переставая смеяться, схватил «Охотника за головами» за кость в носу и дернул. Тот завопил и вскинул руки к разорванному носу, и Бреннан тут же двинул ему ногой в пах. Панк со сдавленным стоном упал, и Бреннан бросил окровавленную кость поверх его скрючившегося тела.

– Твое, – сказал Бреннан, плавно скользнув в кабинет и усаживаясь рядом со светловолосой девушкой, которая в изумлении глядела на него. Двое из трех, сидевших на скамье напротив, встали было, но Дэнни Мао небрежно махнул рукой, и они сели, тихо переговариваясь и глядя на Бреннана.

– Как звать? – спросил Мао.

– Ковбой, – тихо ответил Бреннан.

Мао взял стоявший перед ним бокал и отпил немного. Поглядел на Бреннана, будто на диковинного жука, нахмурился.

– Правда, что ли? Еще не видывал ковбоев-китайцев.

Бреннан улыбнулся. Раскосые глаза, которые соорудил ему хирургический гений Тахиона, в сочетании с жесткими черными волосами и смуглой кожей, как он и предполагал, придали ему внешность азиата. Всего лишь небольшое изменение линий лица, усы с бакенбардами, плюс манера вести себя и разговаривать, как на Юго-Западе, обеспечат ему отличную маскировку. Это не обманет того, кто знал его лично, но тут он вряд ли на таких наткнется.

А весь смех, подумал Бреннан, в том, что все элементы маскировки, кроме разреза глаз, которые сделал ему Тахион, – свои, родные. Отец с гордостью рассказывал ему, что в его жилах течет кровь ирландцев, китайцев, испанцев и нескольких индейских племен. Стопроцентный американец, что тут сказать.

– Мои предки из Азии строили железные дороги. Родился в Нью-Мексико. Решил, что там нет шансов.

И это было правдой.

– Значит, явился в большой город за развлечениями?

– Некоторое время назад, – кивнув, ответил Бреннан.

– Поднялся достаточно, чтобы договариваться через посредников?

Бреннан пожал плечами, ничего не ответив.

Мао отпил еще.

– И что тебе надо?

– Слух пошел, – ответил Бреннан, скрывая охватившее его возбуждение протяжным говором человека с Юго-Запада, – что вы будете воевать с мафией. Уже нанесли удар, когда пару недель назад дон Пичиетти был убит каким-то невидимым тузом, который воткнул ему в ухо нож для колки льда, когда он обедал в собственном ресторане. Такое мог сделать только «Призрачный кулак». Без сомнения, мафия ударит в ответ, и «Призрачному кулаку» потребуются бойцы.

Мао кивнул.

– И с чего бы нам тебя нанимать? – спросил он.

– А почему бы и нет? Я за себя постоять могу.

Мао поглядел на телохранителя первой линии, который к этому моменту ухитрился наконец стать на колени, но еще не выпрямился, упираясь лбом в пол.

– Уж точно, – задумчиво сказал он. – Но хватит ли у тебя пороку на большее, вот что меня интересует.

Он поглядел на троих, сидевших напротив, и Бреннан тоже глянул на них внимательнее.

«Оборотень», сидевший ближе к выходу, и азиат, по всей вероятности, из «Белоснежных цапель», поглядели в ответ. Сидевший между ними вовсе не был похож на уличного громилу.

Невысокий, худой и бледный. Его руки выглядели мягкими и слабыми, но у него были пронзительные темные глаза. У многих уличных громил в глазах был оттенок безумия, но Бреннан с первого взгляда понял, что этот человек безумен изрядно.

– Эти люди отправляются на дело, – сказал Дэнни Мао. – Присоединишься к ним?

– А что за дело? – спросил Бреннан.

– Если спрашиваешь, возможно, ты не тот, кто нам нужен.

– Возможно, – ответил Бреннан. – Я просто человек осторожный.

– Осторожность – дело похвальное, но не больше, чем вера и послушание старшим.

Бреннан надвинул шляпу.

– Хорошо. Куда едем?

Сидевший посередине бледный мужчина рассмеялся, и звук его смеха был не из приятных.

– В морг, – радостно сказал он.

Бреннан глянул на Мао, приподняв бровь.

Мао кивнул.

– В морг, как и сказал Мертвая Голова.

– Машина есть? – спросил Бреннана «Оборотень». Под маской Никсона его голос звучал, будто невнятный рык.

Бреннан покачал головой.

– Придется стырить, – сказал «Оборотень».

– И прокатимся с ветерком! – радостно сказал тот, кого Мао назвал Мертвой Головой.

Сидевший рядом с ним азиат слегка поморщился, брезгливо, но ничего не сказал.

– Пойдем! – сказал Мертвая Голова, толкнув «Оборотня».

Бреннан мельком глянул на Мао. Тот внимательно следил за каждым его жестом.

– Бакенбард, – сказал Мао, кивая в сторону «Оборотня», – будет за главного. Он скажет тебе все, что тебе надо знать. Ты на испытательном сроке, Ковбой, так что будь внимателен.

Бреннан кивнул и пошел следом за разношерстной троицей. «Оборотень» обернулся и посмотрел на Бреннана.

– Я Бакенбард, – буркнул он так, что слова едва можно было разобрать. – Это Мертвая Голова, а это – Ленивый Дракон.

Бреннан кивнул азиатцу, уже понимая, что первое впечатление было неверным. Парень не из «Цапель». Он не был одет в цвета банды «Цапель», и манера держаться не была похожа на манеру члена банды, любой. Молодой, лет двадцать с небольшим, невысокий, метр шестьдесят пять – метр семьдесят, худощавый настолько, что армейские штаны болтались на его узких бедрах мешком. Овальное лицо, широкий нос, длинноватые, неаккуратно расчесанные волосы. Не похож он на уличного хулигана, нет в нем этой агрессии. Его лицо было скрытным и загадочным, почти что меланхолически задумчивым.

Бакенбард сказал им, чтобы подождали на углу. Ленивый Дракон молчал, а Мертвая Голова болтал без умолку, неся чушь несусветную по большей части. Ленивый Дракон не обращал на это внимания, и Бреннан через некоторое время сделал то же самое. Мертвой Голове, похоже, было без разницы. Он продолжал что-то нести, и Бреннан изо всех сил старался не вслушиваться. Сунув руку в карман грязной куртки, Мертвая Голова достал флакон с таблетками разных размеров и цветов, вытряхнул горсть и закинул в рот. Прожевал, шумно проглотил и, сияя, поглядел на Бреннана:

– Витаминки принимаешь?

Бреннан не понял, предлагает ли Мертвая Голова ему свои или спрашивает вообще. Небрежно кивнул и поглядел в другую сторону.

Появился Бакенбард, на машине, темном «Бьюике» последней модели. Бреннан сразу же плюхнулся на переднее сиденье, предоставив садиться сзади Мертвой Голове и Ленивому Дракону.

– Подвеска хорошая, и ход мягкий, – сказал Бакенбард, когда они отъехали от тротуара. Бреннан глянул в зеркало заднего вида. Увидел, как Ленивый Дракон наклонился, вынул из кармана маленький складной нож и кусок чего-то белого, похожего на мыло. Открыл нож и принялся что-то вырезать.

Мертвая Голова продолжал испускать поток слов, которые никто не слушал. Бакенбард уверенно и аккуратно вел машину, лишь иногда поругиваясь на колдобины еле слышно и постоянно поглядывая в зеркало заднего вида, следя за тем, как продвигается дело у Ленивого Дракона. Тот умелыми движениями вырезал из куска мыла какую-то фигурку.

Бреннан не знал ни где находится морг, ни как выглядит здание, но темное и мрачное сооружение, рядом с которым они остановились, вполне оправдало все его ожидания.

– Вот и приехали, – сказал Бакенбард риторически. Некоторое время они глядели на здание.

– Похоже, еще народу много.

В некоторых из окон многоэтажного здания горел свет, через главный вход время от времени входили и выходили люди.

– Готов уже? – буркнул Бакенбард, глянув в зеркало.

– Почти что, – ответил Ленивый Дракон, не поднимая взгляда.

– Готов для чего? – спросил Бреннан. Бакенбард повернулся к нему:

– Тебе надо отвести Мертвую Голову в камеру долговременного хранения. Она в подвале. Мертвая Голова найдет там то, что надо. Первым пойдет Дракон, на разведку. А ты будешь работать грубой силой, если что-то пойдет не так.

– А ты?

Вероятно, Бакенбард ухмыльнулся под маской, но Бреннан не знал этого в точности.

– Раз у нас есть ты, то я просто останусь в машине.

Бреннану это не понравилось. Он не любил решать проблемы таким способом, но, очевидно, его проверяют. И настолько же очевидно, что выбора у него нет. Оставалось лишь попытаться получить побольше информации.

– Что мы ищем?

– Мертвая Голова знает, – ответил Бакенбард, и Бреннан услышал противное хихиканье с заднего сиденья. – А Дракон знает планировку помещений. Тебе надо будет лишь разобраться с теми, кто попытается помешать.

Он снова поглядел в зеркало.

– Готов?

Ленивый Дракон поднял взгляд.

– Готов, – спокойно сказал он. Сложил нож, убрал, критически оглядел вырезанное им. Озадаченный Бреннан, распираемый любопытством, повернулся, чтобы поглядеть. В руках у Дракона была небольшая и вполне правдоподобная мышь. Ленивый Дракон тщательно оглядел ее, кивнул сам себе в знак удовлетворения, положил мышь на колени, устроился поудобнее и закрыл глаза. Мгновение ничего не происходило, но вдруг Дракон обмяк, так, будто уснул или потерял сознание. А вырезанная фигурка начала дергаться.

Сначала дернулся хвостик, потом поднялись уши, а затем в первые мгновения неловко, но с каждой секундой все быстрее и ровнее мышь зашевелилась. Потянулась, почистила шерстку и перепрыгнула с коленей Дракона на край спинки водительского кресла. Живая мышь, будь она проклята. Бреннан снова поглядел на Ленивого Дракона. Тот выглядел спящим. Поглядел на Бакенбарда. Тот бесстрастно глядел на происходящее из-под маски Никсона.

– Хороший фокус, – протянул Бреннан.

– Нормальный ход, – ответил Бакенбард. – Понесешь его.

Ленивый Дракон, судя по всему, вселившийся в фигурку мыши, вырезанную им, вспрыгнул на плечо Бреннану и тут же сбегал вниз и спрятался в кармане жилета. Потом высунулся, держась за край кармана когтистыми лапками. Более, чем странно, подумал Бреннан, но у него было предчувствие, что за сегодняшний вечер ему придется увидеть еще много странного.

– О'кей, – сказал он. – За дело. Каким бы *оно* ни было.

Они вошли в морг через незапертый служебный вход из переулочка. Спустились по лестнице в подвал. Ленивый Дракон тут же выскочил из кармана Бреннана, сбегал вниз по штанине и убежал вперед, по полутемному коридору, в котором они очутились. Мертвая Голова пошел следом, а за ним и Бреннан.

– Давай подождем, пока мы... пока Ленивый Дракон не вернется.

Глаза Мертвой Головы сверкали, он был еще более возбужден, чем раньше. Когда он достал флакон с таблетками, его руки дрожали, и он уронил на пол дюжину, сунув в рот целую горсть. Ухмыльнулся безумной улыбкой, перешедшей в мучительную гримасу.

Какого черта, подумал Бреннан, я делаю в коридоре морга заодно с сумасшедшим и ожившей мышью, вырезанной из куска мыла?

Ленивый Дракон вернулся, несясь со всех ног, прежде чем Бреннан нашел удовлетворительный ответ на свой мысленный вопрос. Ноги мыши мелькали так, будто за ним гонится самая голодная в мире кошка. Она остановилась у ног Бреннана, пританцовывая. Вздыхнув, Бреннан нагнулся и подставил руку. Ленивый Дракон вспрыгнул ему на ладонь. Бреннан поднес ладонь к лицу.

Присев на задние лапы, Ленивый Дракон поглядел на него. Крошечные глаза мыши светились разумом. Он несколько раз коснулся лапкой горла. Бреннан снова вздохнул. Он терпеть не мог загадки отгадывать.

– Что такое? – спросил он. – Опасность? Кто-то в коридоре?

Мышь закивала и выставила вперед лапку.

– Один человек?

Мышь снова кивнула.

– Вооружен?

Мышь двинула тельцем, совершенно по-человечески пожимая плечами.

– О'кей, – сказал Бреннан, опуская мышь на пол и выпрямляясь. – Иди следом.

Обернулся к Мертвой Голове.

– А ты тут жди.

Мертвая Голова нервно кивнул, и Бреннан пошел по коридору дальше. Ленивый Дракон спешно бежал следом. У Бреннана не было ни малейшей уверенности в Мертвой Голове и в том, какую вообще роль играет в операции этот человек. Тяжко, подумал он, когда единственный надежный напарник – мышь. Свернув за угол, он увидел сидящего на металлическом складном стуле мужчину. Тот ел бутерброд и читал книжку в мягкой обложке. Заметив приближающегося Бреннана, поднял взгляд.

– Чем могу помочь, приятель? – спросил он. Средних лет, толстый и лысеющий. А читал он «Туза-мстителя», 49-й номер, «Операция в Иране».

– Посылку принес.

Мужчина нахмурился.

– Ничего не знаю. Я ночной сторож. Посылки обычно днем приносят.

Бреннан понимающе кивнул.

– Особая посылка, – сказал он. Оказавшись достаточно близко, вытащил из скрытых под жилетом ножовку стилет и слегка коснулся им горла сторожа. У того изумленно округлились губы, и он выронил книжку.

– Боже, мистер, что вы делаете? – сдавленным шепотом спросил он, стараясь не шевелить шеей.

– Где помещение долговременного хранения?

– Вон там, дальше, – ответил сторож, глазами показав направление и боясь пошевелиться.

– Иди за Мертвой Головой.

– Я такого не знаю, – умоляюще сказал сторож. У него на лбу выступили капли пота.

– Я не с тобой разговариваю. А с мышью.

– О господи.

Сторож принялся невнятно молиться, видимо, уверенный в том, что Бреннан – полный психопат и сейчас убьет его.

Бреннан же терпеливо ждал, пока Ленивый Дракон не вернулся вместе с Мертвой Головой.

– Еще кто-нибудь есть на этаже? – спросил Бреннан сторожа, для убедительности слегка дернув запястьем руки с ножом. Сторож мгновенно вскочил.

– Нет, никого. В это время-то.

– Никакой охраны?

Сторож выглядел так, будто хотел мотнуть головой, но боялся это сделать с ножом у самого горла.

– В них и нужды нет на самом деле. Никто не пытался вломиться в морг последние несколько месяцев.

– О'кей, – сказал Бреннан, отводя нож от горла сторожа. Тот расслабился.

– Веди в хранилище. Не шуми и без фокусов.

Для убедительности Бреннан коснулся острием ножа кончика носа сторожа, и тот осторожно кивнул.

Присев, Бреннан подставил ладонь, и Ленивый Дракон забрался на нее. Бреннан убрал мышь в карман жилета, сдержав улыбку при виде выпученных глаз сторожа. Тот, похоже, хотел задать Бреннану вопрос, но передумал.

– Сюда, – сказал сторож. Мертвая Голова и Бреннан пошли следом за ним. Как и Ленивый Дракон, выглядывавший из кармана жилета.

Сторож открыл дверь своим ключом. Помещение оказалось темным и холодным и очень мрачным. От пола до потолка стены были заполнены ячейками для хранения тел. Здесь хранили тех, кого никто не желал забирать. Или кого не смогли идентифицировать до того, как их похоронят за счет бюджета.

Нервная улыбка Мертвой Головы стала еще шире, как только они вошли в хранилище. Он переминался с ноги на ногу с едва скрываемым возбуждением.

– Помоги мне найти это! – приказал он. – Помоги мне найти это!

– Что? – совершенно озадаченно спросил Бреннан.

– Тело. Жирный и холодный труп Грубера.

Он лихорадочно оглядывал ячейки, идя вдоль стены и жутко пританцовывая.

Бреннан нахмурился. Толкнув вперед сторожа, принялся оглядывать противоположную стену. На большинстве ячеек вместо имен были просто номера.

– Вы не это ищете? – робко спросил сторож, послушно двигавшийся рядом с Бреннаном. Бреннан подошел к нему ближе. Сторож показал на ячейку в третьем от пола ряду, на уровне пояса. «Леон Грубер, 16 сентября», гласила табличка на ней.

– Вот оно, – тихо сказал Бреннан. Мертвая Голова спешно подошел к ним. На теле должна быть какая-то информация, подумал Бреннан, такая, разгадать которую может только Мертвая Голова. Может, этот Грубер что-то контрабандой провозил внутри себя... но ведь тогда это первыми нашли бы патологоанатомы.

– Тело здесь уже долго, – сказал он, глядя, как Мертвая Голова открывает ячейку и выкатывает раскладные носилки. На них лежал труп.

– Да, точно, в самом деле, – сказал Мертвая Голова, глядя на грязную простыню, которой было накрыто тело. – Они подергали за ниточки. Подергали, чтобы его тут подержали, пока я... пока меня не выпустят.

– Выпустят?

Мертвая Голова опустил простыню, открывая голову и грудь Грубера. Толстый молодой мужчина, рыхлый и бледный. На лице застыло выражение ужаса, такого, какого Бреннан нико-

гда не видел на лицах умерших. Грудь была усеяна дырами от пуль, судя по всему, выпущенных из оружия небольшого калибра.

– Ага, – ответил Мертвая Голова, не отводя взгляда от неподвижных безжизненных глаз Грубера. – Был в тюрьме... вернее, больнице.

Он непонятно откуда достал крохотную блестящую пилу. Губы его судорожно задергались, из уголка рта потекла струйка слюны.

– За надругательство над трупами.

– Труп с собой возьмем? – почти не разжимая губ, спросил Бреннан.

– Спасибо, нет, – радостно ответил Мертвая Голова. – Я это здесь съем.

И он принялся пилить череп Грубера. Пила с легкостью резала кость. Бреннан и сторож в ужасе глядели, как верхняя часть черепа отскочила, и Мертвая Голова с безумной и в то же время вороватой улыбкой принялся горстями запихивать в рот куски мозга Грубера и с чавканьем пережевывать их.

Бреннан почувствовал, как Ленивый Дракон убрал голову в карман жилета. Сторожа стошнило, да и сам Бреннан едва сдерживался, мрачно стиснув зубы.

III

Заткнув сторожу рот кляпом, сделанным из его же носового платка, Бреннан связал ему руки и ноги упаковочным скотчем, который Ленивый Дракон нашел в углу хранилища. Все пришлось делать одному, поскольку Мертвая Голова, сожрав мозги Грубера, сполз по стеночке и принялся что-то невнятно бормотать. Разобравшись со сторожем, Бреннан вывел бормочущего безумца из хранилища. Ему очень хотелось, чтобы Ленивый Дракон объяснил, что за хрень тут происходит.

– Как дела? – спросил Бакенбард, когда Бреннан рывком открыл заднюю дверь «Бьюика» и затолкал на сиденье Мертвую Голову. Потом захлопнул ее и сел на переднее сиденье, прежде чем ответить.

– Похоже, нормально. Мертвая Голова перекусил.

Бакенбард кивнул и завел мотор. Медленно тронулся от тротуара. Ленивый Дракон выбрался из кармана Бреннана, осторожно, чтобы не упасть, прошел по краю сиденья и прыгнул на колени своему человеческому телу, которое через мгновение потянулось и зевнуло. Мышь же, претерпев превращение, подобное Лотовой жене, излишне любопытной, снова превратилась в кусок мыла.

– Как дела? – снова невнятно спросил Бакенбард, глянув в зеркало заднего вида и пригибаясь.

Ленивый Дракон сунул фигурку мыши в карман куртки и кивнул.

– Как и планировалось. Мы нашли тело, и Мертвая Голова... поужинал. Ковбой справился отлично.

– Здорово. Надо возить Мертвую Голову к боссу, пока он еще переваривает.

– Теперь, когда мы уже приятели, может, кто-то скажет, что происходит? – протянул Бреннан.

Бакенбард вильнул, уворачиваясь от машины, которая их подрезала.

– Ну... думаю, можно это сделать. Этот наш Мертвая Голова...

Он издал смешок.

– Он туз, типа того. Может узнать воспоминания другого, если сожрет его мозги.

Бреннан скривился.

– Боже. Значит, Грубер что-то знал, и Мао хочет узнать это.

Бакенбард кивнул и резко прибавил газу. «Бьюик» рванул вперед, проезжая на красный.

– Видимо, так. По крайней мере, мы надеемся. Сам понимаешь, босс у Дэнни Мао – тот самый парень по имени Выключатель, который хочет найти туза, бабу, которая зовет себя Тень. Грубер был ее женихом, пока она его не прогнала. Мао решил, что Грубер может знать о ней немало и мы сможем воспользоваться его воспоминаниями, чтобы ее выследить.

Бреннан сжал губы, сдерживая улыбку. На этот счет он знал куда больше этих парней. Выключатель был одним из тузов на службе у Кина, тот самый, который пытался безуспешно поймать его и Тень в День Дикой Карты. Тень сказала ему, что кто-то – не она – убил ее жениха в тот самый день.

– Что ж вы так долго ждали с трупом Грубера? – спросил он.

Бакенбард пожал плечами.

– Мертвая Голова был в типа больничке. Копы застукали его, когда он жрал мозги трупа, который нашел на улице в День Дикой Карты. У юристов пара месяцев ушла, чтобы его вытащить.

Бреннан кивнул. Чтобы поддерживать образ изумленного новичка, задал вопрос, ответ на который и так знал:

– А зачем Выключателю искать эту Тень?

«Потому что она выкрала личный дневник Кина рано утром в День Дикой Карты, – подумал Бреннан, – но вряд ли «Оборотень» это знает».

И тот пожал плечами.

– Эй, ты, что, думаешь, я с Выключателем накоротке или что-то еще в этом роде?

Бреннан кивнул. Постарался не углубляться в воспоминания. Они слишком болезненны по большей части. Тень – Дженифер Мэлой – слишком часто приходила ему на ум с той их встречи в сентябре. В День Дикой Карты их связали не только бурные события, участниками которых они стали. Это не было просто дружбой, доверием, возникшим между ними. И не влечением к ее рослому и красивому телу. Бреннан не мог и не хотел признаться себе в том, что затеял все это дело с поступлением на службу в «Призрачный кулак» только затем, чтобы следить за теми, кто ее ищет. Возможно, таким способом он сможет помочь ей, если люди из «Кулака» слишком близко к ней подберутся.

Нет, подумал он, от Грубера они не узнают ничего, что помогло бы им ее выследить. Хотя Тень никогда и не называла его Бреннану по имени, она упоминала о том, что не слишком доверяет жениху и на самом деле даже своего настоящего имени ему никогда не говорила.

Они ехали в молчании. Наконец Бакенбард остановил машину рядом с трехэтажным особняком посреди Джокертауна.

– Ковбой, ты и Ленивый Дракон поможете Мертвой Голове дойти. Он ничего не в состоянии делать, пока переваривает.

Бреннан взял Мертвую Голову под левую руку, Ленивый Дракон – под правую, и они потащили его по тротуару, а затем и по лестнице, ведущей к дверям особняка. Бакенбард уже говорил с одним из охранников из числа «Цапель», стоящим в фойе. Они вошли внутрь. Другой охранник, тоже из «Цапель», что-то коротко сказал по телефону внутренней связи, а потом сказал им, чтобы они поднимались наверх. Поднять Мертвую Голову на два лестничных пролета вверх было все равно, что затащить туда мешок наполовину схватившегося цемента, но Бакенбард и не подумал предложить помощь. Наверху их встретил следующий охранник, из «Цапель», кивнул, и они вышли в коридор третьего этажа, застеленный потертым ковром. Бакенбард особым образом постучал в дверь в конце коридора.

– Войдите, – отозвался низкий мужской голос.

Бакенбард открыл дверь и вошел первым, впуская за собой Бреннана и Ленивого Дракона, тащивших Мертвую Голову.

Они очутились в хорошо обставленной комнате, почти что роскошной по сравнению с тем, что Бреннан до сих пор видел в этом доме. У столика на колесах, уставленного бутылками со спиртным, стоял мужчина лет тридцати с чем-то, симпатичный, хорошо одетый и подтянутый. Судя по всему, он только что смешал себе коктейль.

– Как все прошло?

– Чудесно, Выключатель, просто чудесно.

Бреннан не узнал его. Он пересекался с Выключателем на День Дикой Карты, но тогда тот был невидим, до тех пор, пока Тень не треснула его по голове крышкой от мусорного бака и он не свалился, потеряв сознание. У Бреннана было по уши дел с нападавшими на них «Цаплями», и он успел лишь мельком глянуть на упавшего на асфальт туза. Очевидно, Выключатель тоже не узнал Бреннана, который тогда был в маске.

– Кто это? – спросил туз, кивая в его сторону.

– Новый парень, Ковбоем зовут. То, что надо.

– Хорошо бы так, – сказал Выключатель, отходя от столика и усаживаясь в удобное кресло. – Угощайтесь, – добавил он, кивая в сторону бутылок.

Бакенбард с готовностью двинулся вперед. Бреннан и Ленивый Дракон развернулись, чтобы бросить в ближайшее кресло полубессознательного Мертвую Голову, который что-то невнятно бормотал про огромные накладные расходы и цены на кокаин, когда внезапно в зда-

нии прогремел ужасающий взрыв, который потряс его до основания. Судя по всему, взрыв произошел на крыше.

Коктейль выплеснулся Выключателю на костюм, Бакенбард упал на столик с бутылками, Бреннан и Ленивый Дракон уронили Мертвую Голову.

– Иисусе Христе! – выпалил Выключатель, вскакивая, и рванулся к двери. Снизу донесся грохот автоматных очередей.

Побежав следом за Выключателем, Бреннан очутился прямо перед тремя людьми с «узи» в руках, только что спрыгнувшими через дыру в потолке, пробитую взрывом. Выключатель застыл на месте, оцепенев от страха. Не раздумывая, Бреннан мгновенно повалил туза на пол, и в следующее мгновение в стену за их спинами ударили пули, выпущенные из автоматов нападавшими. У Бреннана в нагрудной кобуре был «браунинг хайпауэр», но он понимал, что не успеет его вытащить, чтобы отстреливаться. Следующая очередь пригвоздит их к полу. Проклиная судьбу, уготовившую ему смерть среди врагов, он все равно схватился за рукоять пистолета.

У них над головами, трепеща на ветру, пролетело нечто брошенное из комнаты. Небольшой кусок бумаги, сложенный в причудливую фигурку. Прежде чем Бреннан успел вытащить пистолет, прежде чем нападавшие успели дать новую очередь, в воздухе что-то заискрилось, и бумажная фигурка превратилась в огромного тигра, живого, дышащего и рычащего, сверкающего налитыми кровью глазами и обнажившего огромные клыки.

В тигра ударили пули, но это не остановило его. Он прыгнул на троих противников, замерших в конце коридора, и Бреннан услышал треск костей, когда зверь приземлился.

Встав на колени, Бреннан достал «браунинг» и прицелился.

Обернувшийся тигром Ленивый Дракон схватил передними лапами одного из троих нападавших и одним быстрым движением прокусил ему шею. В разные стороны брызнула кровь, и другой нападавший, обезумев от страха, в упор всадил в тигра очередь. Красная точка лазерного прицела пистолета Бреннана засветилась у него на лбу, и Бреннан выстрелил. Тигр упал, придавливая телом третьего из нападавших.

Выключатель выключился. Померк. Привстав, Бреннан боком, по-крабьи, побежал по коридору. Всадил пулю в голову третьему нападавшему, который лихорадочно пытался выбраться из-под тела огромной кошки. Бреннан встал на колени рядом с тигром. Тот был залит кровью, то ли своей, то ли людей, им убитых, и его тело было усеяно дырками от пуль. Зверь тяжело дышал. Бреннану в жизни привелось повидать достаточно смертельно раненных, и он понял, что Дракон умирает. Непонятно, что делать и что будет с человеческим телом Дракона, когда тигр умрет. Сочувственно потрепав тигра по краю головы, Бреннан бросился дальше.

Внизу продолжали грохотать автоматные очереди, и Бреннан спускался по лестнице с величайшей осторожностью. Пройдя второй этаж, выглянул через перила в фойе первого.

Двойные двери особняка были настежь распахнуты. Полдюжины «Цапель» валялись на залитом кровью мраморном полу, разодранные на клочья очередями. Бреннан увидел, как немногие оставшиеся в живых нападавшие с мрачными лицами пятились, отстреливаясь от уцелевших «Цапель» и других, подоспевших на подмогу. В считанные секунды поле боя переместилось на улицу, и выстрелы эхом отдались в ночи.

– Проклятые макаронники, – выругался Бреннан, выпрямляясь.

Глянул через правое плечо. Метрах в полутора над полом увидел голубые глаза и сетку нервных волокон и соединительной ткани. Спустя мгновение Выключатель окончательно материализовался. Он выглядел слегка помятым и очень-очень злым.

– Мафия? – спросил Бреннан.

– Точно, Ковбой. Люди Рико Ковелло. Я видел их досье и опознал то, что осталось от их рож.

Выключатель помолчал, и злое выражение его лица сменилось благодарным.

– Я у тебя в долгу. Если бы ты меня не свалил, они бы меня изрешетили.

Бреннан пожал плечами.

– Если бы не Ленивый Дракон, все равно быть бы нам фаршем. Надо бы поглядеть, как он. Его тигра прострелили на хрен.

– Точно.

Они поднялись обратно. Бреннан с облегчением увидел, что Ленивый Дракон сидит в одном из удобных кресел Выключателя как ни в чем не бывало. Тут же выругал себя за такие чувства по отношению к врагу. Когда они вошли, Дракон поднял взгляд.

– Все в порядке? – спросил он.

– Я бы не сказал, – зло ответил Выключатель. – Эти вонючие итальяшки спокойно сюда вошли и едва меня не грохнули.

Он гневно поглядел на Бакенбарда, который стоял посреди комнаты, всем видом выражая неувренность.

– А ты что здесь делаешь, джокер сраный?

Бакенбард пожал плечами.

– Я... я думал, кто-то должен остаться с Мертвой Головой...

– Снимай на хрен эту свою маску, когда со мной разговариваешь! – приказал Выключатель. – Меня тошнит уже от этой рожи Никсона. Каким бы уродом ты ни был, вряд ли ты уродливее ее.

Ленивый Дракон с расчетливым любопытством поглядел на Бакенбарда. Рука Бреннана сама потянулась к убранному в кобуру «браунингу». «Оборотни» прославились тем, что впадали в неистовое безумие, оказавшись без масок, но Бакенбард, как показали предыдущие события, был не самым неистовым из «Оборотней». И он снял маску, продолжая стоять посреди комнаты и переминаясь с ноги на ногу.

Все его лицо, кроме разве что глазных яблок, было покрыто густой жесткой шерстью. Даже язык, которым он нервно облизывал губы. «Неудивительно, – подумал Бреннан, – что он говорит так неразборчиво».

Выключатель хмыкнул, что-то тихо сказал себе под нос, в чем Бреннан разобрал лишь слова «ублюдочный джокер», и отвернулся от «Оборотня».

– Надо уходить. Полиция нагрянет в любой момент. Дракон, ты и Бакенбард, забирайте этого чудилу, – сказал он, кивая в сторону Мертвой Головы, который все еще лежал в кресле, обмякший, и что-то бормотал. – Садитесь в машину, подберете меня у входа. Ковбой, пойдешь со мной. Мне нужно по-быстрому оценить ущерб.

Дракон встал. Бреннан оказался прямо перед ним, и долгое мгновение они глядели друг на друга. С Ленивым Драконом что-то не так, внезапно подумал Бреннан. В нем что-то скрыто, нечто совершенно неуловимое помимо его способностей туза, и так необычных. Но этот человек спас ему жизнь.

– Здорово, что ты так тигром обернулся.

Дракон улыбнулся.

– Должно быть под рукой что-то, на крайний случай. Посерьезнее мыши.

– Я у тебя в долгу, – кивнув, ответил Бреннан.

– Запомню это, – ответил Дракон. И повернулся к Бакенбарду, чтобы помочь ему поднять Мертвую Голову.

На первом этаже они сосчитали погибших «Цапель». Пять человек. И полдюжины мертвых мафиози. Оставшиеся в живых «Цапли» гудели, как рассерженные пчелы.

Выключатель мотнул головой.

– Проклятье. Все только разворачивается. Маленькой Маме это не понравится.

Бреннан мгновенно взял себя в руки, не дав появиться на лице заинтересованному выражению. Ничего не сказал, опасаясь, что голос его выдаст. Маленькая Мама, Сюй Ма, была главой «Белоснежных цапель». Если Выключатель в армии Кина был лейтенантом, то она – не меньше чем полковником. За многие месяцы расследований он узнал про нее лишь то, что она – урожденная китаянка, из Вьетнама, прибыла в Штаты в конце 60-х, чтобы выйти замуж за Натана Чоу, главу мелкой уличной банды, называвшей себя «Белоснежными цаплями». Ее приезд совпал с полосой большого везения у «Цапель», и Чоу имел к этому весьма слабое отношение. Он умер при неизвестных, но достаточно загадочных обстоятельствах в 1971 году, и Сюй Ма возглавила банду, которая продолжила процветать и набирать силу. Кин, тогда еще генерал армии Южного Вьетнама, использовал их для поставок в Штаты героина. Никакого сомнения, Сюй Ма на очень высоком посту в организации Кина, очень высоком.

– Прежде, чем явятся копы, надо разделиться, – сказал Выключатель. Повернулся к одному из «Цапель» с «ингрэмом» в руках. – Уходите отсюда. Заберите документы и все ценное.

«Цапля» кивнул, сделав жест, будто отдавая честь, и принялся быстро выкрикивать приказания по-китайски.

– Пойдем, – сказал Выключатель Бреннану. И принялся пробираться мимо лежащих тел.

– Куда? – спросил Бреннан настолько непринужденно, насколько мог.

– К Маленькой Маме, в Чайнатаун. Я должен доложить ей о происшедшем.

У тротуара остановился изящный лимузин. За рулем сидел Бакенбард. Мертвая Голова валялся на заднем сиденье, рядом сидел Ленивый Дракон. Выключатель сел в машину, следом сел и Бреннан. Его тело дрожало от возбуждения, как туго натянутая струна.

Он тщательно запоминал маршрут, которым вел машину Бакенбард, но когда они наконец приехали, он все равно совершенно не представлял, где они очутились. Небольшой потрепанный гаражный комплекс в грязном, заваленном мусором переулке. Плохое знание района вызвало у него раздражение по отношению к себе и грозило нарушить отточенный самоконтроль. Он терпеть не мог это ощущение беспомощности, которое последнее время охватывало его все чаще. Но выхода нет, надо смириться и идти вперед.

Бакенбард, снова в маске, вместе с Ленивым Драконом выволок наружу Мертвую Голову, когда Выключатель приказал им сделать это. Значимость происходящего не ускользнула от Бреннана. Он понимал, что у Выключателя в памяти завязался узелок-другой на его счет. Именно это ему и было нужно. Чем ближе он подберется к сердцевине организации Кина, тем легче ему будет сделать так, чтобы она рассыпалась, как карточный домик.

Дверь, к которой они подошли, оказалась вовсе не такой хлипкой, как на первый взгляд. А еще она была закрыта, а за ней стоял охранник, который впустил их, поглядев через глазок, когда Выключатель постучал.

– Сюй Ма спит, – сказал охранник. Крупного телосложения китаец, в традиционных широких штанах и тунике того же цвета, подпоясанный широким кожаным поясом. Кобура с пистолетом на этом поясе и с этим старинным костюмом выглядела полнейшим анахронизмом, но, как понял Бреннан, являлась разумным компромиссом между традициями, которым Сюй Ма, похоже, была очень привержена, и потребностями нынешнего времени.

– Она определенно захочет нас принять, – мрачно ответил Выключатель. – Будем ожидать ее в приемной.

Охранник кивнул, поворачиваясь ко вполне современной системе внутренней связи, и заговорил по-китайски с такой быстротой, что Бреннан ничего не смог разобрать. Приемная оказалась настолько же роскошной, насколько снаружи здание походило на развалины. Отделанная в стиле императорского Китая, с роскошными коврами, изумительными лаковыми ширмами, изящным фарфором и парой массивных изваяний храмовых демонов-охранителей из позеленевшей бронзы, уставленная дорогами безделушками из слоновой кости, нефрита и

других драгоценных и полудрагоценных камней на столах из тика, черного дерева и дерева других редких пород. «Тени это место очень бы понравилось», – подумал Бреннан.

Хотя богатство и было ошеломляющим, но впечатление от комнаты в целом было вполне приятным. Все равно что оказаться в музее, коллекцию которого собирал вдумчивый человек с отменным вкусом.

Сюй Ма уже ждала их. Она сидела на позолоченном кресле, стоявшем посередине задней стены, потирая заспанные глаза. Невысокая, с округлым пухлым лицом, густыми черными волосами и темными глазами с длинными ресницами, она выглядела лет на тридцать с небольшим. Сдержала зевоту, прикрывая рот пухлой рукой, и хмуро поглядела на Выключателя.

– Хорошо бы, дело оказалось важным, – сказала она, с омерзением глядя на Мертвую Голову и держащих его. Потом поглядела на Бреннана с любопытством. Она говорила на превосходном английском с едва заметным французским акцентом.

– Так и есть, – ответил Выключатель. Рассказал о нанесенном мафией ударе по их особняку. Пока он рассказывал, молодая девушка принесла поднос и налила ей чай в небольшую чашку. Сюй Ма принялась отхлебывать чай, слушая рассказ Выключателя, и хмурилась все больше.

– Это нельзя терпеть, – сказала она, когда тот закончил рассказ. – Мы должны проучить этих комедийных бандитов так, чтобы они запомнили урок.

– Согласен, – ответил Выключатель. – Однако наши шпионы доложили, что Ковелло уехал в свое поместье в Хэмптонс. Это одна из наиболее укрепленных крепостей мафии. Две стены, бронированная наружная, опоясывающая все поместье, и внутренняя, под током, вокруг главного здания. Ковелло окопался там под охраной до зубов вооруженных бойцов мафии.

Сюй Ма холодно поглядела на Выключателя, и Бреннан увидел в ее черных глазах неумолимую и безжалостную силу.

– У «Призрачного кулака» тоже оружие есть, – сказала она. Выключатель вздернул голову.

– Согласен, но нам не нужно тратить людей в пустой попытке отомстить. Подумай о нежелательном внимании властей, которое привлечет полномасштабный штурм.

Повисла нехорошая тишина. Сюй Ма продолжала пить чай, холодно глядя на Выключателя. Бреннан понял, что ему предоставляется шанс.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь, – тихо протянул он. – Но один человек часто может пройти там, где не пройдут много людей.

Выключатель нахмурился и повернулся к нему:

– Что ты имеешь в виду?

Бреннан пожал плечами с явным неодобрением.

– Операция, выполненная одним человеком, может достичь результата, на который при полномасштабной атаке нечего и надеяться.

Он почувствовал, как Сюй Ма сверлит его взглядом.

– Кто этот человек? – спросила она.

– Его зовут Ковбой, – рассеянно ответил Выключатель. – Новенький.

Сюй Ма допила чай и поставила чашку на поднос.

– Похоже, у него есть голова на плечах. Рассказывай.

Она впервые напрямую обратилась к Бреннану.

– Ты хочешь быть этим человеком?

Бреннан почтительно склонил голову.

– Да, Да-Ма, – ответил он, назвав ее «Большой Мамой» по-китайски.

Она улыбнулась. Бреннан лишь надеялся, что ей понравилось такое почтительное обращение.

– Это опасно, очень опасно, – осторожно сказал Выключатель.

Сюй Ма повернулась и наградила его взглядом.

– Никогда, – сказала она, – не подсчитывай опасности, когда речь идет о мести.

Бреннан сдержал улыбку. Похоже, Сюй Ма была женщиной в его духе.

IV

Холод на вертолетной площадке на Западной Тридцатой пробирал до костей. Хлестал ледяной ветер, продувая грязный комбинезон Бреннана. В воздухе висел характерный запах, предвещающий снег, но Бреннан едва различал его сквозь запах топлива и масла, главный на вертолетной площадке. Переодетый механиком, Бреннан терпеливо ждал.

Бреннан хорошо умел ждать. Он провел в ожидании уже два дня и две ночи на своем наблюдательном посту у дороги рядом с поместьем Ковелло в Саутгемптоне. Было очевидно, что Ковелло предпочел доблести скрытность и решил залечь на дно, чтобы переждать войну между мафией и «Призрачным кулаком». Он засел на вилле, окруженный до зубов вооруженными громилами, за стенами, которые выдержали бы все, кроме полноценного штурма. Внутри пропускали только машины с едой для донна и его подручных, когда тем требовалось проконсультроваться с ним насчет дальнейших действий. И даже их на въезде останавливали и тщательно обыскивали.

Другим входом в поместье была лишь вертолетная площадка на крыше особняка. Бреннан наблюдал, как вертолет Ковелло по нескольку раз за день взлетает и садится, иногда привозя женщин в дорогих платьях и мужчин в темных костюмах. Мужчины, судя по снимкам, сделанным Бреннаном через телеобъектив, были высокопоставленными представителями других Семей. А женщины, по всей видимости, – девушками по вызову.

Закончив предварительную разведку, Бреннан принялся терпеливо ждать здесь, в Манхэттене, куда прилетал вертолет Ковелло. Раз нельзя миновать стены, решил он, он пролетит над ними в собственном вертолете Ковелло.

Наступила ночь, когда у площадки появился пилот в сопровождении троих дрожащих от холода женщин в меховых шубах. Больше рядом с вертолетом никого не было. Когда Бреннан подошел, пилот как раз спустил лестницу. Первая из пташек уже собралась забираться внутрь, но у нее это плохо получалось на высоких каблуках по металлической лестнице.

Все оказалось просто до невозможности. Бреннан одним ударом срубил пилота, и тот, с силой ударившись о корпус вертолета, сполз на площадку. Девушка по вызову, которая держалась за его руку, предусмотрительно ее выпустила, но потеряла равновесие и отчаянно замахала руками. Бреннан поддержал ее рукой под зад.

– Эй! – вскричала она то ли от того, куда пришлась рука Бреннана, то ли от того, как он обошелся с пилотом.

– План изменился, – сказал девушкам Бреннан. – Идите по домам.

Они с подозрением оглядели его.

– Нам еще не заплатили, – сказала та, что стояла на лестнице.

Бреннан улыбнулся от души:

– А еще вас не убили, кстати.

Достав бумажник, он выгреб всю наличность.

– Это на такси, – сказал он, отдавая купюры.

Троица переглянулась, потом они поглядели на Бреннана, а потом снова друг на друга. Та, что забиралась в вертолет, слезла обратно, нахолодившись от холода, и пошла прочь, что-то бормоча. Двое других пошли следом.

Бреннан втащил пилота в вертолет. Тот был без сознания, но пульс у него был ровный. Мгновение Бреннан глядел на него. В конце концов, этот человек ему никто, даже не враг. Просто дорогу перешел. Достав из кармана комбинезона моток крепкого шнура, Бреннан связал пилота, соорудил кляп, заткнул ему рот и положил на пол кабины. Сдернув грязный комбинезон, скомкал его и бросил в угол. Подошел к приборной доске и сел в кресло пилота.

– Взлетаю, – сказал он в пространство, но те, кто слушал его на нужной частоте, услышали его и тоже направились в Саутгемптон.

Бреннан не пилотировал вертолеты уже больше десяти лет, а еще это была гражданская модель, не военная, но навыки быстро вернулись к нему. Он запросил разрешения на взлет, получил его и повел вертолет, тщательно следуя полетному плану, который он нашел на планшете на приборной доске. Вскоре он оставил позади миллионы мерцающих огней Нью-Йорка.

Пролетая над Лонг-Айлендом, в эту холодную ясную ночь он ощутил свежесть и чистоту и чуть не потерял себя в ней. Но слишком скоро внизу показалась ярко освещенная вертолетная площадка поместья Ковелло.

Он посадил вертолет нежно, будто перышко, и к машине сразу двинулся охранник со штурмовой винтовкой в руках. Помахав ему рукой, Бреннан вздохнул. С сожалением страхнул с себя ощущение чистоты ночного неба. Пора снова за дело.

Охранник неторопливо подошел к вертолету. Бреннан дождался, пока тот не окажется в полудюжине шагов, а затем высунулся из окна кабины и застрелил охранника из «браунинга» с глушителем. Более никто не мог видеть, как он вошел в особняк через дверь, ведущую с крыши, никто не видел, как он переходит из комнаты в комнату, тихо и целеустремленно, как вышедший на охоту призрак.

Он нашел Ковелло в библиотеке, заполненной рядами никогда не читанных книг, купленных обустроивавшим особняк дизайнером исключительно по принципу подходящего цвета переплетов. Дон, которого Бреннан узнал по фотографии из досье, предоставленного Выключателем, играл в бильярд со своим советником, а третий, судя по всему, охранник, молча глядел на них.

Сделав удар от борта и промахнувшись, Ковелло выругался, а затем поднял взгляд. Хмуро поглядел на Бреннана:

– Ты кто такой, черт подери?

Бреннан не стал отвечать. Просто поднял пистолет и застрелил ошеломленного телохранителя. Ковелло завопил странно высоким, бабьим голосом, а советник попытался ударить Бреннана кием. Бреннан пригнулся и выпустил советнику в грудь три пули. Тот опрокинулся на бильярдный стол. Потом выстрелил в спину дону, который уже побежал к двери.

Когда Бреннан встал над Ковелло, тот дышал. Попытался что-то сказать, в его глазах была мольба. Бреннану хотелось добить его пулей в голову, но он не мог этого сделать. Приказ был иным.

Достал из заднего кармана небольшой черный нейлоновый мешок, а затем достал из ножен на поясе нож, намного более тяжелый и длинный, чем тот, который он обычно с собой носил.

Время не ждет. Крики Ковелло наверняка слышали, скоро сюда прибегут его громилы. Увидев нож в руке Бреннана, дон закрыл глаза от невыразимого ужаса.

Этот человек ему не враг, но его смерть не станет большой утратой для общества. Но, тем не менее, с силой перерезая Ковелло горло, надавливая сильнее, чтобы перерезать позвоночник в шее, Бреннан не мог отделаться от ощущения, что даже такой человек заслужил более гладкой смерти. Такого не заслуживает никто.

Подняв отрезанную голову Ковелло за напояженные волосы, он бросил ее в нейлоновый мешок. И быстро пошел обратно по коридорам, на крышу, где его ждал вертолет. Быстро и тихо, но его увидели.

Боец-мафиози начал беспорядочно стрелять и кричать, подзывая товарищей. Ему было далеко до того, чтобы попасть в Бреннана, но теперь они были у него на хвосте. Бреннан побежал быстрее, минуя лестницы и коридоры. В одном столкнулся с группой людей. Он понятия не имел, кто они такие, а они выглядели ошеломленными и не на шутку озадаченными. Он

выпустил в них все оставшиеся патроны из обоймы «браунинга» прямо на бегу, и они разбежались, не оказав никакого сопротивления. Шум погони позади становился все громче.

Не сбавляя темп бега, он начал говорить, обращаясь к незримым слушателям:

– Груз у меня, я возвращаюсь. Нужна подмога.

Сунув руку в карман жилета, он что-то достал и бросил на ковер. Побежал дальше.

Свернутый в замысловатую фигурку кусок тонкой бумаги закружился в воздухе. Бреннан не стал оборачиваться, зная, что произойдет дальше. Но слышал гневный рев огромной кошки, особенно громкий в этих узких коридорах. Он отдался эхом, смешиваясь со звуками выстрелов и криками ужаса.

Маршрут, которым он полетел в небольшой аэропорт в округе Саффолк, не был нигде зарегистрирован, да и сам полет не произвел на него хорошего впечатления, поскольку рядом, на кресле второго пилота, лежал черный нейлоновый мешок, уже промокший от крови.

В аэропорту его ждали Выключатель и Бакенбард в лимузине.

– Как дело прошло?

– По плану, – ответил Бреннан, выставив перед собой мешок. Бакенбард взял его.

Выключатель кивнул.

– Заверни в одеяло или что-нибудь другое и брось в багажник.

Увидев на лице Бреннана отвращение, он пожал плечами.

– Да, меня это тоже иногда достает. Но Мертвая Голова – полезный инструмент в нашем деле. Только подумай, сколько всего он сможет выудить из головы Ковелло.

– Я думал, Мертвая Голова другим делом занят, – небрежно сказал Бреннан. – Насчет какого-то туза по имени Тень.

– А, это? – переспросил Выключатель и махнул рукой. – С этим он уже справился. Видимо, Тень не особенно-то любила этого Грубера. Даже не сказала ему своего настоящего имени. Но однажды обмолвилась насчет своего дня рождения. А еще Мертвая Голова неплохой художник, хотя и трудно заподозрить в нем какие-либо человеческие качества. У нас достаточно связей в правительственных организациях, например, в автоинспекции. Рисунка Мертвой Головы и даты рождения вполне хватит, чтобы вычислить эту стерву.

Бреннана окатила волна страха, заставив его забыть тяжкое бремя, тяготившее его тело и дух. Чтобы скрыть это, он потер лицо и зевнул во весь рот.

– Ну, – начал он, изо всех сил стараясь говорить небрежным тоном, – значит, это достаточно важное дело. Хотел бы я в нем поучаствовать.

Выключатель внимательно поглядел на него и кивнул.

– Конечно, Ковбой. Ты это заслужил. Мы займемся им не раньше, чем через день-два, хотя ты выглядишь так, будто способен проспать столько же.

Бреннан постарался ухмыльнуться.

– Это я могу.

Они высадили Бреннана у его квартирки в Джокертауне, где он улегся спать на целые сутки. Весь следующий день он провел в нервном ожидании. Но ему позвонили. На другом конце линии зазвучала неразборчивая речь Бакенбарда.

– Мы выяснили имя, Ковбой, и адрес.

– И кто займется?

– Ты, я и еще пара моих приятелей-«Оборотней». Они уже следят за квартирой.

Бреннан кивнул. Он был рад, что там не будет Ленивого Дракона. К могуществу и способности приспосабливаться к ситуации, свойственным этому тузу, он проникся глубочайшим уважением.

– Но есть проблема, – помолчав, добавил Бакенбард. – Она может превращаться в призрака или что-то вроде этого, проходить сквозь стены, такая хрень. Так что мы не сможем даже реально угрожать ей.

Бреннан улыбнулся. Сладить с Дженнифер было исключительно сложно.

– Но у Выключателя есть план. Мы вломимся в ее квартиру и выясним, есть ли там книжка, про которую он говорил. Если нет, попытаемся разобраться с ней. Договориться. Выкупить или что-то в этом роде. А потом...

Бакенбард продолжил с явным удовлетворением:

– ...она получит свою пулю в спину рано или поздно. Она же не может все время быть призраком.

– Хороший план, – заставил себя сказать Бреннан. Так оно и было. Они знают ее имя. Знают, где искать ее. Он должен что-то сделать, иначе она не проживет и месяца, даже если они смогут получить у нее дневник. Мысли понеслись вскачь.

– Встречусь с тобой через час, рядом с ее домом, – сказал он. – Адрес говори.

– Хорошо, Ковбой. Знаешь, так хреново, что она может превратиться в призрака. Она реально красивая. Мы могли бы с ней отменно позабавиться.

– Ага, отменно позабавиться.

Когда Бакенбард продиктовал адрес, Бреннан повесил трубку. Мгновение глядел в никуда, призывая на помощь все умения дзен, чтобы успокоить мятущееся сознание и бешеное сердцебиение. Сейчас ему необходимо спокойствие, а не наполненный злобой, ненавистью и страхом ум. Отчасти он удивился такой сильной реакции на слова Бакенбарда. Отчасти знал этому причину, но самая большая часть его личности приказала забыть все, пока что спрятать подальше, чтобы разобраться потом. Есть же выход из этой заварухи... должен быть...

Он погрузил сознание в поток бытия, взыскуя понимания через идеальное спокойствие. Когда он окончил дзадзен, сидячую медитацию, у него уже был ответ. За всем этим стоит Кин, все то, что он знает об этом человеке. Его страхи, его сильные и слабые стороны.

Некоторые вещи будет сделать сложно, некоторые могут оказаться болезненны. Взяв трубку, он набрал номер. После гудка он услышал ее голос:

– Аллю?

Бреннан крепко сжал трубку, осознав, как соскучился по ее голосу. И насколько был рад снова его слышать, несмотря на причину, по которой это произошло.

– Привет, Дженнифер. Надо поговорить...

Валил снег, ветер завывал, как потерянные души, в сером каньоне большого города. «Иногда зима здесь кажется даже холоднее, чем в горах, – подумал Бреннан, – холоднее, грязнее и безнадежнее». «Оборотни», без масок, переодетые работниками коммунальных служб, ждали в вестибюле дома, в котором находилась квартира Дженнифер. Один, рослый и худощавый, с покрытым угрями лицом. Все джокерские аномалии на нем скрывал мешковатый комбинезон. Второй, невысокий и тоже худой, не мог скрыть их таким же способом. Его позвоночник был искривлен и изогнут под углом, прямо от таза. Бакенбард и Бреннан, тоже в комбинезонах, утапывали снег рабочими ботинками.

– Холодно адски, – заявил Бакенбард. – Она смылась? – добавил он громким шепотом.

Рослый кивнул:

– Не больше десяти минут назад. Такси поймала.

– О'кей, тогда за дело.

Они поднялись к квартире Дженнифер незамеченными. «Оборотни» без труда взломали дверь своими инструментами. Бреннан подметил, что стоит поговорить с ней об этом позже, если, поправил он себя, они оба останутся в живых по окончании этого дела.

– Сначала спальню обыщем, – сказал Бакенбард, когда они вошли в квартиру. Остановился, хмуро глядя на книжные полки вдоль стен. – Блин, найти здесь книгу – все равно, что иголку в стоге сена, будь он проклят.

Он первым вошел в небольшую спальню, в которой стояла одна кровать, ночной столик с лампой, старинный гардероб и снова книжные полки.

– Придется проверять все эти клятые книги, – сказал Бакенбард. – Какая-то из них может быть пустой или что-нибудь в этом духе.

– Боже, Бакенбард, – сказал низенький «Оборотень», – ты фильмов насмотрелся...

Он умолк, увидев прямо перед собой рослую изящную блондинку в черном бикини, которая вышла прямо из стены. Заколебалась в воздухе, обретая плоть, и наставила на них пистолет с глушителем. Улыбнулась.

– Стоять, – сказала она.

Они замерли больше от изумления, чем от страха.

Бакенбард сглотнул.

– Эй, нам просто надо поговорить. Нас прислали серьезные люди.

– Я знаю, – кивнув, ответила женщина.

– Знаешь? – ошеломленно переспросил Бакенбард.

– Я ей сказал.

Все уставились на Бреннана. Он выдвинул ящик у прикроватной тумбочки, и в его руке тоже оказался пистолет. Нелепого вида, с длинным стволом. И он наставил его на Бакенбарда. Глаза джокера едва не выскочили из глазниц покрытого шерстью лица.

– Какого хрена ты творишь, Ковбой? Что происходит?

Бреннан безразлично глядел на него. Двинул запястьем и дважды спустил курок. Прозвучали два тихих хлопка, и «Оборотни» с изумлением уставились на небольшие дротики, вонзившиеся им в грудь. Рослый уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но вздохнул, закрыл глаза и осел на пол. Другой даже рта открыть не успел.

– Ковбой!

Бреннан покачал головой.

– Меня зовут не Ковбой. И даже не Йомен, но это для тебя сойдет.

На лице Бакенбарда появился ужас, почти смешной, учитывая его лицо.

– Слушай, отпусти меня. Пожалуйста. Я никому не расскажу. Честно. Поверь мне.

Он упал на колени, сложив ладони перед собой, а по мохнатым щекам потекли слезы.

Пневматический пистолет Бреннана выбросил еще один дротик, и Бакенбард ничком упал на ковер. Бреннан повернулся к Дженнифер:

– Привет, Тень.

Она бросила пистолет на кровать.

– Ты не мог... не мог их отпустить?

Бреннан покачал головой.

– Ты знаешь, что не мог. Они знают, кто я такой. Мое прикрытие рухнуло бы. Как и наш план.

– Они должны умереть?

Он подошел к ней на вытянутую руку, но держал руки опущенными.

– Ты вмешалась в смертельную игру, – сказал он, показывая на усыпленных «Оборотней». – Отсюда никто не должен уйти живым, кроме меня, если ты хочешь сама остаться в живых.

Он умолк, тревожно глядя на нее.

– И даже это – не гарантия...

– Их жизни на моей совести... – начала Дженнифер.

– Они приняли решения, которые привели их в ту жизнь, что привела их сюда. Они были готовы изнасиловать, покалечить и убить тебя. Тем не менее...

Бреннан отвернулся в сторону, вглядываясь внутрь себя.

– Тем не менее...

Его голос стих. Дженнифер коснулась рукой его щеки, и он поднял взгляд. В его темных глазах отразилась боль воспоминаний о смерти и разрушении, всем том, что скрывалось под

поверхностью его сознания, несмотря на всю долгую практику дзен, несмотря на неусыпную концентрацию.

– А мне нравятся твои новые глаза, – слегка улыбнувшись, сказала Дженнифер. Бреннан улыбнулся в ответ и почти что против воли накрыл ее ладонь своей.

– Мне надо уходить. Скоро стемнеет, надо и о них позаботиться, – сказал он, кивая на «Оборотней», – и о других... деталях.

Дженнифер кивнула.

– Увижу ли я тебя еще? В смысле, в ближайшее время?

Бреннан убрал руку и пожал плечами, уже поворачиваясь.

– У тебя других проблем не хватает?

– Эй, вообще-то бандитский владыка Нью-Йорка меня к смерти приговорил. Что может еще ухудшить ситуацию?

Бреннан покачал головой.

– Ты даже и *близко не догадываешься*. Знаешь, тебе лучше исчезнуть. А я обо всем позабочусь.

Дженнифер молча глядела на него.

– Я тебе позвоню.

– Обещаешь? – спросила она.

Бреннан кивнул. Она в последний раз бросила нервный взгляд на «Оборотней», а потом померкла, снова уходя сквозь стену. Бреннан не намерен был сдерживать обещание. Никогда. Ни за что. Но уже к тому моменту, когда он взвалил на плечи первого из бесчувственных джокеров, решимости в нем сильно поубавилось.

V

Выключатель, Сюй Ма и Мертвая Голова совещались, когда Бреннана позвали в приемную. Мертвая Голова что-то лепетал, произнося череду адресов, имен, номеров телефонов и банковских счетов, контактов в правительственных организациях. Все, что имелось на складе под названием голова Ковелло, теперь принадлежало Мертвой Голове. Все, что знал и помнил дон.

Бреннана внезапно осенило. Знать все могут только мертвые. В их жизни все окончилось. Завершилось. Лишь мертвым ведом Джокертаун. Целиком и полностью, потому что им уже больше не нужны новые знания. Как ему самому, когда жил в горах. Его жизнь была умиротворенной, спокойной и неизменной. Практически как смерть. А сейчас он снова живет. Чувство неуверенности и потери контроля становится все сильнее, это цена, которую он платит за то, что живет. Высокая цена, но пока что он может себе позволить платить ее.

Выключатель и Сюй Ма озабоченно переглянулись, увидев, что Бреннан вошел один.

– Что случилось? – спросил Выключатель.

– Этот чертов Йомен, ублюдок. Засада. Убил Бакенбарда и остальных «Оборотней». И мне руку к стене пригвоздил, чтоб его.

Бреннан показал руку, обмотанную окровавленным лоскутом, оторванным от рубашки. Протыкать самому себе ладонь стрелой было чертовски больно. Бреннан сказал себе, что это в своем роде наказание за все то, что он сделал, вернувшись в город.

– Он оставил тебя в живых? – спросила Сюй Ма.

– Хотел, чтобы я принес это. Сказал, что ему с него толку нет.

Он протянул дневник Кина, который превратился в чистые страницы, когда Дженнифер украла его, в обличье призрака, из сейфа в стене. Ему чертовски не нравилось отдавать его, позволить Кину знать, что его тайны остались тайнами, но надо было дать Кину нечто существенное, чтобы он перестал преследовать Дженнифер.

Выключатель забрал у него дневник и озадаченно пролистал страницы.

– Это... это Йомен сделал?

Бреннан покачал головой.

– Сказал, что это случилось, когда Тень украла его.

Выключатель улыбнулся.

– Ну, это круто. Реально круто.

Даже Сюй Ма явно обрадовалась.

– Еще одно дело, – продолжил Бреннан, изо всех сил стараясь говорить как бесстрастный посланец, хотя ему хотелось выжечь слова на лбу у Выключателя, чтобы Кин почувствовал сталь, скрытую за ними.

Выключатель и Сюй Ма выжидающе поглядели на него.

– Он хотел, чтобы я передал послание. Чтобы сказали Кину – ага, точно, он назвал имя «Кин», – что он знает, где живет Кин, точно так же, как и Тень знает. Сказал, пусть скажут Кину, что их вражда уже не вопрос жизни и смерти, а дело чести и возмездия, но если что-нибудь случится с Тенью, плата в виде смерти Кина его вполне устроит. Сказал, что стрела с именем Кина на ней ждет его... пока что, ждет.

Он уже давал схожее обещание пару месяцев назад, чтобы защитить другую жизнь. Но та женщина отказалась от его защиты, возможно, обоснованно и просто решила уехать подальше. Дженнифер же, напротив, лишь кивнула, когда он изложил ей свой план. Приняла его без разговоров, так, будто доверяла ему целиком и полностью.

– Понимаю, – сказал Выключатель. Он и Сюй Ма встревоженно переглянулись. – Ладно, я передам это послание, – решительно добавил Выключатель, поджав губы.

Сюй Ма встала.

– Ты доказал, что стоишь многого, – сказала она. – Надеюсь, что твое сотрудничество с «Призрачным кулаком» будет долгим и плодотворным.

Бреннан поглядел на нее и позволил себе улыбнуться.

– Уверен, так оно и будет, – ответил он. – Уверен, так и будет.

Эпилог

Новые замки, которые поставила Дженнифер, оказались такими сложными, что Бреннану не удалось самому пробраться в ее квартиру. Хорошо, подумал он. Возможно, ей это пригодится.

Он сел на пожарной лестнице, через стену от ее спальни, и принялся глядеть на едушие внизу машины. Он возненавидел большой город сразу же, как попал в него, и на самом деле продолжал ненавидеть до сих пор, но мысль о том, чтобы покинуть его, не нравилась ему еще больше.

А покинуть город придется. Когда он только попал в город, ничто не мешало ему прикончить Кина. Он бы пожертвовал даже душой, только бы до него добраться. Но теперь он стал другим. Он позволил себе равнодушие, и за эту слабость надо было платить. Кин победил. Вендетта окончена. Глядя на раскинувшийся под ногами город, Бреннан впервые осознал, насколько одинок он будет в горах.

Теплый весенний день перешел в вечер, когда тихий звук из комнаты заставил его обернуться. Дженнифер, вернувшись домой из библиотеки, выглянула в окно и глядела на него. Потом подошла к окну и открыла его, впуская Бреннана. Тот влез внутрь.

– Ну, – сказала Дженнифер, – по твоим визитам, раз в два месяца, можно календарь проверять.

Она явно была недовольна, и Бреннан знал почему. Он не виделся с ней с того самого времени, когда перехитрил засаду, устроенную бойцами «Призрачного кулака» зимой. Между ними была негласная договоренность, что он придет, чтобы повидать ее, но он сделал это только теперь.

– Я пришел, чтобы предупредить тебя, – с трудом начал он. – Я покидаю город. Кин сказал, что оставит тебя в покое, но я ему не верю.

Дженнифер нахмурилась.

– Ты уходишь из-за меня?

Бреннан пожал плечами.

– Скажем так, между живыми и мертвыми я выбираю живых.

Она нахмурилась еще сильнее.

– Он *использовал* меня, чтобы надавить на тебя. Сказал, что пришлет ко мне убийц, если ты его не оставишь.

– Типа того, – согласился Бреннан. – Сказал, что, если я разрушу его дело, ему будет незачем жить. И что я уже никак не смогу помешать ему убить тебя.

Дженнифер медленно кивнула.

– Понимаю. Значит, моя жизнь значит для тебя достаточно, чтобы ты оставил вендетту и позволил Кину победить?

Шумно выдохнув, Бреннан кивнул.

Дженнифер улыбнулась.

– Очень приятно это узнать. Все становится проще.

– Что все? – спросил Бреннан. – Что?

– То, что не принимаешь в расчет ни ты, ни Кин. То, что я не позволю никому делать из меня заложницу. Что меня невозможно сделать заложницей, если не знать, где я нахожусь.

Она одарила Бреннана долгим взглядом, и он ощутил укол боли, чувствуя красоту и любовь, озарившие ее лицо.

– До свидания, Дэниэл, хорошей тебе охоты.

Она превратилась в призрак, улетучиваясь из одежды и проходя сквозь стену комнаты. Бреннан поглядел на стену, совершенно озадаченный. Она ушла, исчезла, как привидение, которое изгнали.

– Подожди... – хрипло сказал он, но было уже поздно. В комнате никого не было, только он да ее вещи, брошенные теперь навсегда. – Подожди...

Он тяжело сел на кровать, совершенно ошарашенный, ощущая невыносимую утрату, будто боль от удара.

– Ты не понимаешь, – сказал он вслух в пустую комнату, отчасти самому себе, отчасти – исчезнувшей Дженнифер, поражаясь внезапно пришедшему к нему пониманию. – Кин предоставил выбор мне, но я сделал его по своей воле. Ты мне нужнее, чем он. Я хочу любви, а не ненависти... жизни, а не смерти.

Он умолк, глядя на стену, куда исчезла Дженнифер. И его глаза едва не выскочили из орбит, когда она высунула голову через стену обратно.

– Здорово, – с улыбкой сказала она. – Я надеялась, что ты скажешь нечто подобное.

Он вскочил с кровати.

– Христос Всемогуший! А ну, давай возвращайся и становись осязаемой!

– Зачем? Ты хочешь меня поцеловать или ударить?

– Проверь сама... – начал говорить Бреннан, но ее рот уже закрыл ему уста.

– Знаешь, – сказала Дженнифер, когда они наконец перевели дыхание, – может, и к лучшему поиграть по правилам Кина... по крайней мере, пока что.

Бреннан кивнул, продолжая обнимать ее за талию правой рукой и прижимая к себе. Левой рукой он нежно поглаживал ее изящный подбородок.

– Ты права.

Его глаза, голос были мечтательны и от этого очень странны. Дженнифер удивилась, но тут же безмерно обрадовалась, увидев в его глазах счастье и даже, наверное, удовлетворение.

– У меня отличный домик в Кэтскил, я буду рад привести тебя туда. А еще я не был в Нью-Мексико с тех пор, как... как... Боже, неужели прошло столько времени?

Она улынулась и снова поцеловала его.

– А Кин? – спросила она, когда они снова оторвались друг от друга.

Бреннан пожал плечами.

– Он куда не денется. Я подождать могу.

Он снова улынулся, но так холодно, что она испугалась этого и обрадовалась одновременно. Этот человек привлекал ее неудержимо, как пламя мошку.

– Это у охотника лучше всего получается.

Джордж Мартин

«Вся королевская конница»

I

Том обнаружил свежий выпуск журнала «Тузы» в приемной, пока ожидал кредитного эксперта.

На обложке красовался челнок Черепахи, парящий над Гудзоном на фоне феерического заката осеннего солнца. Когда впервые он увидел эту фотографию в журнале «Лайф», то испытал желание вставить ее в рамку. Но с тех пор прошло немало времени. На этом фото был уже не прежний челнок. Видно, пришельцы сбросили его за борт с балластом где-нибудь в космосе, когда захватили Тома прошлой весной.

Внизу, черным шрифтом по алым облакам, красовался вопрос: «Черепаха погиб или жив?»

– Дерьмо, – выругался вслух Том в приступе раздражения. Секретарша бросила на него неодобрительный взгляд. Не обращая на нее внимания, он пролистал журнал, ища статью. Как, черт возьми, им взбрело в голову заявить, что он мертв? Ну и что, если его подожгли напалмом и он рухнул в Гудзон на глазах у доброй половины города? Он же вернулся, разве нет? Умудрился пересечь реку на старом челноке, пролетел над Джокертауном на рассвете следующего дня после Дня Дикой Карты, и тысячи людей должны были видеть это. Что еще он должен был сделать?

Он нашел статью. Автор особенно налегал на тот факт, что Черепаху никто не видел уже многие месяцы. Высказывалось предположение, что он, должно быть, все-таки погиб и его появление на рассвете было чем-то вроде массовой галлюцинации. «Материализация желаемого», как предположил некий эксперт. «Метеозонд», – вторил ему другой. «А может, это Венера».

Венера! – негодовал Том. Старый челнок, которым он воспользовался тем утром, был не чем иным, как чертовым Жуком эскадрильи ВМС с бронированным корпусом. Какого дьявола они утверждали, что это Венера? Он перевернул страницу и не поверил своим глазам – на фотографии был изображен обломок челнока, извлекаемый из реки. Металл был искорежен, края зазубрены так, словно это были последствия ужасного взрыва. *Вся королевская конница, вся королевская рать*¹ не смогли бы снова собрать Черепаху, – гласил заголовок.

Том ненавидел эту их манеру умничать.

– Мисс Трент готова принять вас, – объявила секретарша.

Мисс Трент не способствовала улучшению его настроения. Это была хрупкая молодая женщина в больших очках в роговой оправе, ее короткие каштановые волосы были мелированы светлыми прядями. Довольно миловидная особа и лет на десять моложе Тома.

– Мистер Тадбари, – обратилась она к нему из-за стола с безупречной поверхностью из хромированной стали. – Ссудный комитет рассмотрел вашу заявку на кредит. У вас безупречная кредитная история.

– Н-да, – буркнул Том. Он сел и на мгновение позволил себе надеяться. – Означает ли это, что я получу деньги?

Мисс Трент одарила его печальной улыбкой:

– Боюсь, что нет.

¹ Строка из народной английской песни (Прим. перев.).

Впрочем, он ожидал нечто в этом роде и постарался напустить вид безразличия: банки никогда не дают деньги, если видят, что вы действительно в них нуждаетесь.

– Как насчет моего рейтинга кредитоспособности? – спросил он.

– У вас прекрасная история своевременных выплат по кредитам, и мы приняли это во внимание. Но комитет посчитал, что общая сумма задолженности уже слишком высока, учитывая ваш нынешний доход. Мы не смогли мотивировать выдачу вам беззалогового кредита. Мне очень жаль. Возможно, другое кредитное учреждение примет иное решение.

– Другое кредитное учреждение, – пробурчал Том устало. Держи карман шире. Этот банк был уже четвертым. И везде был один ответ. – Да уж, конечно. – Он был у выхода, когда увидел на стене диплом в рамке и обернулся. – Рутгерс, – обратился он к ней. – Я вылетел из Рутгерса. У меня были дела поважнее, чем окончание колледжа. Намного важнее.

Она смотрела на него молча, с озадаченным выражением на красивом молодом лице. Тому вдруг захотелось вернуться, сесть напротив нее и все рассказать. У нее было лицо человека, способного понимать другого, по крайней мере, для банкира.

– Не обращайтесь внимания, – сказал он.

Обратный путь до машины показался долгим.

Время шло к полночи, когда Джой нашел его. Том стоял, облокотившись на поржавевшие перила, и смотрел на залитые лунным светом воды пролива Килл-ван-Кулл. Парк находился через дорогу от дома и района, где он вырос. Еще в детстве он любил уединяться здесь, у черной, как нефть, воды, и смотреть на огни Стейтен Айленда, наблюдать за большими танкерами, проплывающими в ночи. Джой знал об этом – они были друзьями еще с начальной школы, разные, как день и ночь, но братья по всему, кроме имен.

Том услышал шаги и обернулся через плечо, но, увидев, что это Джой, повернулся обратно. Джой подошел и встал рядом, сложив руки на перилах.

– Ты не получил кредит, – констатировал Джой.

– Нет, – подтвердил Том. – Все та же старая история.

– Чтоб им пусто было.

– Нет, – возразил Том. – Они правы. У меня слишком большой долг.

– Ты в порядке, Тадз? – спросил Джой. – Давно здесь стоишь?

– Не очень, – ответил Том. – Мне нужно было подумать.

– Не нравится мне, когда ты такой.

Том улыбнулся:

– Да, я знаю. – Он отвернулся от воды. – Я прогорел на своих чипах, Джой.

– Черт, что это значит?

Том, казалось, не слышал вопроса.

– Мне жаль последнего челнока. На нем были инфракрасные приборы, линзы масштабирования, четыре больших монитора и двадцать маленьких, лентопротяжное устройство, графический эквалайзер, холодильник, все работало на дистанционке, все автоматизировано, все самое современное. Четыре года я работал над материнской платой, в выходные, ночами, трагил отпуск – тебе-то известно. Я вложил в это дело каждый цент. И что в итоге? Я отлетал пять месяцев, и эти тупые задницы, родственнички Тахиона, просто швыряют челнок за борт, как мусор.

– Ну и забей на них, – предложил Джой. – У тебя есть еще старые челноки на свалке, воспользуйся одним из них.

Сделав усилие, Том ответил сдержанно:

– Челнок, который Такизианцы вышвырнули как балласт, был пятым, – пояснил он. – Когда я потерял его, то перешел на четвертый. Это его спалили напалмом. Хочешь полюбоваться на его остатки, пойдешь и купи экземпляр «Тузов» – там убойная картинка. Мы «раску-

лачили» второй и третий на все полезные запчасти. Теперь остался только первый в более или менее исправном состоянии.

– Ну и?

– Что, ну и? Он проводной, Джой, не на платах, проводка двадцатилетней давности. Устаревшие камеры с ограниченной способностью сопровождения цели, мертвые зоны, приборы с черно-белым изображением, вакуумные лампы, чертов газовый нагреватель, худшая система вентиляции из всех, что ты знал. До сих пор не пойму, как я доперся на нем в Джокертаун в прошлом сентябре, но я был в полном ступоре после аварии, иначе никогда бы не ввязался в дельце для законченных дебилов.

– Мы могли бы маленько его отладить.

– Забудь, – сказал Том, вложив в ответ больше ярости, чем чувствовал на самом деле. – Те обломки моего челнока, они как символ моей проклятой жизни. Вот стою тут и ломаю голову на эту тему до тошноты. Куча денег, которые я вложил в них, время, труд. Если бы я направил все эти средства и усилия на настоящую жизнь, из меня бы кое-что вышло. Посмотри на меня, Джой. Мне сорок три года. Я живу один, у меня есть дом и заброшенный сарай с барахлом – все в кредит по горло. Я работаю по сорок часов в неделю, торгуя видеоманитофонами и компьютерами, и вот мне удастся выкупить треть бизнеса, да только бизнес этот теперь в пролете, ха, ха, удачная шутка. Та женщина, сегодня в банке, лет на десять моложе, а зарабатывает, думаю, в три раза больше. Что интересно, она без обручального кольца, секретарша назвала ее «мисс Трент», и я мог бы пригласить ее на свидание, но знаешь что? Я глянул ей в глаза и увидел жалость ко мне.

– Подумаешь, какая-то гребаная кукла посмотрела на тебя свысока, а ты уж и расклеился, – попытался успокоить его Джой.

– Нет, – возразил Том, – она права. Я лучше, чем выглядел в ее глазах. Но нет ни единого шанса показать ей это. Все лучшее во мне забрал Черепаха. Астроном и его головорезы чуть не прикончили меня. Дьявол их возьми, Джой, они подпалили напалмом мой челнок, а один из них так допек меня, что я отключился. Я мог погибнуть.

– Но не погиб же.

– Просто повезло, – запальчиво ответил Том. – Тупо повезло. Я был пристегнут к сущему хламу, все приборы до единого сдохли, и эта тучева хуча пикирует прямо на дно реки. Даже если бы я был в сознании, а я не был, все равно не было шанса добраться до люка и открыть его вручную до того, как я утоп. Но получается, что я нашел люк в крошечной темноте, да еще в воде, заполнившей челнок!

– Я думал, ты не помнишь все это дерьмо, – сказал Джой.

– Не помню, – подтвердил Том. Он потер виски. – Не осознанно. Я вижу сны... черт, не бери в голову. Дело в том, что я был мертв. Только мне повезло, невероятно повезло, что-то разорвало челнок на куски и выбросило меня наружу, но не убило, и мне удалось выбраться на поверхность. Иначе я был бы погребен в стальном саркофаге на дне Гудзона, и угри выплывали бы из моих глазниц.

– И что? – примирительно сказал Джой. – Ты же не утонул?

– А в следующий раз? – спросил Том. – Я горбачусь в поисках возможности профинансировать новый челнок. Продаю свою часть бизнеса, я даже собрался продать чертов дом и переехать на квартиру. Но затем я подумал – прекрасно, я продаю чертов дом, строю новый челнок, а потом снова подворачиваются проклятые такизианцы, или окажется, что у Астронома был брат, который взбесился, или еще происходит какое-нибудь дерьмо, подробности опускаю, но *нечто* обязательно случится, и я уйду в мир иной. Или даже могу выжить, только с новым челноком происходит та же оказия, что и с предыдущими двумя. И вот я снова там, откуда начал, только теперь еще и бездомный. Что за гребаная жизнь?

Джо смотрел ему прямо в глаза, Джо, который рос с ним вместе, который знал Тома лучше, чем кто-либо другой.

– Да, возможно, все так, – сказал он ему. – Только почему мне кажется, что ты что-то недоговариваешь?

– Когда-то я считал себя крутолобым парнем, – не унимался Том, резко отвернувшись. – Но я вырослел и как-то тупел. Эта дерьмовая двойная жизнь, как заезженная кляча. Большинству людей не по плечу справиться даже с одной. В какой недобрый день я решил, что смогу обмануть обе. – Он покачал головой. – Черт с ним со всем. Все кончено. Я становлюсь умнее, Джой. Они считают, что Черепаха погиб? Прекрасно. Пусть покоится с миром.

– Послушай, Тадз, – сказал Джой. Он положил свою загрубевшую руку на плечо Тома. – Тебе должно быть стыдно. Хочешь, чтобы мой малец проплакал все глаза? Ведь Черепаха – его герой.

– Джетбой был моим героем, – вздохнул Том. – Он тоже погиб. Так взрослеют мальчики. Рано или поздно все герои погибают.

Роджер Желязны

Концерт для серотонина с хором сирен

I

Сидя в заведении итальянца Вито, в самой темной из длинного – вдоль всей стены – ряда отдельных кабинок, он коротал время, поглощая очередную порцию лингвини. Местечко, выбранное для трапезы, представлялось ему достаточно укромным; лишь наметанный взгляд завсегдатая мог подметить необычное оживление среди официантов, бьющихся об заклад, какая по счету порция – а едок уплетал уже седьмую – станет последней. Горка на тарелке таяла со сказочной быстротой, столь же споро понижался и уровень вина в оплетенной бутылки, и, когда в зал ввалился широченный, словно трехдверный шкаф, верзила, того и другого оставалось ровно на донышке. Покачивая увесистыми гирями кулаков, пришелец неторопливо прошелся вдоль ряда кабинок и остановился вплотную к столику, не сводя с едока пристального взгляда налитых кровью глаз.

Шкаф молча пялился на сидящего за столиком, пока тот не обратил на здоровяка вопрошающий взгляд – из-под темных напояженных непослушных вихров блеснули черные зеркальные линзы.

– Ты, что ли, тот самый, кого я ищу? – прорезался у шкафа сиплый бас.

– Вполне может статься, – откладывая вилку в сторону, отозвался обладатель зеркальных очков. – Если речь о деньгах и определенных специальных навыках.

Верзила неожиданно расплылся в улыбке. Затем поднял и уронил правую гирию – угол столика с треском надломился и рухнул, увлекая за собой остатки изодранной скатерти. Хотя обедающий и отпрянул, тарелка с пестрыми следами итальянской кухни полетела ему на одежду. Зеркальные очки съехали набок, открыв свету выпуклые и ярко мерцающие фасеточные глаза.

– Туше! – объявил он негромко, но отчетливо, взметнув вытянутые пальцы ко второму гиперподобному придатку.

– Сукин сын! – взревел гигант, отдернув руку. – Чего жжешься, твою мать?

– А чего хулиганишь? – парировал собеседник. – Благодарю Бога, что не изжарил тебя целиком! Безобразие! Пришел, нагрубил. Зачем хороший столик сломал?

– Так, значит, это не ты, что ли, нанимаешь тузов гребаных? В гробу тогда я тебя видал!

– Нет, не я. Я решил было, что вербовщик ты – судя по замашкам.

– Чтоб ты сдох, ублюдок пучеглазый!

Собеседник мигом вернул очки на место.

– И в самом деле, что за наказание, – возвестил он ядовито, – лицезреть такую ослиную задницу, как ты, двести шестнадцать раз кряду!

– Я покажу тебе сейчас ослиную задницу! – снова заревел гигант, вздымая увесистый кулак.

– Поосторожнее! – объявил очкастый. Меж его расставленных ладоней внезапно разразился настоящий электрический ураган.

Верзила в ужасе отшатнулся. Очкарик расслабился и лениво опустил руки.

– Когда б не соус на одежде, все это могло быть даже забавным, – сказал он чуть погодя. – Присаживайся, что ли. Будем ждать вместе.

– Забавным? Что именно?

– Ну, ты пока пораскинь мозгами, поразмысли, а я схожу приведу себя в порядок. – Уже поднявшись, он добавил: – Меня, кстати, зовут Кройд.

– Кройд Кренсон?

– Точно. А ты, полагаю, Дробила?

– Угадал. А все же, что ты забавного здесь нашел?

– Да я имел в виду один старый анекдот – про двух парней, которые принимают друг дружку за кого-то еще, – примирительно ответил Кройд. – Не слышал разве?

Дробила сдвинул на несколько мгновений мохнатые брови, затем губы его сложились в неуверенную улыбку, а из пасти вырвался сиплый отрывистый смех, весьма схожий с собачьим кашлем.

– Действительно, чертовски забавно! – выдавил он и зашелся снова.

Продолжая шумно радоваться жизни, верзила рухнул на скамью. Кройд тем временем отправился приводить в порядок свой гардероб. Примчавшийся на шум официант маленько прибрался в кабинке и принял у Дробилы заказ – большой кувшин пива. Спустя минуту в зале появился, выйдя из кухни, хмурый тип в черном. Он постоял посреди, засунув пальцы обеих рук за пояс, меланхолично жуя зубочистку и покачиваясь на носках, затем неторопливо приблизился.

– Что-то мне фото твое вроде бы знакомо, – буркнул он, заходя в кабинку по-хозяйски, без приглашения.

– Дробила, – осклабился здоровяк, приподняв над столом чугунный кулак.

– Крис Мазучелли. Да, слышал я кое-что о тебе. Говорят, стены пробиваешь этими своими кувалдами.

– Запросто, твою мать! – радостно закивал гигант.

Губы Мазучелли, продолжая плотно сжимать зубочистку, сложились в некое бесцветное подобие улыбки; он уселся на место Кройда.

– А про меня слышал что-нибудь? – поинтересовался итальянец.

– Да, чтоб мне с места не сойти! – кивнул верзила. – Тебя среди своих кличут Пауком.

– Верно. Думаю, прослышал и о моих неприятностях? Из-за которых я и вербую особенных парней?

– Если тебе нужны настоящие гребаные потрошители, то я в самый раз, – заверил Дробила. – Черепушки крошить приходилось.

– Звонишь красиво, – заметил Мазучелли и сунул руку в карман. На стол шлепнулся пухлый конверт. – Это задаток.

Дробила открыл конверт, медленно и неуверенно – шевеля губами – пересчитал купюры. Закончив непривычно тяжелый труд – или же только сделав вид, что закончил, – объявил:

– Все правильно, чтоб мне сдохнуть! А теперь?..

– Там, в конверте, адресок. Придешь сегодня к восьми, получишь распоряжения. Не опаздывай. Договорились?

– Можешь на меня положиться. – Дробила поднялся, схватил со стола кувшин с пивом, осушил в несколько глотков и звучно рыгнул.

– А кто тут еще был с тобой – какой-нибудь новичок-салага?

– Нет, дьявол его раздери! Наш, один из лучших, – ответил Дробила. – Кройд Кренсон. Парень, каких лучше не задирать, но зато с большим чувством юмора.

Мазучелли вяло кивнул:

– Желаю приятно провести время.

Дробила ответил энергичным взмахом ручищи, еще разок рыгнул на прощанье и отчалил.

Обнаружив по возвращении из уборной на своем месте постороннего, Кройд промешкал лишь мгновение, не более. Подойдя к столику, воздел два пальца в шутовском салюте и представился:

– Меня зовут Кройд. А ты, наверное, тот самый Паук, что спешно вербует рекрутов?

Мазучелли окинул Кройда пристальным немигающим взглядом; его внимание привлекло влажное пятно на брюках.

– Никак с нами что-то случилось? – спросил итальянец бесцветным голосом.

– Да нет, ничего, просто по пути в сортир оценил прелести итальянской кухни, – ответил Кройд. – Так это ты ищешь таланты или нет?

– А чем особенным можешь похвастать?

Кройд дотянулся до абажура на соседнем столике и неспешно, без суеты выкрутил из него лампочку. Вытянул руку над столом – лампа засветилась, сперва как бы нехотя, затем ослепительно, наконец коротко вспыхнула и погасла, уже навсегда.

– Оп-ля! – прокомментировал Кройд. – Немного переборщил с напряжением.

– Такое удовольствие в магазине обойдется мне в полтора бакса, – заметил Мазучелли. – И купить можно на каждом углу. Фонарик называется – может, слышал?

– Да включи же свое воображение! – слегка обиделся Кройд. – Я могу точно так же разделиться с любой системой сигнализации, с компьютерами, телефонами. Стоит ли уж говорить о простых рукопожатиях? Но если это тебя не интересует, извини – голодная смерть пока мне не грозит.

И он решительно поднялся с места.

– Да садись же, садись! – спохватился Мазучелли. – А мне еще говорили, что у тебя потрясающее чувство юмора. Вот я и пошутил. Мне по душе твой талант, думаю, применение ему найти – раз плюнуть. И мне действительно срочно нужны парни вроде тебя.

– Никак с нами что-то случилось? – поинтересовался Кройд, усаживаясь на скамью, еще недавно занятую Дробилой.

Заметив, что собеседник нахмурился, Кройд широко ухмыльнулся.

– Шутка такая, – пояснил он. – Один – один. И какая же предстоит работенка?

– Кренсон, – объявил итальянец. – Таково твоё последнее имя. Как видишь, кое-что мне известно. Более того, известно не так уж и мало. Моим парням пришлось, правда, как следует за тобой побегать... Шутка такая. Не обижайся. Знаю-знаю, ты парень крутой и обычно справляешься с поручениями, справляешься неплохо. Но прежде чем перейти непосредственно к делу, поговорим малость о другом. Разумеешь, о чем я?

– Пока не очень, – ответил Кройд, – но ушки держу на макушке.

– Тебе что-нибудь заказать на время беседы?

– Съел бы еще порцию лингвини, – сказал Кройд, – ну, и чтоб запить – бутылочку кьянти. Мазучелли махнул рукой, щелкнул пальцами. Мгновенно подскочил официант.

– *Linguini, e una bottiglia*, – сказал Мазучелли. – *Chianti*.

Официант исчез. Итальянец потер ладони одна о другую, слегка похрустев при этом тонкими пальцами.

– Тот парень, что недавно свалил отсюда... – произнес он с ленцой. – Дробила...

– Да-да? – вставил Кройд заинтересованно, дабы заполнить затянувшуюся паузу.

– Из него может получиться неплохой боец, – завершил мысль итальянец.

– Полагаю, да, – кивнул Кройд.

– Что же до тебя... сдается, ты обладаешь навыками поинтереснее – помимо талантов, коими обязан вирусу. Думаю, ты уровнем повыше Дробилы будешь. Ты ведь, если не ошибаюсь, со стариной Бентли водился?

Кройд кивнул снова:

– Бентли был первым моим наставником. Я знал его еще псом. А ты и в самом деле осведомлен обо мне лучше всех прочих.

Мазучелли выплюнул зубочистку и хлебнул пивка.

– Это и есть мой бизнес, – небрежно обронил он после паузы. – Знать. Потому-то и не хочу посылать тебя простым бойцом.

Вернулся официант с заказом, поставил перед Кройдом дымящуюся тарелку, чистый бокал и откупорил кьянти. Завершив хлопоты, скрылся в одной из соседних кабинок. Кройд немедленно навалился на еду – с аппетитом, который Мазучелли с легкой брезгливостью определил как из ряда вон выходящий.

После непродолжительного перерыва Кройд поинтересовался:

– Так чем же все-таки предстоит заняться?

– Кое-чем... чуть более деликатным – если подойдешь для этого.

– Деликатным? Я прямо-таки создан для деликатных дел, – похвастался Кройд.

Мазучелли выставил перед собой палец.

– Первое, – сказал он. – Одна из тех вещей, которые следует уяснить, прежде чем перейти к дальнейшему...

Заметив, что тарелка визави почти опустела, Мазучелли спохватился и снова щелкнул пальцами. Почти мгновенно возник официант с новой порцией.

– Что же это за вещь? – спросил Кройд, отодвигая от себя пустую тарелку одновременно с появлением следующей.

Мазучелли подался вперед и отеческим жестом накрыл ладонь Кройда.

– Мне известны твои проблемы, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Слышал, что порою ты слетаешь с катушек, – Мазучелли понизил голос, – ускоряешься, что ли, и тогда начинаешь крушить налево и направо, все и всех подряд. Впадаешь в такое бешенство, что не можешь затормозить, пока полностью не выпустишь пар или пока кто-нибудь из друзей-тузов не уймёт тебя на время из жалости.

Отложив вилку в сторону, Кройд залпом осушил стакан.

– Твоя правда, – уныло признал он. – Но мне не доставляет удовольствия обсуждать это. Мазучелли пожал плечами.

– У каждого есть право время от времени повеселиться на свой собственный манер, – констатировал он. – Лишь бы не в ущерб делу. Я ведь не из праздного любопытства задел тебя за живое. Как бы такое не стряслось, когда будешь занят моими делами.

– Такое мое состояние вовсе не прихоть, не развлечение и не дамский каприз, – пояснил Кройд. – Мне и самому оно не слишком-то в масть. Кроме одного вреда, никакой пользы. Но ничего не попишешь – само собой накатывает. Впрочем, только лишь после слишком затянувшегося бодрствования.

– Ага, а сейчас ты еще далеко от такой точки?

– Довольно близко, – отрезал Кройд. – Но пока можешь не волноваться.

– Если я все же найму тебя, то предпочел бы и вовсе не беспокоиться. И хоть мне не совсем удобно задавать тебе вопросы касательно твоей пригодности, хотелось бы прояснить еще один небольшой нюанс: когда ты слетишь с катушек в очередной раз, достанет ли тебе самоконтроля, чтобы забыть, на кого работаешь? И если да, то сможешь ли отправиться кой-куда, чтобы сровнять с землей одно злочное местечко – как бы без всякой со мной связи?

Кройд изучал собеседника долгое мгновение, затем неторопливо кивнул.

– Кажется, въезжаю, – сказал он. – Если этого потребует моя работа, справлюсь, разумеется. Никаких проблем.

– Ну, раз мы друг друга поняли, я тебя беру. Как видишь, тебе поручается не черепушки крошить, тут задача потоньше. Посложнее всяких там краж со взломом.

– Мне приходилось участвовать в самых разных делах, – сказал Кройд. – Частенько попадались деликатные. А некоторые – так на поверку и вовсе легальными оказались.

Оба дружно заулыбались.

– Хорошо бы и в моем обойтись без лишнего шума и треска, а если удастся – и без насилия, – добавил Мазучелли. – Как я уже говорил, мой товар чистый – информация, важные

сведения. И с твоей помощью я тоже надеюсь разжиться некоторыми новыми данными. Лучше всего, чтобы о попытке их раздобыть никто и не узнал. С другой стороны, если все же придется кого-либо малость пощекотать, колебаться не надо – результат того стоит.

– Общую схему я уже просек. Теперь бы поконкретнее: что узнать и где?

Мазучелли издал короткий нервический смешок и резко ушел в себя.

– Похоже, что в нашем городе затеяла бизнес... еще одна компания, – мрачно процедил он после продолжительной паузы. – Понимаешь, что я хочу этим сказать?

– Конечно! – откликнулся Кройд. – Известное дело: сразу двум бакалейным лавочкам в одном жилом блоке делать нечего.

– Совершенно справедливое замечание, – кивнул Мазучелли.

– Так мы набираем команду, чтобы продолжить состязание в следующей весовой категории?

– Да, резюмировать ты умеешь! Но пока, как я говорил, нужна одна лишь информация о конкурентах. И заплатить за нее я готов очень даже недурно.

Кройд кивнул:

– Сделаю все, что в моих силах. Нет ли каких-то особых обстоятельств, пожеланий?

Мазучелли снова подался вперед и тихо, едва шевеля губами, процедил:

– Нужно имя. Имя хозяина. Хочу знать, кто дергает за нитки.

– Имя босса? Уж не хочешь ли ты сказать, что он еще не удостоил тебя посылки с дохлой рыбой, завернутой в чьи-нибудь кальсоны? А я-то полагал, что с вашими обычаями знаком!

Итальянец зябко повел плечами:

– Этикета эти парни не соблюдают. Кучка грязных чужаков, не иначе.

– С нашей стороны уже делались какие-то ходы или ситуация пока на нуле?

– Ты будешь первопроходцем. Я решил, что так лучше. Получишь список мест, которые вроде бы у них под контролем. А также имена двух парней, которые, похоже, уже успели на них поработать.

– А почему вы не взяли одного из них в оборот и не спросили прямо?

– Эти парни весьма шустрые, вроде тебя.

– Понятно.

– Но не думаю, что твои друзья, – тут же пояснил Мазучелли.

– Тузы? – безрадостно уточнил Кройд.

Итальянец молча кивнул.

– Разборки с тузами обойдутся дороже, чем с простыми смертными, – заметил Кройд.

– О чем речь! – Мазучелли вынул из внутреннего кармана еще один пухлый конверт. Кажется, он набит ими доверху. – Здесь список и задаток. Можешь считать его десятой долей полной стоимости заказа.

Приоткрыв конверт, Кройд листанул купюры, и на губах его заиграла удовлетворенная улыбка.

– Где оставлять сообщения? – поинтересовался он.

– У здешнего управляющего, он в постоянном контакте со мной.

– Как звать его?

– Теотокополос, короче, Тео. Человек надежный.

– О'кей, – сказал Кройд. – Ты купил меня с потрохами, со всей моей деликатностью – как врожденной, так и приобретенной.

– И еще одно, Кройд. Когда ты впадаешь в спячку, то ведь выходит из нее совсем другой человек, верно?

– Точно так.

– Ну а если такое случится до завершения работы по контракту, этот другой уклоняться не станет?

– Ни в коем разе – пока в карман хоть что-то сыплется!

– Значит, мы с тобой поняли друг друга.

Скрепив сделку рукопожатием, Кройд поднялся и, оставляя за собой снежный шлейф крохотных чешуек, осыпающихся с кожи, направился к выходу. Мазучелли проводил его брезгливым взглядом и потянулся за свежей зубочисткой. А Кройд, оказавшись на улице, выудил из кармана и бросил в рот еще одну черную пилюлю.

Наряженный в серые слаксы и голубой блейзер, в галстук цвета запекшейся крови Кройд посиживал в «Высоком тузе». Завитой и густо напудренный, с ухоженными ногтями, он сидел в одиночестве за столиком у окна, поглядывал сквозь снежный туман на городскую иллюминацию далеко внизу и, отхлебывая шато д'икем из высокого бокала, ковырял вилок в запеченном лососе. Кройд рассеянно обдумывал предстоящие действия и одновременно не забывал заигрывать с проскакивающей мимо официанткой, Джейн Доу. Та как раз приближалась снова – добрый для Кройда знак. Во всех прежних воплощениях, всеми прежними сердцами – порою даже сдвоенными, строеными, но всегда расстроенными от неразделенной любви – Кройд всецело принадлежал ей. Вот и сейчас, собравшись с духом и полагаясь на случай, как на лучшего помощника в делах сердечных, он вытянул руку и коснулся ее нежного плечика.

Раздался треск электрического разряда. Джейн с тихим «ах!» застыла как вкопанная и потеряла обожженное место.

На симпатичном личике читались все признаки детского огорчения.

– Прости меня... – начал Кройд.

– Ничего страшного, ведь ты не виноват – это всего лишь статическое электричество, – ответила девушка.

– Может быть, – не стал спорить Кройд. – Я просто хотел сказать, что мы знакомы, я тебя давно знаю, хотя ты узнать меня в нынешнем моем воплощении вряд ли сможешь. Я Кройд Кренсон. Когда мы виделись в прошлом, я всегда мечтал познакомиться с тобой поближе – сесть где-нибудь рядышком хоть на минуту и спокойно поболтать. Но до сих пор все как-то не складывалось.

– А ведь неплохой подходец! – объявила девушка, смахивая с бровей влагу. – Надо же, представиться тузом, которого никто не опознает. Бьюсь об заклад, твоему примеру последуют и другие.

– Могут, пожалуй, – улыбнулся Кройд, разводя руки пошире, – но если найдется с полминутки свободных, смогу доказать, что я – это я.

– Что? Что ты собираешься делать?

– Хочу ионизировать воздух, наполнить его в твою честь анионами, – сказал Кройд, зажигая меж ладоней бледный фейерверк. – Освежить, сделать таким, как перед грозой. Лишь слабый намек на то, что я способен устроить на самом деле...

– Прекрати немедленно! – воскликнула девушка, отступая в панике. – Заметить же могут...

Лицо и ладони Кройда взмокли от напряжения, волосы прилипли к потному лбу.

– Ну, прошу тебя, – умоляла Джейн.

– Пусть катятся к дьяволу! – заметил Кройд. – Давай устроим настоящую маленькую грозу. – Молнии заплясали между его пальцами, и Кройд нервно захихикал.

На них уже стали обращать внимание.

– Ну, хватит, ну, пожалуйста, – снова взмолилась девушка.

– А присядешь на минутку?

– О'кей!

Джейн уселась напротив. Утирая насухо лицо и шею, Кройд извел не одну салфетку.

– Извини за укольчик. Моя вина, должен признаться, – сказал он наконец. – Следует осторожнее обращаться с электричеством, когда рядом некто по имени Кувшинка или Водяная Лилия.

Девушка мило улыбнулась.

– Твои очки запотели. – Джейн порывисто нагнулась над столом и сдернула их с переносицы Кройда. – Позволь я протру...

– Влажная прелесть, явленная сразу двести шестнадцать раз. Что может быть прекраснее? – прокомментировал Кройд ее немигающий взгляд и приоткрытые губки. – Вирус, как обычно, не поспешил в отдельных своих проявлениях.

– Ты действительно видишь меня такое множество раз?

Он кивнул:

– Приметы джокеров проявляются порой в моих метаморфозах. Надеюсь, я тебя этим не напугал?

– Да что ты, это просто удивительно! – сказала девушка.

– Ты весьма любезна. Но все же верни мои очки.

– Секундочку.

Она тщательно протерла линзы краешком скатерти.

– Спасибо. – Кройд снова водрузил очки на нос. – Заказать тебе выпивку? Или поесть? Проси все, что душе угодно, – хоть натасканного болотного спаниеля!

– Я ведь на службе, – ответила она. – Спасибо. Извини. Может, в другой раз?

– Ничего-ничего. Я и сам сейчас при деле. Однако, если не шутишь, оставлю адресок и пару телефонов. Меня там может и не оказаться, но весточку на автоответчике я тебе оставлю.

– Договорились.

Кройд быстро нацарапал карандашом несколько строк в блокноте, вырвал страничку и протянул девушке.

– А что у тебя за работа сейчас? – поинтересовалась та.

– Весьма деликатного свойства, – ответил Кройд. – Расследование, связанное с клановыми разборками.

– Правда? Слыхала я, что ты столь же чокнутый, как и честный. Похоже, люди порой правду говорят.

– Ну, не совсем так, – улыбнулся Кройд. – Словом, дай о себе знать. Возьмем напрокат классную тачку и устроим забег в ширину.

Она поднялась с загадочной улыбкой:

– Может, и позвоню.

Кройд поспешно извлек из кармана конверт, отложил в сторону пачку купюр и расправил на столе клочок бумаги.

– Пока не убежала – имя Джеймс Спектор ни о чем тебе не говорит?

Девушка враз побледнела. А Кройд между тем обнаружил, что снова успел покрыться липкой влагой.

– Что я сказал такого особенного?

– Ты не шутишь? И вправду не знаешь?

– Не знаю. И не шучу.

– Но ты же знаком с фольклором тузов, знаешь поговорки.

– Далеко не все.

– Кто в потемках встретит Рыжего, счастлив будет, коли выживет, – продекларировала девушка. – Из гранаты вынь чеку при подходе к Живчику... Эта последняя как раз о нем. Джеймс Спектор по кличке Живчик.

– Никогда не слыхал, – признался Кройд. – Кстати, а про меня ничего такого не знаешь?

– С ходу не припомнить.

- Ну, давай, будь паинькой. Мне жутко интересно.
- Ладно уж. Только в рот засунь пирог – хлоп! – и Дремлин на порог, – медленно выговорила Джейн. – Если он слетел с катушек, не спасет и сотня пушек.
- Не слабо!
- А если я позвоню, когда ты как раз в таком состоянии...
- В таком состоянии на твой звонок я и ответить не сумею, не волнуйся.
- Принесу-ка я тебе еще пару чистых салфеток. Захвати с собой, – предложила девушка. – И прости, если испортила тебе вечер.
- Ерунда. Тебе кто-нибудь уже говорил, как ты очаровательна, когда истекаешь влагой? Джейн взглянула на него исподлобья.
- Пожалуй, принесу тебе еще и вяленой рыбки, – процедила она после недолгой паузы. Кройд потянулся за прощальным поцелуем, но схлопотал звонкую оплеуху.

Линн Харпер

Распад

Первыми заведение Джованни покинули двое телохранителей. И сразу же принялись оглядывать улицу сквозь темные очки. По взмаху руки человека, шедшего справа, телохранитель шагнул вперед, опережая дона Томазо, главу семьи Ансельми. Дону нужно было помогать идти. Он был старым, согбенным, но его старомодный черный костюм был пошит на заказ и отглажен до бритвенных стрелок. Он тоже оглядел улицу, поворачивая из стороны в сторону трясущуюся голову, торчащую из ссутуленных плеч, будто голову черепахи. Красные и зеленые неоновые огни вывески ресторана одновременно подчеркивали и скрывали морщины на его лице.

Черный «Мерседес» дона Томазо стоял поперек всех правил у самого входа в ресторан Джованни. Окруженный своими, дон Томазо подошел к машине, держа голову так высоко, как только мог, назло всем, кто мог бы смотреть на него. Позади «Мерседеса» остановился темный «БМВ». Томазо приветственно кивнул водителю, пригибаясь и садясь в лимузин. Следом сел один из телохранителей. Остальные сели в «БМВ». Обе машины поехали прежде, чем закрылись двери «БМВ».

Освещенные тусклым оранжевым светом уличного фонаря, двое детей играли на тротуаре, перед особняком в квартале от ресторана. Мальчик только что кинул девочке бейсбольный мяч, когда «Мерседес» взорвался. Спустя мгновение взорвался и «БМВ». Вспухли огненные шары, сливаясь, обломки машин и куски кирпича от ближайших домов разлетелись в стороны и упали.

Розмари Малдун глядела на огонь взрывов, который отобразил огромный экран прямо перед ней. Ничего не сказала, пока пленка не закончилась и по экрану не пошел шум. Неподвижно сидела в резном кресле из черного ореха, во главе длинного стола, лишь сжала подлокотники так, что побелели костяшки.

Крис Мазучелли встал с кресла, рядом с ней, и вынул кассету из видеомэгнитофона. Розмари оглядела отцовскую библиотеку, место, где всегда проходили главные собрания ее семьи, Гамбионе. Она почти все оставила на местах, поставив сюда лишь некоторое количество современной аппаратуры, такой, как видеомэгнитофон и компьютер. Чтобы было проще командовать подчиненной ей империей, которую она унаследовала. Сейчас комната показалась ей особенно пустой, как тогда, когда отец оставил ее.

Когда Крис вернулся к столу, он положил кассету и погладил ее по каштановым волосам. Его рука прикрыла ей лицо, и Розмари собралась с силами.

– Теперь нас только двое. Дон Кальвино и я. За несколько недель погибли трое донов, а мы даже не знаем, кто нас убивает.

Розмари покачала головой.

– Пять Семей еще никогда не сталкивались с такой опасностью. Мы не готовы вести войну в таких масштабах. Потеряли большую часть точек сбыта наркотиков в Джокертауне. В Гарлеме перестали процент платить. Нас бьют по всем фронтам. Захватили даже нашу самую большую лабораторию по наркотикам в Бруклине.

– Придется собраться. Ты – единственный дон, оставшийся при власти. Я разговаривал с капо дона Томазо. Все они заодно с нами, как и остальные. Хотелось бы лишь направить их усилия в нужную сторону. В данный момент я лишь пытаюсь поддержать дела в порядке, чтобы у нас были деньги на то, чтобы выжить и нанести ответный удар. Кальвино пытается пойти на переговоры. Судя по всему, это без толку пока что. Оставшиеся в живых двое донов были под круглосуточной охраной. Только поэтому и имеем эту запись.

Крис подбросил кассету в воздух.

– Бомбы с дистанционным управлением, как я понимаю. Жидкая взрывчатка наверняка. Видимо, были в прямой видимости от машин, чтобы убедиться, что взорвут именно дона Томазо.

– Значит, детей они тоже видели, – подняв взгляд, сказала Розмари.

Крис пожал плечами.

– Пока что жертвы среди гражданских их не особо беспокоили. Террористы, вот и все.

– Ублюдки.

Крис кивнул, и Розмари поняла, что он уже обдумывает то, как отследить, откуда взялась взрывчатка. За последние несколько месяцев работы с ним она, в частности, поняла, что он превосходно воплощает в жизнь ее потребности и желания, выступая в качестве официального главы клана по отношению к другим Семьям. Знала, что капо никогда не примут ее саму в качестве главы семьи Гамбионе. Им нужен мужской персонаж на таком посту. Так что официально всем командовал Крис, а она, Мария Гамбионе, дергала за ниточки. Хотя на самом деле все было не совсем так. Крис практически угадывал ее мысли. И у него был богатый опыт, тот, которого не доставало ей. Без него она никогда бы со всем этим не справилась.

– «Призрачный кулак» создает нам проблемы, но я не думаю, что у него достаточная организационная структура, чтобы сделать все это. С другой стороны, мы знаем, что они работают заодно с «Белоснежными цаплями» и «Оборотнями» из Джокертауна. Вместе они создают нам очень много проблем. Но это всего лишь несколько банд...

– При должном руководстве...

Розмари развела руками.

– При должном руководстве все возможно. Но мы уже должны бы были что-то о нем слышать. Как им удастся настолько хорошо скрывать его?

Крис пожал плечами.

– Я проверю, но не буду особо на этом сосредотачиваться. У меня возникла другая мысль. Подумай насчет убийства Томазо. Машины должны были быть под круглосуточным наблюдением и охраной самых доверенных его людей. Как, черт подери, они смогли установить эти бомбы?

Крис отодвинул стул и сел.

– И как?

Розмари уже приучила себя не проявлять лишнего нетерпения, когда Крис принимался рассуждать философски. Из этого можно было многое почерпнуть, как из лекции в юридическом колледже.

– Снова тузы. Как и в случае с доном Пичиетти. Кто же еще сможет появиться, а потом исчезнуть так, что его никто не видел? На самом деле никто не знает, сколько их в городе, кто они и на что способны. Что, если некоторые из них решили, что прикидываться альтруистами и трусами глупо? Да и джокеры тоже. Посмотри на этих «Оборотней». Да и на натуралов. Вместе получается весьма серьезная армия. Подумай, где все происходит по большей части. В Джокертауне. Возможно, именно потому, что мы там все контролируем, они пытаются нас снести. Или сами джокеры решили отхватить свою долю.

Крис наклонился вперед.

– Пусть и не все они тузы, но определенно у них есть тузы, которые на них работают. И я думаю, есть способ с этим справиться. Если мы не найдем себе собственных тузов, то нас перебьют. Мы не сможем с ними тягаться.

– Это мне нравится. Должность прокурора округа поможет мне в поиске добровольцев. Слегка направим их усилия в нужную сторону, и изрядная часть наших проблем будет решена. Так мы сможем получить на свою сторону тузов посильнее, чем у противника. Жаль, что самые крутые отправились в это турне, под эгидой ВОЗ.

Розмари кивнула Крису. Такой план нравился ей куда больше всех, которые они составляли в последнее время.

– Ладно, – добавила она. – Ты сам сможешь кого-нибудь найти?

– Если честно, уже нашел. У нас теперь есть детектив по имени Кройд, который кое-что взялся проверять для нас, а еще парень с чудесным именем Дубина, который очень хорош в драке. Конечно, они не настолько высокого класса, поскольку их нанял такой криминальный элемент, как я.

Крис выпрямился и поглядел на нее, слегка наклонив голову, чтобы скрыть ухмылку.

– Они тоже хороши. Да и «криминальный элемент» вовсе не так плох.

Розмари протянула руки и притянула его к себе, чтобы поцеловать.

Вонищенка шла по запруженной Ист-Вилидж-стрит, стараясь не терять терпение от того, как Си-Си Райдер пялится на витрины. Казалось, через каждые три метра эта милая девушка с рыжими торчащими волосами замечала в витрине что-то такое, что только и мечтала купить. Хорошо хоть, не заходила внутрь и не заводила разговор. Вонищенка уже готова была предложить ей вернуться в помещение на верхнем этаже, где обитала сочинительница песен, когда услышала позади голос с характерным каджунским акцентом.

– Эй, вы обе, куда шагаете?

Тело гиперактивной девушки-подростка было затянато в полосатое трико танцовщицы, на ногах ее были золотистые кроссовки. Корделия, племянница Джека. Она выскочила из ресторана, в который только что собиралась зайти. Схватила Вонищенку и Си-Си под руки и затащила в «Ривьеру» прежде, чем те успели что-то возразить. Как только они оказались внутри, Си-Си стряхнула ее руку, но они не стали возражать, когда девушка нашла им столик. Вонищенка хорошо знала, что лучше не возражать, чтобы не получить себе в наказание смертельно обиженного подростка.

– Так вы еще не видели, как Розмари к тузам обратилась, по телику? – спросила Корделия, открыв меню и тут же его захлопнув. – Присоединишься, Вонищенка?

– Меня никто не просил, – ответила Вонищенка, делая вид, что внимательно читает меню. – А ты сама?

Поглядев поверх огромной папки меню, Вонищенка с удивлением увидела на лице Корделии искреннее отвращение. Ей удалось остановить девушку на всем скаку, возможно, впервые в жизни.

– Я, это, больше никогда такого не сделаю, – ответила Корделия и уперлась взглядом в меню. – Ударить кого-нибудь могу, сама знаешь. Но *это* больше никогда в жизни не сделаю. Так нельзя.

– Я не уверена, что это хорошая идея. «Комитет бдительности» из тузов не то, что нужно этому городу.

Си-Си поглядела на Вонищенку и Корделию, извинилась и встала.

– Давно Джека видела? – спросила Корделия Вонищенку, внимательно проводив Си-Си взглядом, невинно поглядев на нее широко открытыми глазами.

– Ага. Он спрашивал, не видела ли я тебя. Никогда не думала, что стоит иногда хоть звонить дяде?

В хриплом голосе Вонищенки отчетливо читалось раздражение.

– Я была так занята на этой работе в «Глобал Фан энд Геймс», и все такое...

– А еще ты просто не хотела с ним разговаривать, так?

– Даже не знаю, что сказать...

Корделия смутилась.

– В смысле, все так, будто он мне теперь совсем чужой. Ты не поймешь. Меня воспитали в строгой вере. Учили, что гомо... такие, как Джек, что это один из худших грехов.

– Это не так, и он все равно тебе дядя родной. Он жизнью ради тебя рисковал, а ты ему даже позвонить не хочешь. Какая радость, что ты столь крепка в своих понятиях о добре и зле.

Вонищенка произнесла это с явным отвращением и махнула рукой невольно.

– Майкл ему хороший друг. Я никогда еще не видела Джека таким счастливым.

– Ага, точно, Майкл, сукин он сын! Я его в клубе видела, в Виллидж, на прошлой неделе. Он там был не один и не с дядей Джеком, – взбешенно ответила Корделия.

– У вас все в порядке? – спросила Си-Си, усаживаясь и оглядывая обеих.

– Эй, без проблем, – ответила Корделия, отмахиваясь от официантки. – Так ты выполнишь мою просьбу или как?

– Каждый раз ты спрашиваешь, и каждый раз я отвечаю. Нет, – ответила Си-Си, раздраженно мотнув головой. – Я хочу просто сочинять песни, записываться понемногу, дома. Мне не нужна публика, я не хочу этого, совершенно точно.

– Си-Си, но публике ты нужна. Это на благо и жертвам Дикой Карты, и жертвам СПИДа. Ты способна им посочувствовать больше, чем кто-либо.

Вонищенка увидела, как лицо Си-Си окаменело при упоминании вируса Дикой Карты. Потребовались годы лечения и приема лекарств и еще бог знает чего, чтобы вернуть ее обратно в человеческое состояние. Для Си-Си самым страшным и реальным кошмаром была мысль о том, что она может снова превратиться в оживший вагон метро, движимый лишь ненавистью. Или что-то еще, куда худшее. Си-Си не любила о таком разговаривать.

Си-Си Райдер держала свои эмоции железной хваткой, не позволяя им превышать некий предел, весьма низкий. Если она продолжит принимать успокоительные и антидепрессанты, которые ей прописали, то не сможет писать песни. А неспособность творить еще хуже, чем перспектива вернуться в прежнее состояние. Поэтому она старалась избегать ситуаций, в которых могла бы потерять контроль над собой. Даже Тахион не смог в точности сказать ей, что может стать спусковым механизмом внутренних трансформаций, в результате которых она снова изменится. Вонищенка не могла понять, как Си-Си удастся жить в таком постоянном страхе, продолжая при этом писать песни. С другой стороны, она прекрасно понимала, почему Си-Си сторонится публики. И вполне одобряла это.

– Нет.

Голос Си-Си был таким же напряженным, как и мышцы ее тела, хотя было вполне очевидно, что она держит под контролем тот эффект, который произвел на нее этот разговор.

– Это могло бы стать твоим грандиозным возвращением...

– Корделия, невозможно вернуться туда, где тебя никогда не было, – с трудом улыбнувшись, сказала Си-Си. – Уверена, на это место достаточно куда более подходящих кандидатов.

– Твои песни записывают лучшие из лучших. Питер Гэбриэл...

Корделия прервала свою хвalebную песнь, когда ей принесли бургеры, но лишь на мгновение.

– ...«Симпл Майндз», «Ю-Ту»... пора тебе показать всем им, на что ты способна.

Утомившись этим спором и успокоившись на том, что Си-Си продолжала стоять на своем, Вонищенка протянула нити сознания через весь город, оглядывая его глазами своих зверей-разведчиков. Темнота, яркий свет, голод, удовлетворение, напряженное предвкушение охоты, холодящий страх преследуемых. Смерть, рождение, боль. В жизни столько боли, каждую ее минуту. Почему же эти дураки-люди постоянно пытаются сотворить ее больше, играя в свои ничтожные игры? Играя с живыми существами. Она коснулась сознанием белки с перебитой спиной. Ее сбила машина, рядом с Вашингтон-Парк. Вонищенка усилием воли отключила ей сердце и мозг одновременно, избавляя от мук. У Центрального парка серый, сын черного и полосатой, метнулся в дубовую рощицу и спрятался в кустах. Потом резко развернулся и разодрал нос доберману, который его преследовал. Вонищенка почувствовала восторг кота, и спустя мгновение он почувствовал прикосновение ее ума и сердито зашипел. Не ощущая

необходимости удерживать контакт насильно, Вонищенка двинулась дальше. Позволила себе потратить еще мгновение на то, чтобы убедиться, что последние котята черного и полосатой надежно укрыты в тепле тоннеля под Сорок Второй.

Ее глаза снова вернулись в нормальное состояние, и она поняла, что разговор между Корделией и Си-Си прервался.

– Сюзан, ты в порядке?

Си-Си оглядела лицо Вонищенки и медленно кивнула:

– Она в порядке, Корделия.

Открыв рот, Си-Си снова привлекла внимание Корделии к себе, давая Вонищенке возможность спокойно вернуться. Иногда было очень тяжело возвращаться в медлительный мир людей, наполненный лишь болтовней. Когда-нибудь, подумала Вонищенка, глядя на Си-Си Райдер, она не вернется. Си-Си была единственным человеком, которая оказалась в состоянии понять это. Когда-нибудь она спросит Си-Си, как она ощущала себя, когда была Другой. Си-Си редко заговаривала об этом, но всякий раз Вонищенка видела в ее глазах нестерпимую нужду с кем-то этим поделиться.

– Э, ладно. По-любому «Джи-Эф энд Джи», сама понимаешь, всегда будут рады твоему возвращению. «Дом Смеха» – особое место, интимное. Идеально подходит для тебя и твоей музыки.

Корделия наклонилась к Си-Си:

– Мы всегда готовы. И ты знаешь, что Ксавье Десмонд – твой преданный поклонник.

– Боже, девочка, ты превращаешься в *агента*, самого настоящего, – сказала Си-Си, откидываясь на покрытую пластиком, в стиле пятидесятых, спинку стула. – А у меня и так агент есть. Мне одного за глаза хватает.

– Ну, это, мне домой уже пора. Поздно. Рада была вас видеть, ребята.

Корделия бросила пару купюр на стол и встала. Закинула на плечо рюкзачок из кожи броненосца. Увидев отвращение Вонищенки при виде кожи мертвого животного, локтем сдвинула рюкзачок за спину и, пятясь, пошла к двери, не переставая наседать на Си-Си.

– У тебя несколько недель, чтобы принять окончательное решение. Шоу состоится не раньше конца мая. Боно сказал, что очень ждет встречи с тобой. Как и Литл Стивен.

– Спокойной *ночи*, Корделия, – ответила Си-Си Райдер, окончательно теряя терпение. – Я слишком стара для всего этого, Сюзан.

Буквально корчась от надетого на нее делового костюма с набивными плечами, который ей купила Розмари, Вонищенка вышла из лифта на нужном этаже. Секретарша сразу же узнала ее.

– Доброе утро, мисс Мелотти. Сейчас сообщу мисс Малдун.

– Благодарю, Доннис, – ответила Вонищенка, неловко усаживаясь в одно из кресел в приемной.

– Боюсь, вы разминулись с мистером Гольдбергом. Он пару минут назад ушел на одно из судебных заседаний, где он сегодня должен присутствовать.

Женщина, старше ее возрастом, виновато улыбнулась, отрываясь от электронной машины для набора текста и набирая внутренний номер Розмари. Сообщила о ее приходе.

– Хотя когда-то все идет по распорядку. Проходите, она вас ждет.

Вонищенка кивнула, вставая и с трудом удерживая равновесие на высоких каблуках. Стоя спиной к секретарше, позволила себе моргнуть от боли в ступнях. Терпеть не могла весь этот маскарад с приличной одеждой, необходимый, чтобы поговорить с Розмари. Подойдя к двери, постучала дважды и вошла. Заместитель прокурора округа разговаривала по телефону, прижав трубку плечом. Как обычно, Вонищенка уселась на край большого дубового стола и принялась слушать разговор.

– Отлично, лейтенант. Я так рада, что эта наводка относительно подпольной лаборатории оказалась верной.

Подписывая бумаги и удерживая плечом трубку, Розмари поглядела на Вонищенку и закатила глаза.

– Значит, это и не мафия сделала вовсе. Есть какие-нибудь намеки на то, чья лаборатория? Если мы сможем узнать, кто стоит за этой бессмысленной уличной войной с мафией, мы далеко продвинемся в том, чтобы прекратить ее.

Розмари закивала, слушая незримого собеседника, и едва не уронила трубку.

– Точно, но пока они продолжают уничтожать друг друга, гибнут и другие люди, ни в чем не повинные.

– Ну, вы можете быть уверены, что я немедленно направлю к вам других тузов, которые вызовутся помогать нам. Вы правы, несогласованные действия опасны. Рада была помочь. Буду на связи. Пока.

Розмари положила трубку.

– Этой ночью накрыли лабораторию по производству наркотиков, – сказала она, опираясь подбородком на руку. Улыбнулась Вонищенке.

– Я рада, – кивнув, сказала Вонищенка и поглядела на темную деревянную дверь.

– А мне любопытно, – ответила Розмари, вставая. Подошла к двери и убедилась, что она хорошо закрыта. – Почему ты не вызвалась добровольцем?

Вонищенка уже в сотый раз заметила, что Розмари ходит на шпильках безо всяких проблем. Подняла взгляд и увидела, что Розмари глядит на нее и на ее скулах играют мышцы.

– Ты не просила, – неловко ответила Вонищенка. Терпеть не могла этого. Пусть чувство вины испытывают люди. Или домашние животные.

– Я не думала, что надо делать это персонально. Думала, мы друзья.

Они поглядели друг на друга, как две кошки, оспаривающие территорию. Розмари первой сделала шаг к выходу из тупика:

– Безусловно, мы и есть друзья.

Помощник прокурора села в кресло и откинулась на спинку.

– Мне *следовало* попросить тебя. И я прошу. Мне нужна твоя помощь.

Улыбка Розмари почему-то напомнила Вонищенке зевающего тигра. Зубы, столько зубов. Она почувствовала холодок.

– Что я могу сделать? Поговорить с голубями?

Вонищенка внимательно глядела на лицо Розмари, ища признаки неискренности.

– Ну, голуби многое видят. Уверена, иногда видят нечто очень интересное. И я просто хотела бы знать о таких интересных вещах.

– Какая из тех, кто есть ты? Помощник прокурора округа или дон, возглавляющий Семью?

Розмари сверкнула глазами, глянув в сторону двери, а потом снова на Вонищенку. Но спустя мгновение улыбнулась женщине, сидящей у нее на столе.

– Ты удивишься, узнав, насколько часто их интересы сходятся.

– Да. Совершенно точно. Не думаю, что смогу помочь, – качая головой, ответила Вонищенка.

– Ладно тебе, Сюзан. Люди гибнут. Мы должны это остановить.

Розмари подошла к окну.

– Да. Люди убивают людей, – кивнув, согласилась Вонищенка. – И хорошо. Чем их меньше, тем лучше.

– Сегодня, как вижу, у тебя тяжелый день, – сказала Розмари, снова садясь в кресло. – Такое я от тебя уже слышала.

– Я серьезно, – ответила Вонищенка, в упор глядя на давнюю подругу.

– Понимаю. Но ты мне нужна. Мне нужны твои связи. Нужна информация, которую ты можешь получить. И дело не только в том, что люди гибнут.

Розмари вытянула руки вперед, поверх бумаг, лежащих на столе. Обе видели, как задрожали ее пальцы, прежде чем сжаться в кулаки.

– Дон Пичиетти и дон Ковелло уже мертвы. Только что они убили дона Томазо. Он был моим крестным. Вонниценка, *пожалуйста*, помоги мне.

Розмари поглядела на Вонниценку. В ее голосе и на ее лице была искренняя мольба.

– Пичиетти убили ножом для колки льда, в ухо. И никто из окружающих ничего не видел, – продолжила Розмари, криво улыбаясь. – И они не лгут насчет этого.

– Ты не понимаешь, во что ввязалась. Но моя помощь будет такова, чтобы никому не принести боль, – с горечью сказала Вонниценка, внутренне признавая поражение и ненавидя себя за это. Но она не может бросить друга.

– Спасибо тебе, – немного расслабившись, сказала Розмари. Взяла ручку и принялась крутить ее в пальцах. – Давно с Джеком не говорила?

– Очень, – ответила Вонниценка, посылая часть своего сознания к крысе, которой поручила приглядывать за Джеком, когда тот работает в тоннелях метро. Сначала почувствовала запах. Потом развернула голову крысы в сторону Джека Робишо и увидела его нечетким черно-белым зрением крысы.

– Может, сможешь передать ему, что я хочу с ним увидеться? – спросила Розмари, явно устав спорить с Вонниценкой.

– Могу сказать ему, – кивнув, ответила Вонниценка. – Но ничего не обещаю. Какому из лейтенантов доложить?

– Не шути так, Сьюзан. Ты будешь рассказывать все, что тебе станет известно, лично мне.

Но когда Вонниценка встретила с ней взглядом, в глазах Розмари не было ничего дружеского.

Опершись сжатыми в кулаки руками на стопку папок с делами, Розмари глядела в окно. Она боялась за Криса. Пока они не выяснят, кто стоит за этой войной против Семей, он в огромной опасности, поскольку официально возглавляет клан Гамбионе. А у них все еще слишком мало информации, хотя мафия теряет людей каждый день. Они подняли всех: сборщиков в игорном бизнесе, дилеров, мелких подручных, рэкетиоров, чтобы найти хоть какие-то выходы к центру этой сети. Но без толку. Нижние звенья преступной цепи понятия не имели о том, что творится наверху. Чья-то гениально устроенная организация, которая убивает ее людей. Она невольно покачала головой. Часть ее была занята делами Семьи, другая же пыталась справиться со всеми делами по службе. Ей все чаще и чаще приходилось полагаться на помощников в тех делах, с которыми она еще несколько месяцев назад разбиралась бы сама. Интересно, заметил ли кто-нибудь это. Надо быть осторожнее. Так сложно все это держать в равновесии, намного сложнее, чем она себе представляла.

Послышался тихий голос Доннис:

– Кое-кто хочет вас видеть, мисс Малдун.

Это так резко вырвало ее из ее мыслей, что она едва не подпрыгнула.

– Кто там, Доннис? У меня весь стол делами завален.

– Ну, мисс Малдун, она сказала, что ее зовут Джейн Доу.

Имя было знакомым, но Розмари не сразу сопоставила его с человеком. А потом вспомнила. Водяная Лилия. Что нужно этой девушке?

– Я ее приму.

Войдя, девушка, нет, поправила себя Розмари, молодая женщина с каштановыми волосами аккуратно закрыла за собой дверь.

– Благодарю, что приняли меня, мисс Малдун.

– Присаживайтесь, мисс Доу, пожалуйста. Чем могу быть полезна?

Водяная Лилия опустила взгляд на свои нервно движущиеся руки, и Розмари увидела, как у нее на лбу выступили капли жидкости. Интересно, подумала она, потоотделение – естественное продолжение ее способностей туза? Только этого ей не хватало.

– Ну, я подумала, может, я что-то могу для вас сделать. Я услышала, что вы ищете тузов, и... я понимаю, что я не самый выдающийся из них, но подумала, что могла бы работать с вами. Если у вас есть что-то, что я могу сделать.

– Возможно, – ответила Розмари и вздохнула. Представить себе не могла, что бы это могло быть, но не собиралась с ходу отвергать любую предложенную помощь в нынешней ситуации. – Объясните поточнее пределы ваших возможностей.

– Ну, я могу управлять водой. Хорошо умею устраивать затопления.

Водяная Лилия покраснела, и вода заблестела у нее на лице. Она выглядела очень юной. Розмари услышала звук падающих капель, но решила не обращать внимания.

– Любую воду, повсюду? В смысле, есть ли у вас какая-то дальность воздействия? Вы ее создаете или используете ту, которая находится вокруг?

Розмари виновато улыбнулась.

– Извините за допрос третьего уровня. Я просто пытаюсь выяснить, для чего вы подойдете.

– Место должно быть поблизости, но я могу использовать любую воду, находящуюся в пределах видимости, и управлять силой ее потока. Могу изменить электролитный баланс в организме человека, вызвав потерю сознания.

Водяная Лилия смотрела на нее уже чуть менее смущенно, теперь, когда поняла, что ее приняли всерьез. Розмари уже не слышала звука капающей воды.

– Я подумала, что могу использовать свои возможности для контроля больших скоплений людей, сбивая их с ног потоком воды и не причиняя при этом реальных повреждений. Или устроить отвлекающий маневр, если это понадобится.

– А как насчет воды в других видах, например, пара под высоким давлением?

– Я не знаю. Никогда не пробовала, – ответила Водяная Лилия, явно заинтересовавшись.

– О'кей, похоже, это может оказаться вполне полезным. Добро пожаловать в команду, Водяная Лилия. Или вы предпочитаете, чтобы вас называли Джейн?

Розмари подумала насчет рейдов на торговые и производственные точки по наркотикам, принадлежащие «Призрачному кулаку», которые она организовала в последнее время. Парочка вовремя взорвавшихся труб может причинить потрясающий ущерб. Широко улыбнулась девушке, не фокусируя на ней взгляд.

– Лучше Джейн. Всегда можете найти меня в «Козырных тузах». Я принесла визитку. Просто сообщите мне, что необходимо сделать.

Джейн явно была довольна, что ее приняли.

Розмари потратила полчаса, знакомясь с делами, стопкой лежавшими перед ней на столе, а потом приняла Пола Гольдберга. Его опыт работы стал решающим в вопросе выбора главного помощника, и Розмари постоянно прибегала к его услугам.

Пол сам вошел и уселся без приглашения. В его руках была толстая стопка докладов, и он с грохотом бросил их ей на стол.

– По последним из наших дел. Мы выигрываем дело против Малеруччи.

Услышав фамилию, Розмари оторвала взгляд от бумаг.

– Я знал, что вы не слишком надеялись на успех дела, но решил заняться им плотнее. И все сработало. Может, вы и не знаете, но у нас серьезные успехи по нескольким делам против мафии, по которым мы работаем. Вернее, почти не работаем. Копы несколько раз приходили ко мне с жалобами, что они делают все сами, без малейшей поддержки от нас.

– Копы всегда жалуются. Сам знаешь, Пол. Они не хотят понять, что у нас до сих пор действует Конституция и мы обязаны обращать на нее внимание, когда хотим кого-то в суд зата-

щить. С делом Малеруччи – отлично, но рискованно. Присяжные могут вынести иное решение, учитывая, какие имеются улики.

– Особенно после того, как кто-то залез в полицейскую лабораторию и уничтожил большую часть кокаина.

Пол закинул ноги на стол Розмари, скрестив их, и откинулся на спинку кресла.

– Мы пока не установили, где произошла утечка информации.

– В будущем постарайся придерживаться моих указаний насчет того, каким делам давать ход. Я это оценю как твой непосредственный начальник.

Розмари улыбнулась и тоже откинулась на спинку кресла.

– Начальник, я заметил некую тенденцию относительно дел, которым вы даете ход, и не я один. Почему мы не возьмемся за мафию по полной? С этой войной, которая сейчас началась, мы могли бы упрятать многих мерзавцев. У них сейчас стало мало сил, чтобы прикрывать всех.

Протянув руку, он постучал указательным пальцем по стопке папок.

– Вот тут оно, все. Я даже, возможно, могу зацепиться за Криса Мазучелли за уклонение от уплаты налогов. Что скажете? Позвольте мне за него взяться.

– Нет, – ответила Розмари, делая безупречное лицо мадонны. – Я хочу дождаться, пока эта война не вытащит на свет побольше. Мафия и так сама себя уничтожает. Мы вполне можем просто сэкономить силы.

– Вы знаете, что если мы упрячем за решетку некоторых из этих людей, то, вполне возможно, спасем им жизнь, – сказал Пол, внимательно глядя на нее. От его дотошности Розмари почувствовала себя неудобно.

– Здесь решения принимаю я, – сказала она таким тоном, чтобы Пол заткнулся. Это сработало. Но его взгляд ей все равно не нравился.

Выработав стратегию действий по двум десяткам наиболее срочных дел, Розмари расслабилась. Расслабился и Пол. Работа с ним во многом напоминала Розмари работу с Крисом. Она предлагала план, а он осуществлял его. Только в случае с Полом все происходило на стороне закона, исключительно. Уже был седьмой час, и она проводила Пола к двери с бумагами в руках. В дверях тот обернулся.

– Не ходили в «Младенцев вифлеемских»? – спросил он небрежно, имея в виду католическую начальную школу.

– Я? Шутишь? Она для богатых итальянских детишек. Я ходила в старую добрую сто девяносто вторую, в Бруклине, – ответила Розмари, внимательно глядя на его лицо.

– Мне так не кажется. Там мой друг учился. Вчера вечером сказал совершенно безумную вещь. Ему показалось, что вы похожи на Розу Марию Гамбионе, только выросшую. Вот чудик, а? Она же умерла в начале семидесятых. Увидимся утром.

Кивнув в качестве прощания, Пол ушел, и Розмари задумалась над тем, что было в его глазах. Предупреждение или приговор.

Вонищенка быстро шла по служебным тоннелям метро с черным и одним из его отпрысков. Младшая кошка, пестро-рыжая, была даже крупнее своего родителя. Глазами крыс, одной за другой, Вонищенка глядела, как Джек возвращается в свой подземный дом, заброшенную станцию метро девятнадцатого века. Она хотела встретиться с ним именно здесь, под землей. Здесь с ним было всегда проще разговаривать. Когда она встречала его наверху, он оказывался совсем другим. Как и она сама. Подобрав рваное синее пальто повыше колен, она пошла еще быстрее, чтобы перехватить его, пока он не ушел. Черный неторопливо бежал рядом, а его рыжая дочка рванула вперед, чтобы поглядеть, нет ли опасностей.

Вонищенка открыла дверь как раз в тот момент, когда Джек потянулся к ручке с другой стороны. Невысокий бледный мужчина удивленно улыбнулся.

– Приветик, дорогуша, – сказал он, ставя на пол коробку, которую держал в другой руке. Присел, подставляя черному тыльную сторону ладони для обнюхивания. Кошка держалась на расстоянии от него, но впереди Вонищенки, готовая ее защитить.

– Давно тебя не видел. Уже немного беспокоиться стал, – сказал Джек, вставая и глядя на женщину в потрепанной одежде. – Проходи, присаживайся.

– Ты был занят, – ответила Вонищенка, откидывая назад спутанные волосы и ссутуливаясь внутри своей большой, не по размеру, одежды. Прекрасно осознавала, что со своим хриплым голосом и намеренно дрожащими руками выглядит лет на шестьдесят.

– Как и ты, – ответил Джек, нерешительно глянув на нее и продолжая идти по застеленным ковром ступеням. Потом широко улыбнулся: – Ты могла бы за такую игру «Тони» выиграть, знаешь ли. Я знаком с продюсером с Бродвея, он как раз актрису ищет.

– Друг Майкла? – спросила Вонищенка, садясь прямо на краешке набитого конским волосом дивана в викторианском стиле. Рыжая напряженно сидела у ее ног. Черный прислонился к ноге Джека и поглядел на него.

– Да, друг Майкла. Почему бы тебе не прийти как-нибудь и не провести время с нами? Познакомишься с Майклом. Он тебе понравится.

– А почему бы тебе не познакомиться с Полом?

Вонищенка подобрала ноги и поглядела на Джека, сидевшего напротив нее в кресле, столь же антикварном, как диван.

– Я не думаю, что яппи сможет оценить «синего воротничка», работающего в службе пути.

– А я не думаю, что Майкл оценит мой стиль, – ответила Вонищенка, расправляя в стороны свои одежды, совершенно не в цвет друг другу.

– Гм, мне кажется, все мы такие, а? Ни мне, ни тебе это не нравится, но мы оказались в ловушке нашей тайной жизни и не можем выглядеть, как нормальные люди, – с печалью сказал Джек. – Корделию не видела?

– Ага, – пожимая плечами, ответила Вонищенка. Снова пожала плечами. Снова избежала ответственности. Потом развернула плечи. – Я пыталась. Не знаю...

– Когда снова увидишь ее, скажи... скажи, что я ее понимаю. В конце концов, я тоже там вырос.

Джек резко провел ладонями по идеально выглаженным черным джинсам.

– Ладно, значит, ты меня выследила. Чем могу тебе помочь?

Джек протянул руку и почесал черного меж ушей. Пару мгновений они слушали громкое мурлыканье.

– Розмари хочет тебя видеть, – сказала Вонищенка, поджимая колени к груди и закрываясь пальто, как доспехом. Ей не хотелось смотреть в глаза Джеку.

– Нет.

– Джек, она просто пытается все уладить. Ей сейчас любая помощь нужна.

– Ради Христа, Вонищенка, она же теперь с плохими парнями. Возглавляет хренову Семью, мафию.

Джек встал и принялся расхаживать туда-сюда по восточным коврам. Черный тоже поднялся и стал ходить рядом. Потом глянул на Вонищенку и лег обратно. Вонищенка почувствовала предупреждающий сигнал кота. Не поняла, был он адресован ей или Джеку.

– Какого хрена я ей вообще понадобилась?

– Ну, ты можешь помочь ей с наблюдением. Можешь держать уши торчком, прислушиваться к любым странным известиям.

– О да. Я должен шпионить для нее среди геев? Нет, наверное, она решила, что рептилии тоже плетут заговор против нее. Или, может, она просто хочет, чтобы я раз-другой кому-нибудь особо важному ногу откусил.

Джек поглядел на Вонищенку.

– Хрена.

– Джек, ей просто нужен любой, кто встанет на ее сторону...

– Встанет на ее сторону! У нее под рукой все силы мафии! Мне что-то не верится, что один оборотень в аллигатора тут что-то изменит.

Джек подошел к дивану и посмотрел прямо в глаза Вонищенке. Та не смогла встретить его взгляд.

– Сюзан, и ты держись подальше от этого. Ты ее уже не волнуешь. Она и тебя использует. Доиграется, что тебя убьют. И глазом не моргнет.

Черный поднялся и стал между Джеком и Вонищенкой. Рыжая начала утробно рычать, шерсть у нее на спине поднялась дыбом. Джек отошел на пару шагов.

Вонищенка соскользнула с дивана, вставая на ноги, и поглядела в зеленые глаза Джека.

– Она – мой друг. И, похоже, единственный.

Побрела к лестнице. Кошки пошли следом. Рыжая не сводила глаз с Джека, пятясь через узкую комнату. Черный, пройдя пару шагов, остановился и обернулся, глядя на Джека, а потом одним прыжком перемахнул ступени, догоняя остальных.

– Ну, кто бы к тебе ни пришел, работу ты им дала, – сказал Крис, беря кусок приготовленного Розмари тунца гриль.

– Ты же сказал, что не голоден, – парировала Розмари, отодвигая в сторону его вилку.

– Соврал. Итак, это точно не якудза. По ним тоже бьют. Потеряли одного из самых главных своих людей в городе. Похоже, наши таинственные друзья вовсе не прочь прихватить кого-то еще, если им на завтрак кого-нибудь из мафии не досталось. Твоя программа легального давления на них тоже явно подействовала. Пусть они еще и не разбиты, но им уж точно поплохело. С этим у тебя никаких проблем?

– Очень не хочется говорить такое, но, похоже, придется допустить, чтобы удар пришелся и по нам. Не слишком сильный, но достаточный, чтобы отвести подозрения.

Крис оглядел ярко освещенную кухню. Единственное светлое место во всем темном и мрачном пентхаусе.

– Есть какие-то подозрения?

– Думаю, нет. Или ты знаешь что-то, чего я не знаю? – спросила Розмари, внимательно глядя на Криса.

– Нет, просто предпочитаю быть готовым заранее. Не хотел бы, чтобы кто-то подметил закономерность в том, что делают твои тузы.

– Все со мной нормально. Кто же свяжет меня, помощника прокурора округа, с семьей Гамбионе? Меня больше ты беспокоишь.

Розмари отодвинула тарелку. Она не собиралась рассказывать Крису о подозрениях, возникших у Пола. Прекрасно знала, что он скажет.

– Какие способы защиты у тебя есть?

– Как обычно, «беретта», – ответил Крис, распахивая черную кожаную куртку.

– Я не это имела в виду.

– Ладно, хорошо. Ты иногда шуток не понимаешь, я привык. Есть несколько ребят, которых я хорошо знаю и которым доверяю. Они со мной круглые сутки. Один сейчас стоит за дверью. Трое – внизу. Я под прикрытием, малыш. Эти парни передо мной в долгу, их души принадлежат мне.

– Расскажи, как обстоят дела с нашими постоянными операциями, – сказала Розмари, несколько раздраженная тем, с какой легкостью Крис пользуется людьми, служащими Семье. Но списала это на свою паранойю, свойственную всем итальянцам.

– Об этом не беспокойся. Я обо всем позаботился. Каждая из Семей выделила специального связного, и они обо всем сообщают мне напрямую. Я могу решить любые возникающие проблемы. А тебе надо решить, как нам все-таки выяснить, кто нам противостоит и как их уничтожить.

Крис весело улыбнулся, глядя в потолок.

– Знаешь, я думаю, им до сих пор не нравится мой «крысиный хвостик».

– Я продолжаю работать над этим. Ты выяснил насчет вьетнамцев? Банда «Призрачный кулак» из Джокертауна как-то связана со всем этим.

Розмари решила не настаивать на обсуждении того, ради чего затеяла разговор. «Крис прав, – подумала она, – сейчас есть вещи поважнее».

– Ну, я пытаюсь кого-нибудь найти, чтобы к ним внедриться. Ты хоть представляешь, насколько трудно найти в мафии азиата?

Крис шумно вздохнул.

– Попытаюсь позвать на время кого-нибудь из якудза.

– Хорошая мысль. Слушай, Крис, мне сегодня вечером надо немного побыть одной, хорошо?

Розмари сделала паузу, раздумывая.

– Чтобы выработать план.

– Найду кого-нибудь, с кем делом заняться, – ответил Крис, ухмыляясь, и эта ухмылка обеспокоила Розмари.

– Не лезь в неприятности. Я не знаю, что делать буду, если потеряю тебя.

– Я тоже.

Крис встал и поцеловал Розмари в макушку.

– Меня пару дней не будет. Не беспокойся. Просто займусь делами.

Когда Крис ушел, Розмари пошла в библиотеку. Она все время пыталась упорядочить свою двойную жизнь, но делать это становилось все труднее. Пообещала себе, что выведет мафию из дел с наркотиками и проституцией, но сейчас, когда началась эта война, сделать такое было практически невозможно. Они отчаянно нуждались в деньгах. Защищать своих с позиции помощника прокурора становилось все сложнее. Пол Гольдберг в открытую спросил, почему ее информаторы не могут нарыть побольше грязи на мафию. А еще эта его фраза про Марию Гамбионе. Боже. Должно быть хоть что-то, что можно с этим поделать. Убить его, прежде чем он выложит свои подозрения другим? Но ведь он – парень Сьюзан. Что же ей делать?

Раньше она думала, что будет очень просто все делать, прикрываясь Крисом. На деле же получилось, что он все больше захватывал рычаги власти. Все шло совсем не по плану. Розмари поставила локти на стол и уперлась лбом в ладони.

Она понимала, что не выполняет свою работу в прокуратуре округа так, как положено. Хотя окончание этой проклятой войны – лишь вопрос времени. А тогда она сможет снова делать то, что должна. Избавиться от наркоторговли, проституции и взяточничества. Сразу же, как только они выиграют войну.

Она проснулась с тихим вскриком от кошмара и быстро подавила страх в тяжелой атмосфере библиотеки. Во сне она увидела картину, Распятие, которую помнила с детства. Но теперь именно ее покаленное тело висело на кресте. Справа висел Крис, а слева – отец. Розмари обхватила себя руками, чтобы унять дрожь.

Вонищенка проснулась мгновенно от сильного ощущения опасности, такого же требовательного, как вонзившиеся в кожу кошачьи когти. Начала разделять потоки сознания и обнаружила тот, который звал на помощь. Ощутила шок, поняв, что видит Джека Робишо в переулке. Судя по силе и отчетливости видения, за ним наблюдал черный. Так вот, значит, где он был последние пару дней. Когда видение исчезло, она не стала отслеживать его дальше, убедившись, что он жив и здоров.

Мысленно приказала черному возвращаться домой. Тот рыкнул. Они с Джеком подружились с первой их встречи. Любопытство черного по поводу человека, превращавшегося в огромную ящерицу, создало крепкую связь. Черный сфокусировал взгляд на драме, разворачивающейся в конце залитого светом фонарей переулка. Джека поймал какой-то человек, куда крупнее его телосложением, и теперь над ним издевался. Против воли Вонищенка позволила черному и дальше передавать ей картину происходящего.

– Эй, педик долбаный! Догадался уже, что не слишком умно было зайти в этот переулок, а?

Громила, нависавший над Джеком, был уродлив, с покатым лбом и близко посаженными глазами. Вонищенка внезапно узнала его. Дубина. Она уже его однажды видела, в Тумс. Вместе с Розмари. Он был действительно настолько груб и туп, как и казалось с первого взгляда. У Джека неприятности, но Джек может о себе позаботиться.

– Я только хочу немного с тобой поиграться. И знаю, что вы, педики, любите грубые игры.

– Не стоит тебе со мной связываться, парень, – ответил Джек, прижатый к перегораживающему конец переулка забору. – Я совсем не такой беззащитный, как кажусь.

– О, я вполне готов с тобой связаться, красавчик. Начну с морды, потом пониже, извращенец. А когда закончу, с тобой уже никто не захочет связываться.

Дубина вытянул руку, но Джек пригнулся, уворачиваясь от огромной лапищи.

– Пожалуйста, не заставляй меня причинять тебе вред. Просто оставь меня в покое, – дрожащим голосом сказал Джек. Вонищенка удивилась его испугу. – Тебе не понравится то, что ты увидишь.

– Думаешь мне какое-нибудь дерьмовое кунфу показать, а? – сказал Дубина и расхохотался. От этого звука, похожего на грохот ломающихся шестерен в машине, даже Вонищенка вздрогнула. – Валяй. Я теперь на Семью работаю. Медстраховку получил.

Чувствуя нерешительность Вонищенки, черный все настойчивее предлагал помочь их другу-человеку. В результате у Вонищенки начала болеть голова. Она мысленно описала черному, как Джек отказался помочь Розмари, но кот стоял на своем. Устав глядеть на назревающую драку, Вонищенка послала коту образ превращения Джека в аллигатора и снова приказала возвращаться домой. Если он не хочет, чтобы ему помогали, чудесно. Она принуждать его не станет. Раз он не хочет видеть ее рядом, о'кей.

Бешеная злоба черного в ответ на ее настойчивость потоком ударила ей в голову. Она прервала связь. Теперь это не ее проблема. Вонищенка подняла руки, ощупывая виски, в которых пульсировала боль. Черный пробил ее защиту, потому что она не ждала такой реакции. Боже, что такое происходит со всеми? Почему все стали *меня* ненавидеть?

Свернувшись поверх груды тряпок в пропарочном тоннеле, на глубине нескольких метров, Вонищенка проспала несколько часов. Несмотря на все старания, головная боль осталась. И с черным она не могла связаться, хотя и чувствовала, что он жив. Покопавшись в одежках, нашла наручные часы без ремешка, которыми пользовалась в тех редких случаях, когда надо было следить за временем. Меньше часа до того времени, когда она должна встретиться с Полом. Опоздает. Полчаса только на то, чтобы добраться к Си-Си, где лежат ее приличная одежда, платья и костюмы, которые надо вешать на вешалки. Глупая игра. Но, если Си-Си будет работать в студии, она даже не заметит, что Вонищенка заходила.

Ей повезло впервые за неделю. Когда она вошла к Си-Си, над дверью студии горел красный сигнал, и Вонищенка без задержек пришла и ушла. Пол, который и сам всегда опаздывал, уже стоял у стойки бара на Четвертой Западной, где они встречались перед тем, как пойти в кино. Ужин был прекрасен, но Вонищенка чувствовала, что мыслями Пол где-то еще, несмотря на его оживленные рассказы о последних делах в суде, которые он провел за эту неделю.

– Так потом этот парень начал нести, что этот, как его, двойник из древней Персии, сказал ему, что другой бедняга на самом деле – древний грек и его личный враг. Начал нести все

это прямо на заседании. Пыхтеть, кататься по полу, говорить на каком-то языке. Подумаешь, кто знает, персидский это или нет. Судья два молотка сломал, призывая к тишине. А адвокат этого подонка сразу же начал кричать, чтобы позвали врача, на ходу пытаюсь выстроить линию защиты, исходя из случившегося с клиентом приступа. Добился того, что рассмотрение отложили. А это значит, что на следующей неделе мне снова придется общаться с этими идиотами. Ой-вей, как сказала бы моя незабвенная мамочка.

Пол Гольдберг улыбнулся ей, откусывая чизкейк.

– Ну, а у тебя как неделя прошла?

– Со зверями все в порядке. Серьезных проблем не было.

– И как быть ветеринару в этом городе? От пуделя и до ротвейлера, даже не знаю, как тебе удастся справляться.

– Именно поэтому я стараюсь работать только с кошками и иногда – с экзотическими крысами и енотами, – ответила Вонищенка, улыбаясь в ответ. Она сама не понимала, с чего ей взбрело в голову такое придумать. Но настроение Пола изменилось мгновенно.

– Слушай, мне надо с тобой поговорить. Может, не пойдем в кино сегодня? – сказал он, уставившись в чашку с кофе, будто завитки взбитых сливок могли предсказать его будущее.

– Звучит серьезно.

– Так оно и есть. По крайней мере, я так думаю. Ты человек рассудительный, сразу скажешь, если я с ума сбрендил.

– Только не начинай говорить по-персидски.

– Хорошо.

Пол взял чек.

– За мой счет. И не спорь.

Они взяли такси и поехали в роскошную двухуровневую квартиру Пола в Ист-Сайде. Он ничего не говорил, только разглядывал ее руки с коротко остриженными ногтями да подшучивал насчет того, что ей когтей не хватает. Когда они вошли в квартиру, он поставил Пола Саймона и отправился варить кофе. Затем уселся, но не на диван рядом с ней, а в кресло напротив. Принялся катать чашку с кофе между ладоней.

– У нас на работе что-то происходит. Странное. Мне нужно мнение человека со стороны. В силу многих причин ты, наверное, не тот человек, которого бы стоило спрашивать, но ты мне друг, а это для меня сейчас самое главное.

Он принялся катать чашку с кофе между ладоней.

– Эй, я здесь, – сказала Вонищенка. Она понимала, что сейчас он скажет то, что ей совсем не понравится.

– Мне кажется, что кое-кто перешел на другую сторону. У меня есть соглядатаи на улице, доносчики, как у всех. Пошли слухи насчет конторы окружного прокурора. Слухи насчет связей с мафией.

– Каких именно связей с мафией? – спросила Вонищенка, вставая и начиная прохаживаться по белоснежной гостиной.

– Ничего конкретного. Но я точно знаю, что три последние облавы на мафию не принесли ничего, мы поймали лишь пару мелких исполнителей. Ни наркотиков, ни оружия. Мы получили ровно столько, чтобы остаться довольными, не причинив при этом реального вреда.

Пол поглядел на Вонищенку.

– Нас используют. Облавы на врагов мафии всегда оказываются куда лучше подготовлены и куда более результативны. И, мне кажется, я знаю почему.

– И что ты собираешься предпринять? – спросила Вонищенка, отпивая кофе и задумываясь, что же ей делать. Если она убьет его прямо здесь, ее уже видели, и она станет подозреваемой. Розмари может защитить ее, а может и не защитить.

– Я не могу никому верить там, у окружного прокурора. Да и насчет администрации мэра у меня тоже уверенности нет.

Пол поставил чашку и принялся расхаживать по гостиной вдоль камина.

– Я хочу обратиться в прессу. В «Таймс».

– Ты совершенно уверен в правильности информации? – спросила Вонищенка, глядя мимо Пола, на пламя в камине. Розмари подставилась. Оказалась недостаточно осторожной.

– Совершенно. Я все могу подтвердить.

Пол повернулся к ней спиной и подставил руки теплу камина. Вонищенка поглядела на его затылок.

– Но я надеюсь, что эту ситуацию можно разрешить. Если человек, о котором идет речь, образумится, то, возможно, удастся всего этого избежать. Есть и другие странные вещи, случившиеся в последнее время. Похоже, что некоторая информация, которую я получаю, исходит напрямую от мафии. И я этого не понимаю.

Вонищенка вспомнила про Криса Мазучелли. Она никогда ему не доверяла, несмотря на всю ту привязанность, которую испытывала к нему Розмари. Не предает ли он ее?

– Ты должен сделать то, что велит тебе сделать совесть. Но если эти люди – действительно мафиози, не будет ли это немного опасно?

Вонищенка вспомнила, как Розмари говорила ей, что все станет по-другому, когда она окажется у власти. Розмари сделала свой выбор.

– Точно. Это одна из причин, по которым я обсуждаю все с тобой. Я сказал об этом еще нескольким людям. Предоставил им доказательства. Тебя я не хочу подвергать опасности.

Пол явно испытал облегчение, сочтя, что Вонищенка не узнала Розмари по его описанию. Интересно, подумала Вонищенка, весь этот разговор – ловушка или нет? Проиграла она или выиграла?

Пол обнял ее и притянул к себе. Вонищенка не сопротивлялась, но и не шла навстречу. Лишь неловко обняла его в ответ.

– Можешь остаться здесь на ночь, – сказал Пол, целуя ее в лоб.

– Нет. Пол, я просто еще не готова заходить так далеко. Наверное, я старомодна.

Вонищенка отстранила его.

– Мне нужно время.

– Мы встречаемся уже несколько месяцев. Я до сих пор не знаю, где ты живешь. Я чем-то виноват, что ты мне не доверяешь? – спросил Пол, стоя прямо перед ней и опустив руки.

– Дело не в тебе, а во мне, – ответила Вонищенка, стараясь не смотреть ему в глаза. – Дай мне время. Или не давай. Выбор за тобой.

– За мной? – переспросил Пол, качая головой. – Было бы куда проще, если бы ты сама не вела себя так интригующе. В следующую пятницу ужинаем и тогда – точно в кино, обещаю. Придешь?

– О'кей. Удачи тебе. В работе, – ответила Вонищенка, сама не зная, желает ли она удачи Полу или Розмари.

Обходя дом, Вонищенка увидела вспышки и услышала грохот выстрелов из пистолетов, винтовок и ружей, разорвавший ночь. Небольшая армия крыс, кошек и несколько бродячих собак помогала ей отслеживать все вокруг, как и было условлено с Розмари пару дней назад, на их встрече. Кто бы там ни пытался вырваться из дома и сбежать, путь ему преграждали звери, загоняя обратно, в руки поджидавших их полицейских.

Она едва не упала, спотыкнувшись о тело человека с лицом, развороченным выстрелом из ружья. Попятилась и наткнулась на чернокожего полицейского. Тот аккуратно поймал ее и остановил.

– Мэм, лучше бы вам этой ночью в другом месте поспать, – сказал он, огромными руками сдвигая ее прочь от разворачивающегося сражения, в сторону другой улицы. Его руки напо-

нили ей лапищи Дубины, тянущиеся к Джеку. Она резко крутанулась, оставляя в руках у полицейского грязное кожаное пальто, и быстро зашагала прочь.

Когда она снова скрылась в темноте, то возобновила контакт с животными. Рыжая все время держалась рядом с ней, остальные же были распределены вокруг дома. Глазами крысы, сидящей на куче мусора, она увидела, как молодой азиат медленно пробирается по переулку, пытаясь скрыться. За ним тянулась полоса крови, стекающей с правой ноги. Она ее почуяла, как и сбежавший от хозяев ротвейлер, внезапно появившийся у выхода из переулка. Вьетнамец ахнул и медленно двинулся обратно. Вониченка приказала ротвейлеру сесть, сдерживая его, и пес протяжно завыл, обратив голову к небу.

Вода была повсюду. Водяная Лилия, так назвала Розмари нового туза, согласившегося помогать ей, сегодня тоже должна была быть здесь. Вониченка уже устала брести по лужам. Юбки и пальто уже были мокрыми сантиметров на пятнадцать от подола. И ботинки промокли. Откуда берется вся эта вода? Хорошо бы, пожаров этой ночью в Джокертауне не было.

Хотя это и обнаруживало ее присутствие, Вониченка устроила заградительную линию из кошек на пару кварталов вокруг дома, чтобы джокеры сюда не сунулись. Согласно информации Розмари, дом в центре кольца был главным складом оружия «Призрачного кулака» на территории Джокертауна. Вониченка начала терять сосредоточение. Розмари и не подумала, насколько успешно ее туз, повелевающий зверьми, сможет одновременно следить за информацией, приходящей от сотен глаз, ушей и носов.

Рыжая зарычала, выводя Вониченку из задумчивости. Она выпрямилась, отодвигаясь от стены, на которую оперлась, чтобы передохнуть. По темной улице двигался еще один вьетнамец, держа наготове «узи». Он беззвучно переходил из тени в тень.

Вониченка сосредоточилась на нем и призвала крыс. В считанные секунды сотни крыс набросились на вьетнамца, заставив его остановиться. Взобрались на него, вверх по штанам, на руки, которыми он стал размахивать, принялись кусать его за лицо и шею. Другие бросились ему под ноги, и он упал. Завопил, «узи» загрохотал без остановки, и эхо выстрелов шло мрачным ритмом на фоне его криков. Крики и грохот становились все громче, пока в «узи» не кончились патроны, а горло вьетнамца не превратилось в рваное мясо под зубами и когтями крыс. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом крысиных лап. Вониченка отослала их на новую позицию. Вид человека в луже собственной крови был ей не по нутру. Не надо было ему сопротивляться.

Небо пронзили лучи лазеров, с хирургической точностью разрезая дом на куски. Когда они падали на лужи, сотворенные Водяной Лилией, подымался пар. Мигающее освещение напомнило Вониченке картины ада в фильме Кена Рассела.

При помощи котенка, которого ей оставила Вониченка, с ней связалась Розмари. Вониченка отвернулась от тела. Этот человек ей ничего не сделал. Он не станет пищей для животных. Тогда какое она имела право убивать его?

Когда Вониченка добралась до двери дома, Розмари впустила ее, отходя назад и пропуская через потайную дверь. Оборванка скользнула вдоль стены, тут же вспомнив, как шел в темноте тот вьетнамец всего несколько минут назад.

– Что ты видела? – спросила Розмари. Времени на предисловия не было.

– Мы перехватили всех. Никто не ускользнул там, где я смотрела.

– Хорошо, хорошо. Эти ублюдки не скоро такое забудут.

Розмари была довольна, но ее мысли явно были не здесь.

– Вот видишь, я же говорила, что ты можешь мне помочь, очень даже.

Розмари отошла от стены, и к ней подошел полицейский.

– Отлично сделано! Эти ваши тузы действительно очень помогли, как бы мне ни не хотелось признавать это. Особенно этот черный парень, Молот, как там его. Круто было просто рядом с ним быть, а еще он мне этот плащ подарил.

Командир полицейских радостно протянул ей руку.

– Рада, что смогли помочь вам, капитан. Но Гарлемский Молот сейчас за границей. Уверены, что это не один из ваших тайных агентов? – сказала Розмари, пожимая ему руку. – Кстати, не поможет ли кто-нибудь из ваших этой женщине безопасно уйти отсюда? – добавила она, кивая в сторону Вонищенки, стоящей у дверного проема. – Она немного растерялась.

Прежде, чем коп успел поймать ее за руку, Вонищенка пригнулась и метнулась в переулок. Мгновение собирала вместе разбежавшихся зверей, а потом пошла следом за рыжей в люк, который заранее оставила открытым. Оказавшись во влажной темноте под поверхностью улиц, она принялась раздумывать. Чего она достигла? И ради чего? Чтобы Розмари и ее мафия выжили в войне? Сегодня ночью погибли два десятка крыс, кошка и одна из собак как минимум. Нет, Розмари, хватит. Твои игры того не стоят для меня. Увидев блеск глаз рыжей, она пошла следом за ней по тоннелю домой.

Когда Розмари добралась до пентхауса Гамбионе, Крис уже был там. Он сидел в кресле во главе стола в библиотеке ее отца. Ничего не сказал, пока она не села рядом.

– У нас неприятности, – начал он, взяв ее за руку. – Пол Гольдберг знает, кто ты такая.

– Как? – спросила Розмари, одновременно ощутив и страх, и слабое облегчение от того, что маскарад окончился.

– Этого мы не знаем, но теперь это не имеет значения, так ведь? Мы следили за твоей конторой, в нормальном режиме, и обнаружили в его кабинете вот это.

Крис двинул по столу конверт. Открыв его, Розмари увидела фотографии, на которых она была вместе с отцом, разные документы. Все, что надо, чтобы пригвоздить ее.

– Нам надо от него избавиться, – сказал Крис, барабанив пальцами по дубовой столешнице. – Но я хотел сначала получить твое согласие. В конце концов, он один из твоих сотрудников.

– Конечно, сейчас же, – ответила Розмари, перебирая фотографии. – Он никому это не передавал? Кто еще знает?

– Думаю, мы вовремя за него взялись, – ответил Крис, взяв одну из фотографий и глядя на нее почти что безразлично. – Я бы предложил тебе еще поговорить с твоей чудесной подругой Сюзан. Их видели вместе.

– Боже, она и Пол встречались. Даже не знаю, что она сделает, если с ним что-то случится. Иногда она ведет себя непредсказуемо.

– Так ты хочешь, чтобы мы повременили с ударом? Ладно тебе, ты же понимаешь – или он, или ты, – ответил Крис, наклоняя тяжелое кресло назад.

– Нет, его надо убрать. Убрать немедленно. Если он еще не успел никому сообщить, я буду в безопасности, – сказала Розмари, поворачивая голову из стороны в сторону, будто ища, куда бежать.

– Единственно правильное решение. Я об этом позабочусь. Если только...

Крис со стуком поставил ножки кресла обратно, но толстый ковер приглушил звук.

– Нет. Ты сделаешь это, – сказала Розмари, с благодарностью глядя на него.

– Благодарю тебя, – сказал он, широко улынувшись. Наклонился к ней и поцеловал. – Нет проблем. За этим я здесь и нахожусь.

Обходя высотный дом, в котором жил Пол, Вонищенка одернула юбку, одновременно пытаясь обойти лужи, оставшиеся после прошедшего днем дождя. Швейцар придержал открытой дверь из толстого стекла, едва скрывая ухмылку, говорившую о том, что он заметил ее попытки привести себя в порядок. В ответ она решила слегка испортить ему жизнь и уже готова была приказать голубю опорожнить кишечник у него над головой, но потом решила, что он того не стоит. Сейчас есть дела поважнее. Зависит от обстоятельств, подумала она, но, возможно, сегодня она согласится остаться у Пола на ночь. Хотя она и до сих пор ощущала некоторую щепетильность положения.

Помахала рукой Марти, который кивнул ей и вписал ее в журнал посетителей. Как всегда, стук ее каблучков по мраморному полу заставил ее смутиться. Лифт опускался, казалось, целую вечность. Она осознала, что всякий, кто увидит ее идущей сюда, поймет, как она относится к Полу, рано или поздно. Какая нелепость. Ради бога, она же взрослая. Сделав глубокий вдох, она вошла в кабину и начала подниматься на тридцать второй этаж, к квартире Пола.

К счастью, когда она вышла из лифта, в коридоре никого не было. На полу лежал толстый, сантиметров восемь, ковер, и она дошла до двери Пола беззвучно. Нажала кнопку звонка. Прошло несколько минут. Она позвонила снова и начала прислушиваться ко всем звукам, доносящимся изнутри. Мысленно просканировала пространство внутри в поисках мышей или крыс. Нет, дом, в котором живет Пол, слишком крут для такого. Не сумев найти животных внутри, она поймала сознанием голубя снаружи. Поглядела в окно его глазами. Горела пара ламп, но Пола не было видно нигде.

Круто. Что за чудесный вечер перед закрытой дверью. Хорошо время выбрал, Пол. Вониченка пошла к лифту, тщательно скрывая от самой себя чувство облегчения.

Она уже спускалась вниз, когда вдруг поняла, что ее должны были занести в гостевой журнал, иначе охранник не пропустил бы ее. И встревожилась.

Марти, охранник, сказал, что Пол пришел домой несколько часов назад. Они поболтали насчет последнего выигранного им дела, Пол сказал, что это было легко и что он пораньше ушел с работы, чтобы отдохнуть перед ее приходом. Марти смутился, говоря, что мистер Гольдберг сказал, что ждет ее в гости. Сказал, что они что-то будут праздновать. Записей о том, что Пол куда-то уходил, не было, и ни один из швейцаров не видел, чтобы он куда-то шел. Марти позвал другого охранника, чтобы тот сменил его на посту, и взял запасной ключ от квартиры Пола.

Как только дверь открылась, Вониченка поняла, что случилось что-то плохое. Следуя своему дурному предчувствию, она сразу же повела Марти в ванную. Пол лежал в черной мраморной джакузи обнаженный. В бурлящей воде клубилась кровь. Его застрелили в глаз, в упор. Вониченка молча глядела на него, а Марти спешно принялся звонить в полицию.

Полицейские доставили ее в участок и допрашивали несколько часов. Сначала они явно хотели добиться, чтобы она призналась в преступлении. Но когда пришел первый доклад от патологоанатома, они прекратили это занятие и принялись расспрашивать, что ей известно о работе Пола. Кому могло понадобиться убить его? Вониченка думала о Розмари снова и снова, но сказала, что никого такого не знает.

Могла ли Розмари устроить его убийство? Розмари знала, что Пол ей небезразличен. Розмари одобряла их отношения. Способна ли она убить человека, с которым работает и которого уважает? Вониченка не позволила себе ответить на этот вопрос.

Было уже почти шесть утра, когда Си-Си наконец разрешили забрать Вониченку к себе. По дороге, в такси, Вониченка не сказала ни слова. Протянула нити сознания к кошкам и мысленно прижала к себе, дрожа. Си-Си схватила утренние газеты из ящика у тротуара, сунула под мышку, не глядя, и повела Вониченку к лифту. Когда они поднялись в мансарду, Вониченка села и слепо уставилась в стену. Си-Си принялась заваривать чай.

Потом Вониченка осознала, что Си-Си уже который раз зовет ее по имени. Это заставило ее прийти в себя. Хотя она предпочла бы остаться в прежнем состоянии, растекшись сознанием по всему городу. За счет этого и боль становилась не такой концентрированной. Но настойчивость в голосе Си-Си заставила ее сосредоточиться и поглядеть на газету прямо перед ней.

Четверть первой полосы занимала фотография Розмари Гамбионе Малдун.

Розмари ощутила ледяное спокойствие. Ее заранее предупредил один журналист, который как-то задолжал очень много денег в Лас-Вегасе. Некоторое время назад она взяла его на довольствие. А сегодня он расплатился сполна. Услышал шум в отделе новостей, проверил, в чем дело. Увидел ее фотографию на макете первой полосы. Этого было достаточно. Тут же

позвонил своему связному в Семье. Крис постучал ей в дверь в два часа ночи, и они принялись запихивать вещи в чемодан.

Крис привел с собой четверых охранников, самых лучших. Все шестеро уселись в черный лимузин, который повез их в тайную резиденцию Гамбионе, одну из нескольких. Розмари не говорила ни слова. А что можно было сказать? Часть ее жизни была уничтожена полностью. Осталась только Семья. С чего она начинала, тем и закончит.

Розмари сидела в доме одна. Телохранители охраняли его снаружи, следя за окнами и дверьми. Крис уехал, он должен был организовать для нее более надежное убежище, такое, откуда она сможет руководить кланом Гамбионе. Она почему-то почувствовала себя намного более живой и свободной, чем все те годы, что жила двойной жизнью. Голову переполняли планы, как сделать так, чтобы Семьи жили и процветали. Теперь, когда она может полностью сосредоточиться на текущих задачах, все будет по-другому. Пол оказал ей услугу. Жаль, что для этого ему пришлось умереть, но, в конце концов, не следовало выказывать слабость. Интересно, когда Крис вернется? Ей так много нужно с ним обсудить.

Джордж Мартин «Вся королевская конница»

II

Где-то рядом, в душной темноте что-то глухо ухнуло в воде. Весь мир перевернулся и пошел ко дну. Но слабость и дурнота не давали сдвинуться с места. Он чувствовал, как ледяные пальцы сдавили ноги и поползли выше и выше. Затем шок, когда вода достигла промежуточной точки, приводя его в сознание. Он рванул привязные ремни онемевшими пальцами, но было слишком поздно. Ледяной холод лизал его грудь. Он оттолкнулся вверх, пол ушел из-под ног, а в следующее мгновение вода накрыла его с головой. Он не мог вдохнуть, и все потемнело, стало совсем темно, как в могиле. Но нужно было выбраться, нужно выбраться...

Том проснулся, судорожно вдохнув. Крик так и застрял у него в горле.

В первый момент пробуждения сквозь помутившееся сознание он услышал слабый звон разбитого стекла, падающего с оконной рамы и рассыпающегося по полу спальни. Он закрыл глаза и постарался успокоиться. Сердце билось, как птица в сетке, майка прилипла к телу. Это только сон, говорил он себе, но все еще чувствовал, как падает, ослепший и беспомощный, запертый в гробу из пылающей стали, а воды реки смыкаются над ним. Это только сон, повторил он. Ведь ему повезло, что-то взорвало челнок, и он выбрался. Все закончилось, он жив и здоров. Он глубоко вздохнул и начал считать до десяти. На счете семь дрожь унялась, и он открыл глаза.

Постелью ему служил матрас, лежащий на полу пустой комнаты. Том сел, запутавшись в простыне. Перья из разорванной подушки плавали в лучах солнечного света, пробивавшегося сквозь разбитое окно, и медленно оседали на пол. Будильник, купленный на прошлой неделе, валялся посреди комнаты, отскочив от стены. Цифры беспорядочно мигали красным на его светодиодном дисплее, а затем совсем погасли. Стены салатного цвета были абсолютно голыми, и по ним разбегались паутины все больше расплзающихся трещин. Кусок штукатурки отвалился и упал с потолка. Том поморщился, освободился от простыни и поднялся.

В одну из таких ночей его гребаное подсознание обрушит весь дом. Он представил, что об этом думают его соседи. Он уже пустил на растопку большую часть мебели из спальни, а гипсокартонные стены не могли поддержать систему жизнеобеспечения. И снова он в полете.

В ванной Том бросил промокшее нижнее белье в корзину и пристально посмотрел на себя в зеркало над умывальником. Он подумал, что выглядит на десять лет старше своего возраста. Ничего удивительного, если в течение двух месяцев тебя непрерывно мучают ночные кошмары.

Он забрался под душ и задернул штору. Полураскисший брусок мыла Safeguard покоился в мыльнице, наполнявшейся водой. Том сосредоточился. Мыло всплывало, пока не скользнуло ему в руку. Оно было неприятно склизкое. Хмурясь, он мысленно с силой повернул кран холодной воды и поморщился, когда ледяная струя окатила его. Он поспешно схватил рукой кран горячей воды, повернул его и поежился от облегчения, когда вода стала теплее.

Том отметил, пока намыливался, что навыки улучшались. Уже больше двадцати лет, как Черепаха почти полностью атрофировал его телекинетические способности, за исключением того времени, когда он был замкнут в пространстве челнока. Но доктор Тахион помог ему понять, что заблокирована психика, а не физические процессы. С тех пор он работал над собой и достиг той формы, когда бруски мыла и краны холодной воды вели себя как паиньки.

Том подставил голову под душ и улыбнулся теплым струям, стекавшим вокруг него и смывавшим последние следы ночного кошмара. Плохо, что его подсознание не осознает предела; он бы чувствовал себя куда спокойнее, ложась спать, и, вероятно, его спальня не переворачивалась бы вверх дном к моменту пробуждения. Но когда приходили кошмары, он был Черепахой, ослабевшим, с помутившимся сознанием, почти ушедшим под воду и все-таки Великим и Ужасным Черепахой, способным сбрасывать с путей локомотивы и крушить танки силой разума.

Последний великий Черепаха. Вся королевская конница, вся королевская рать, вспомнил Том.

Он выключил душ и поежился от неожиданно прохладного воздуха, вышел из кабины и растерся полотенцем.

На кухне он налил чашку кофе и положил в миску немного овсянки быстрого приготовления. Ему всегда казалось, что у овсянки вкус размокшего картона, но это суперполезное для здоровья новшество вообще напоминало древесную стружку. Но доктор настаивал, чтобы он включал в свой рацион больше клетчатки и меньше жира. Предполагалось, что он должен также ограничить себя в потреблении кофе, но это был дохлый номер, ибо он давно подсел на черный напиток.

Том включил небольшой телевизор рядом с микроволновкой и смотрел новости CNN, сидя за столом. В городе разворачивалась полномасштабная разоблачительная кампания против коррупции в окружной прокуратуре Манхэттена, что казалось наименьшей мерой теперь, когда один из заместителей прокурора был разоблачен как глава мафии. Заверяли, что будет предъявлено обвинение. Роза-Мария Гамбионе, или Розмари Малдун, все еще была в розыске. Ее искали для предварительного допроса, но она исчезла, словно сквозь землю провалилась. Том считал, что едва ли она объявится где-либо в ближайшее время.

Он винил себя за то, что проигнорировал заявление Малдун о вступлении в ряды тузов, когда на улицах Джокертауна разразилась война между бандами. Не то чтобы Черепаха проигнорировал просьбу о помощи, просто, если бы в то время он имел летающий челнок или деньги на его сборку, его отношение могло бы смягчиться вплоть до того, чтобы вернуть Черепаху из мертвых. Но он был на мели и ничего не предпринял, о чем теперь несколько не жалел. Пульс, Водяная Лилия, Мистер Магнет и другие тузы, давшие ответы, поставили свою жизнь и репутацию на карту. И теперь на них ополчились все политики, которые повылезли на экраны в вечерних новостях и потребовали расследования их связей с организованной преступностью.

В иные времена, подобные этому, Том не жалел, что Черепаха мертв.

По телевизору перешли к программе международных передач, к свежим новостям о путешествиях тузов. Новость о беременности Соколицы уже протухла, слава богу, не было и взрывов насилия, подобно событиям в Сирии. Том смотрел видеоматериал о том, как Крапленые Карты приземлились в Японии с угрюмым недовольством. Он всегда мечтал о путешествиях, о далеких экзотических странах, возможности посетить все эти легендарные города, о которых он читал в детстве, но всегда не хватало денег. Однажды его послали на торгово-промышленную выставку в Чикаго, но выходные, проведенные в Конрад Хилтон среди трех тысяч продавцов электронной техники, не стали воплощением мечты его детства.

Им следовало пригласить Черепаху. Конечно, транспортировка челнока причинила бы немало хлопот, и он не смог бы получить паспорт, не раскрыв своего настоящего имени, — а он не был готов к этому. Но все проблемы могли быть решены, если бы хоть кто-нибудь почесался. Вероятно, его и в самом деле считали погибшим, но, по крайней мере, доктор Тахион должен был бы усомниться.

И вот он здесь, как и прежде, в Бейонне, давится этой дрянью с полезной клетчаткой, в то время как какие-то Мистраль, Фэтмэн и Соколица посиживают где-нибудь под сенью пагоды,

вкушая на завтрак чертовы дары японской кухни. Его это просто бесило. Он не имел ничего против Пери или Мистраль, но никто из них не заплатил ту цену, которую заплатил он. Иисус милосердный, они пригласили даже этого подонка, Джека Брауна. Кого угодно, но только не его, конечно, ведь это причинило бы их задницам столько беспокойства – пришлось бы сделать предварительные особые распоряжения, кроме того, они обеспечили кучу мест для тузов и столько же для джокеров, и никто не знал, к кому отнести Черепаху.

Том сделал глоток кофе, встал из-за стола и выключил телевизор. Катитесь к дьяволу, подумал он. Теперь, когда он решил, что Черепаха должен остаться для всех мертвым, пришло время схоронить останки. У него были на этот счет кое-какие мысли. И если все пойдет, как надо, то к этому времени в следующем году он тоже сможет предпринять кругосветное путешествие.

Роджер Желязны

Концерт для серотонина с хором сирен

II

Убедившись, что никому вокруг до него нет никакого дела, Кройд уронил в свой эспresso сразу две таблетки «Черной прелести». Вскоре, тяжело вздохнув, стал тихо ругаться – на этот раз они не принесли ему желанного облегчения. Все усилия последних дней, все утомительные блуждания пока ни к чему не привели, а он уже приближался к своему скоростному штопору и в любой момент мог сорваться. Обычно такое состояние беспокоило его мало, но только не в этот раз. Кройд дал себе зарок, точнее, даже два: один касательно наркотиков, другой – по делу. Один глубоко личный, другой касался бизнеса, рассуждал Кройд, но оба теперь равно тяготили. Приходилось держать себя в руках, глядеть за собой в оба, если не в двести шестнадцать глаз нараспашку, чтобы не завалить дело. А еще Кройд страшно боялся разочаровать Кувшинку на первом же свидании. Хотя приступы паранойи были как раз не в диковинку – обычно они и начинались с приближением к фазе сна. Кройд решил, что этот страх может сыграть роль индикатора. Пусть просигналит, когда наступит пора отправляться на боковую.

Кройд обегал уже с полгорода, пытаясь выйти на тех двоих, из списка Мазучелли, но они исчезли, казалось, бесследно. Он проверил все упомянутые в той же бумаге места, никого нигде не застал и теперь утешался мыслью, что блатные редко без особой необходимости меняют места randevu. Сегодня снова наступил черед заниматься Джеймсом Спектором. На самом деле новостью для Кройда было лишь подлинное имя Живчика, кличку он знал издавна. И даже пересекался с ним, довольно тесно, на некоторых делах. Живчик всегда производил впечатление шустрого парня, но туза из слабых, не слишком крутого.

– Из гранаты вынь чеку при подходе к Живчику, – бубнил себе под нос Кройд, отстукивая по столу ритм и одновременно подзывая официанта.

– Слушаю вас, сэр?

– Еще эспresso, и чашку побольше, договорились?

– Разумеется, сэр.

– А лучше тащи сюда целый кофейник.

– Будет сделано, мигом.

Кройд стал постукивать громче и даже притоптывать в такт.

– Та-та-та-та, вынь чеку, та-та-та-та, Живчику, – бубнил он рассеянно и вздрогнул, когда внезапно возникший официант поставил перед ним чистую чашку.

– Не смей подкрадываться таким манером!

– Прошу прощения. Не хотел вас пугать.

Официант принялся наливать кофе в чашку.

– И за спиной не стой! Встань так, чтобы я тебя видел!

– Слушаюсь, сэр. – Официант переместился вправо, оставил кувшин на столе и с обиженным видом ретировался.

Поглощая кофе чашку за чашкой, Кройд задумался о том, о чем давно уже не находил времени как следует поразмыслить: о собственных снах, о перевоплощениях, о неизбежности смерти. Осушив кофейник, потребовал новый. Определенно, одолевавшие его мысли стоили двух кофейников.

К вечеру снегопад прошел, но снежный покров толщиной никак не меньше дюйма в свете неоновых витрин продолжал искриться на тротуарах. Обжигающе холодный ветер гнал

вдоль по Десятой стрит маленькие белые смерчи. Высокий, худощавый мужчина в тяжелом черном пальто и с грузом передвигался весьма осторожно; всякий раз, сворачивая за угол, устраивал себе краткую передышку и озирался по сторонам. Как только он покинул лавчонку с тюком, возникло ощущение посторонних глаз на затылке. И уже не покидало. Действительно, в сотне-другой ярдов позади, по противоположному тротуару и в том же направлении передвигался неясный темный силуэт. Определенно хвост. Джеймс Спектор прикидывал, не вернее ли подстеречь преследователя и прикончить прямо здесь, чем тащить за собой дальше, рискуя столкнуться после с непредвиденными последствиями. К тому же покоя не давали две квартиры «Джека Дэниела» и пять упаковок склитца в багаже – Джеймс содрогнулся от одной только мысли о том, что они могут разбиться. Как пить дать разобьются на таком гололеде, если кто-то привяжется. А повторять маршрут до лавочки в мороз еще раз ему вовсе не улыбалось.

С другой стороны, ожидание с целью прикончить топтуна чревато тем же результатом – даже если Джеймс поскользнется, всего лишь нагибаясь, чтобы обшарить карманы покойника. Сперва следовало надежно пристроить тюк. И Джеймс огляделся по сторонам.

Чуть дальше оказалось крыльцо с крутыми ступеньками. Подойдя вплотную, он водрузил тюк на третью, надежно прислонив к металлическим перилам. Отряхнув снег с пальто, Джеймс поднял воротник, выудил из кармана пачку сигарет, выщелкнул одну и прикурил лодочкой. Затем облокотился на перила и, поглядывая на пройденный перекресток, настроился на терпеливое ожидание.

Но томиться довелось недолго: спустя неполную минуту из-за угла вынырнул человек в синей куртке и серых брюках. Его галстук развевался на ветру, теребящему и непокорную темную шевелюру. Выйдя из-за угла, он замешкался на мгновение, затем кивнул и приблизился. В свете далеких витрин сверкнули зеркальные очки незнакомца. Мгновенный озноб прошиб Джеймса от мысли, что он упускает инициативу. Такую встречу посреди ночи обыкновенной случайностью уже не объяснить. Тем более что незнакомец выглядел куда более зловещим, чем обычный топтун-крепыш, севший на хвост. Джеймс глубоко затянулся и поднялся на ступеньку выше, чтобы иметь возможность заехать ногой по физиономии, да как следует.

– Эй, Живчик! – окликнул незнакомец. – Поговорить нужно.

Джеймс пристально глядел, пытаясь опознать преследователя. Но ни лицо, ни голос знакомыми не показались.

Неизвестный подошел почти вплотную и дружелюбно улыбнулся.

– Я отниму всего минуту-другую, не больше, – добавил он вежливо. – Очень важное дело. Весьма срочное. И в той же мере деликатное. Последнее обстоятельство, как ты сам понимаешь, жизнь мне не облегчает.

– Мы разве знакомы? – ожил наконец Живчик.

– Было дело, встречались. В иной жизни, если можно так выразиться. В иной моей жизни, если быть совсем уж точным. А также, полагаю, тебе приходилось выполнять кой-какую бухгалтерскую работенку для фирмы моего сводного брата в Джерси. Его имя Кройд.

– А что теперь от меня понадобилось?

– Имя главара новой шайки. Той, что пытается потеснить старую добрую мафию, заправляющую делами в городе вот уже с полвека.

– Да ты шутишь, наверное! – ответил Живчик и, затянувшись напоследок, затоптал окурок.

– Вовсе нет, – сказал Кройд. – Без этих сведений не знать мне ни сна, ни покоя. Как я понимаю, ты помогал этим парням отнюдь не по бухгалтерской части. Назови того, кто правит бал, и я исчезну.

– Но я не могу! – ответил Живчик.

– Как уже упоминалось выше, дельце доверено мне деликатное. И спрашиваю я только из деликатности. Предпочитаю обходиться без насилия...

Живчик резко ударил Кройда в лицо. Очки полетели через плечо, и в мерцающих фасетках глаз на Живчика уставились двести шестнадцать собственных его отражений. Он не сумел удержаться от изумленного вздоха.

– Так ты туз! – выдавил он. – Или джокер?

– Я – Дремлин, – сообщил Кройд, выворачивая Живчику руку и с хрустом ломая ее о чугунные перила. – Тебе следовало брать пример с меня и вести себя деликатнее. Было бы не так больно. Теперь ты просто не оставил мне выбора.

С трудом совладав с дикой болью, Живчик пожал плечами:

– Давай, вперед, можешь ломать и вторую. Все равно я не смогу выдать, чего не знаю.

Кройд с интересом уставился на повисшую плетью изувеченную руку Живчика. Тот протянул здоровую, вправил обломки на место, прижал плотнее.

– Так ты умеешь быстро залечивать раны! – сообразил Кройд. – В считанные минуты. Я вспомнил!

– Да, чего уж скрывать!

– А если напрочь руку оторвать, новую отрастить сумеешь?

– Не знаю, да и пробовать не хочу. Я слышал, что ты чокнутый. А теперь и на себе убедился. Думаешь, я не сказал бы, если б знал! Невеликое это удовольствие – чертова регенерация. Я не имел с ними никаких дел, кроме одного-единственного паршивого контракта. И понятия не имею, кто у них в главарях.

Кройд схватил разом оба запястья Живчика и крепко сжал.

– Переломы – это варварство, средневековье, – заметил он участливо. – Но у нас в наличии еще один, более деликатный вариант. Ты знаком с электрошоковой терапией? Нет? Так познакомься!

Кройд разжал ладони лишь после того, как Живчика, вернее, его почти бесчувственное тело перестало трясти. Когда же к бедолаге вернулся дар речи, Кройд услышал все ту же песню:

– Все равно мне нечего тебе рассказать. Я просто не знаю.

– Тогда продолжим! Нейронов у тебя в организме пока хватает, чуток и потерять не жалко, – предложил Кройд.

– Отдохнул бы с минуту! – посочувствовал Живчик. – Никогда я в делах не интересовался лишними именами. Меньше знаешь, легче дышишь... Не спеши!!! Одно я запомнил: Глазастый. Он джокер. На самом-то деле он одноглазый, циклоп. И носит монокль. Встречались мы с ним на Таймс-сквер и всего один раз – он объяснил задание и выдал аванс. И вся любовь. Ты же знаешь, как это делается. Ведь и сам вольный художник.

Кройд вздохнул с заметным облегчением:

– Глазастый? Знакомая кличка. Похоже, когда-то слышал. А где посоветуешь его искать?

– Думаю, встретишь в клубе «Мертвец Николя». Режется там в карты по пятницам. Можешь сходить и прикончить мерзавца. Но на меня не ссылайся и идти с собой не уговаривай – даже близко не появлюсь. Мне это уже однажды стоило двух переломов сразу, к тому же на одной ноге.

– Клуб «Мертвец Николя»? – переспросил Кройд. – Что-то я о таком и не слыхивал.

– Оформлен под склеп короля Николя, находится совсем рядом с Джокертауном. Жратва сносная, пойло терпимое, немного музыки, танцевальный зал, а в задних комнатах казино. Открылся не так уж давно. Но этот патологический стиль в духе детских страшилок не в моем вкусе.

– О'кей, – сказал Кройд. – Очень надеюсь, Живчик, что ты не навешал мне лапши.

– Это все, что знаю, век свободы не видать!

Кройд медленно кивнул:

– Придется идти в твой клуб. Дело должно быть завершено. – Он отпустил собеседника и отодвинулся. – Может, тогда мне удастся отдохнуть наконец. Но деликатно, только дели-

катно. – Он поднял со ступеней тюк и вручил Живчику. – Держи. Береги добычу. И смотри не поскользись по дороге. Гололед жуткий. – Продолжая невнятно что-то бормотать, Кройд попятился и исчез за углом.

А Живчик, устроившись на мерзлом крыльце поудобнее, достал из тюка кварту «Джека Дэниела», выбил пробку и надолго припал к вожделенному напитку.

Артур Байрон Ковер Иисус был тузом

Во времена невзгод и тяжких мук, на этой тучной земле, где уже готовы принести плоды свои труды дьявола, уже незачем темнить, цитируя Маркса или заигрывая с Фрейдом. Незачем полагаться на помощь либералов, таких, как Тахион. Не следует открывать свою душу никому, кроме Иисуса, ибо он был первым и величайшим тузом, по сравнению со всеми ними!

Преподобный Лео Барнетт

I

Между Джокертауном и Нижним Ист-Сайдом были несколько кварталов, которые и натуралы, и жертвы вируса именовали Гранью. Никто не знает, кто из них придумал название, но обе стороны им пользовались. Джокер мог считать это границей Нью-Йорка, а натурал – границей Джокертауна.

Люди приходили на Грань по той же причине, по какой иные смотрят фильмы с кровавыми побоищами, ходят на концерт спид-металлических рок-групп или сокращают себе жизнь синтетическими наркотиками, самыми модными в данный момент времени. Они приходили на Грань, чтобы поиграть с иллюзорной, контролируемой опасностью, познать то, о чем можно будет потом поболтать на вечеринке, бахвалясь перед теми, кто сам слишком пуглив, чтобы ходить туда.

Молодой проповедник раздумывал обо всем этом, глядя, как по улице шляется съёмочная группа телевидения. Он глядел из окна ванной комнаты дешевого отеля, в котором снял номер на одну ночь. А использовать его он намеревался и вовсе не больше нескольких часов. Съёмочная группа состояла из мужчины-репортера в пальто и при галстукке, оператора с «Миникамом» и звукооператора. Репортер останавливал прохожих, и натуралов, и джокеров, тыча им в лицо микрофоном и пытаясь вытянуть из них хоть несколько слов. Тянулись долгие, мучительные мгновения. Проповедник раздумывал, не пытается ли съёмочная группа отыскать свидетельства его тайной связи с Белиндой Мэй, но утешал себя тем, что съёмочная группа явно работает по обычной программе и просто оказалась неподалеку. В конце концов, где еще им искать мощный материал на открытие одиннадцатичасовой программы новостей? Молодой проповедник не любил, когда ему в голову приходили такие греховные мысли, но в данных обстоятельствах он бы вполне удовлетворился, если съёмочная группа отвлечется на какую-нибудь впечатляющую аварию в паре кварталов отсюда. С кучей внешних эффектов в виде пожара, мятых капотов – только, конечно же, без человеческих жертв.

Молодой проповедник позволил тоненькой белой занавеске упасть. Окончив свои дела, он быстрыми и точными движениями вымыл руки, глядя на свое бледное отражение в зеркале над покрытой ржавыми разводами раковиной. У него действительно настолько нездоровый вид, или это просто эффект освещения от двух лампочек без плафонов, закрепленных прямо над зеркалом? Молодой проповедник был светловолос и голубоглаз, ему недавно исполнилось всего-то тридцать пять, и природа одарила его симпатичным лицом с высокими скулами и выступающим широким подбородком с ямочкой посередине. Сейчас он был одет в белую футболку и голубые трусы-боксеры да еще носки. И сильно потел. Здесь действительно жарко, но он надеялся, что скоро ему станет куда жарче.

Несмотря на все это, он ощущал себя совершенно чужим в этом маленьком и невзрачном номере отеля, с этой женщиной, которая по случайности оказалась одним из главных членов его вновь созданной миссии здесь, в Джокертауне. Не то чтобы он был неопытен по части женщин. Он делал такое уже не раз и не два, с самыми разными женщинами, и в местах, подобных этому. Женщины делали это потому, что он знаменит, потому, что любили слушать его проповеди, потому, что хотели ощутить себя ближе к Богу. Иногда, когда он и сам с трудом ощущал близость к Богу, они делали это за деньги. Оплата же проводилась через самых доверенных из его людей, самых надежных. Некоторые, по глупости, считали, что у них с ним любовь, но такие заблуждения он обычно разрушал без особых сложностей, правда, лишь после того, как удовлетворял их плотские потребности.

Но весь прежний опыт молодого проповедника оказался бесполезен, когда он столкнулся с такой женщиной, как Белинда Мэй. Эта женщина, со всей очевидностью, появлялась здесь лишь потому, что это доставляло ей безумную радость.

Интересно, подумал проповедник, представляет ли собой Белинда Мэй типичный образец незамужней женщины-христианки, живущей в большом городе. Где же, во имя всего святого, появляться Иисусу, когда придет время второго Его пришествия в этот мир? Открыв дверь в спальню, он тут же инстинктивно сделал шаг назад, шокированный до глубины души. Белинда Мэй сидела на кровати, скрестив ноги и попыхивая сигареткой, совершенно прекрасная и совершенно голая. Он вполне ожидал, что она уже будет голой, но, по крайней мере, из вежливости будет под одеялом.

– Ты как раз вовремя, – сказала она, туша сигарету и вставая. Тут же заключила его в объятия, прежде чем он вдох сделать успел. И почувствовал, что значит оказаться прямо на сковородке. Она прижалась к нему так, будто желала вдавить себя в его тело. От ощущения ее груди, прижавшихся к нему, он мгновенно возбудился, а еще она обхватила ногами его бедро так, будто хотела насадить себя на его бедренную кость. Ее язык, словно угорь, извивался у него во рту. Одна ее рука уже была под его футболкой, а вторая гладила ему ягодицы, приспустив трусы.

– Гм, ты хорош на вкус, – прошептала Белинда Мэй ему на ухо спустя мгновение, показавшееся ему вечностью, проведенной то ли в вершинах стратосферы, то ли в глубинах ада. Без сомнения, в сексе Белинда Мэй была намного агрессивнее тех женщин, к которым он привык.

– Ну, давай же, пошли в постель, – прошептала она, хватая его за руки. Забравшись на постель, она встала на колени и подвела его к себе, стоя. Аккуратно положила его руку прямо себе между ног.

Хотя молодой проповедник и испытывал глубочайшее удовлетворение каждый раз, когда его ласки доводили ее до оргазма, он чувствовал в себе странную отстраненность, такую, будто он наблюдал за происходящим сквозь зеркальное стекло. В смущении подумал о том, что он вообще делает здесь, в этом притоне, с облезавшей с плохой штукатурки краской, убогими лампочками, скрипучей пружинной кроватью и телевизором, недремлющим оком глядящим на него. Пожалел о том, что вообще согласился с предложением Белинды Мэй снять номер здесь, у Грани. Его нервировал тот факт, что часть его повела себя точно так же, как те люди, которые постоянно приходят к Грани, испытывая судьбу на безопасном расстоянии. Молодой проповедник хотел верить, что Господь уже наполнил эти пустоты в его сердце.

Но доступная прелесть Белинды Мэй беспокоила его куда глубже, чем простирались его навязчивые сомнения в самом себе. Он аккуратно толкнул ее вперед и со странной дрожью, такой, какой он не испытывал с тех пор, как юношей склонялся перед алтарем, вдруг осознал, что ее светлые волосы рассыпались по подушке в стороны, будто крылья ангела. Когда он поцеловал ее ухо, она принялась соблазнительно извиваться. Он спустился ниже, облизывая ее шею. Еще ниже, чтобы поцеловать ее грудь, и почувствовал, как по коже под волосами пошел жар, когда она тихо застонала, запуская пальцы ему в волосы. Он опустил еще ниже, к ее

животу, водя языком вокруг ее пупка. Счел это мастерским и очень тонким ходом. И был безмерно благодарен, когда она наконец широко раскинула ноги, в знак приглашения, которое он немедленно принял, опуская голову еще ниже и принимаясь лизать ее с языческим неистовством. Еще никогда у него не было женщины, настолько приятной на вкус. Никогда еще он не желал так страстно служить женщине, а не быть обслуживаемым ею. Никогда еще не испытывал такого бесхитростного преклонения пред алтарем любви. Никогда еще не унижал себя с такой радостью, таким легкомыслием и распутством...

– Лео? – сказала Белинда Мэй, приподнимаясь на локтях. – Что случилось?

Молодой проповедник тоже приподнялся на локтях и поглядел себе между ног, где его мужское достоинство обмякло, будто висельник. О Господи, почему оставляешь меня, в отчаянии подумал он, с трудом сдерживая достойную подростка панику. Виновато улыбнулся, поглядев на алтарь, все еще широко открытый и зовущий, на ее залитое потом тело, блестящие груди и сияющее прекрасное лицо.

– Не знаю. Наверное, сегодня я не в форме.

Белинда Мэй капризно надула губы и потянулась так невинно, будто была здесь одна.

– Плохо. Я могу тебе помочь?

В течение следующих секунд молодой проповедник взвесил в уме несколько доводов, в основном насчет того, как лучше соблюсти баланс между вежливостью и откровенностью. В конце концов решил, что она лучше среагирует на откровенность. Хищно улыбнулся.

– Думаешь, надо что-нибудь в рот положить?

Вся его жизнь пронеслась у него перед глазами, когда она перекинула левую ногу через его голову, слезла с кровати и встала.

– Какая чудесная мысль! – воскликнула она. – Здесь суши-бар через дорогу! Ты угостишь меня ужином!

Ее ягодицы соблазнительно заколыхались, когда она решительно пошла в ванную. Закрыла за собой дверь, включила душ, но, видимо, о чем-то вспомнила и высунула голову прежде, чем продолжить свои дела.

– А потом вернемся сюда и попробуем еще раз, – быстро сказала она.

Молодой проповедник онемел. Перекатился на спину и уставился в потолок. Хаотичный рисунок трещин на нем странным образом напоминал изгибы его собственной судьбы, приведшие его сюда. Он тяжело вздохнул. По крайней мере, возможность столкнуться с рыщущей снаружи съемочной группой, которая может разузнать о его интрижке, – уже не самое худшее, что может случиться в этой жизни.

Хуже будет, если они вдруг разузнают, что у него не встает.

А вот тогда урон, который понесут его политические амбиции, будет просто безмерен. Американский народ простит кандидату в президенты любое количество грехов, но эти люди хотят, чтобы такой человек был силен хотя бы в грехах.

– На самом деле, у тебя еще пара рук есть, если что, – подала голос из ванной Белинда Мэй.

Какой ужас, подумал Лео Барнетт, цепляясь за край пропасти отчаяния. Прощай, Белый дом, здравствуйте, Небеса.

II

Этим вечером он ощущал город внутри себя и себя внутри города. Ощущал сталь, кирпич, цемент. Мрамор и стекло. Будто его органы прикасались к домам и улицам Джокертауна каждый раз, как атомы тела собирались и разлетались в разных планах реальности. Его молекулы черными клубящимися облаками перетекали сквозь город, будто волны, смешиваясь с воздухом, влажным в предчувствии дождя, колеблясь от раскатов грома вдали. Сегодня он с особенной силой ощущал свою неумолимую связь с прошлым и будущим Джокертауна. Грядущая гроза будет точно такой же, как предыдущая, и следующая тоже не будет от нее отличаться. Сталь и цемент неизменны, кирпич и камень вечны, стекло и мрамор бессмертны. Пока есть этот город, то есть и он сам, пусть и в этом разреженном состоянии.

Его называли Квазичеловеком. Когда-то у него было иное имя, но все, что он помнил о своей личности до того, как подвергся воздействию вируса, так только то, что был специалистом-подрывником. А теперь стал зрителем храма Богородицы Всех Скорбящих Утешения. Это о нем Отец Кальмар говорил снова и снова: «Потеря в рати подрывников стала обретением в Рати Господней».

Обычно Квазичеловеку не удавалось вспомнить ничего, кроме этих голых фактов, поскольку атомы его мозга, как и все остальные атомы его тела, периодически выпадали из реальности и возвращались обратно случайным образом, побывав в других измерениях и временах. Это создавало двойной эффект. Квазичеловек был гениальнее гения и глупее идиота одновременно. Обычно он считал настоящей победой каждый день, в который ему удавалось сохранить себя, так сказать, в целости.

Но этим вечером даже такая скромная задача, похоже, оказалась сложнее, чем обычно. В воздухе висело предчувствие грома и крови. А Квазичеловек тем временем двигался к Грани.

Добравшись до двери квартиры на верхнем этаже дешевого многоквартирного дома, часть его мозга, более-менее собранная, заглянула в ближайшее будущее. Он уже ощутил холодный вечерний воздух, увидел вспышки молний вдали, почувствовал хруст гравия, которым была засыпана плоская крыша, под подошвами теннисных туфель. Увидел пожилую бомжичку, джокера, спящую у теплого вентиляционного короба. Рядом с ней в тележке лежали ее пожитки, которые она втащила сюда по пожарной лестнице.

Разрыв между настоящим и будущим стал больше и очевиднее, когда он коснулся ручки двери. Еще сильнее, когда повернул ее. Квазичеловек давно привык с этому своему простенькому, по мелочам, предвидению. В его сознании явления из разных моментов времени звучали одновременно, будто расстроенный оркестр из цимбал. Уже давно он принял единственное возможное в ситуации этой жизни внутри сознания решение. Реальность является всего лишь осколками сна, разбившегося до начала времен.

Будущее и настоящее сливались перед его глазами, и он переступил порог двери. Вспышки молний и скрип гравия стали настоящим, как и спящая женщина. Он знал это заранее. Не предвидел он лишь скрипа ржавых дверных петель, пронзительного, будто визг бензопилы, напоравшейся на гвозди. Этот звук прорвался сквозь обычный гул города и напугал женщину. Она пробудилась ото сна, чуткого и неглубокого. Ее кожа была коричневой и шелушащейся, лицо было похоже на морду крысы, лишившейся шерсти. Губы раздвинулись, обнажив острые белые клыки.

– Ты чо за хрен? – с напускной храбростью спросила она.

Он не обратил внимания. Сутулый, с негнушейся левой ногой, доковылял до ограждения крыши с грацией танцора, навсегда изувеченного чьей-то злой шуткой.

И без малейшего раздумья перешагнул через ограждение.

Женщина завопила, предположив ошибочно, что он кончает жизнь самоубийством. Квачичеловеку до этого дела не было.

Он уже был слишком занят, занят тем, что обычно приходилось делать после того, как он выходил из дома. Сосредоточился на том месте, куда хотел попасть. Время и пространство свернулись в комок. В следующее мгновение стремительно угасающее сознание из последних сил боролось за то, чтобы не потерять образ самого себя. Долгую наносекунду он ощущал себя потерянным в круговороте частиц мироздания. Но сохранил самоосознание, и, когда мгновение минуло, оказался в переулке у Грани. На одну секунду ближе к грому, ближе к крови, на одно событие ближе к окончательному небытию.

III

Сегодня в жизни Вито наступил великий перелом. Старший никогда бы не приказал ему совершить эту небольшую прогулку у Грани, если бы Вито не доказал свою способность ответственно выполнять дела. Конечно же, это означало и то, что Вито был расходным материалом, но ничего, все приходит со временем. Если хочешь продвинуться в рядах Семьи Кальвино, умей рисковать.

А в последнее время в иерархии Семьи образовалось много свободных мест. Вито, амбициозный юноша, надеялся выжить в течение времени, достаточного, чтобы руководство поставило ему еще пару плюсиков и продвинуло повыше хоть чуть-чуть. И тогда самую рискованную работу станут делать уже другие.

К сожалению, назревало некое перемирие, если верны те разговоры, которые он подслушал, когда натирал полиролем лимузин Старшего. Очевидно, Старший намеревался тайком договориться насчет некоторых важных дел с одним из главарей этих мерзких джокеров, тех, кто, по всей видимости, дергал за ниточки, устроив все те удары, которые проредили ряды Пяти Семей в последнее время.

Неким джокером по имени Змей, ага, так его зовут, вспомнил Вито, напряженно идя по тротуару в самой середине Грани и лавируя между толпой туристов и джокеров. Может, среди них и пара тузов затесалась. Он оглядел улицу, ища потенциальные угрозы. В его обязанности это не входило, он должен был лишь зайти в вестибюль дешевой ночлежки и взять ключ от комнаты, той, где договорились встретиться Старший и Змей. Но Вито не переставал надеяться на то, что заметит что-нибудь важное и что после этого Старший и его парни, возможно, станут считать его чуть более ценным.

Однако, войдя в вестибюль, Вито ощутил себя слепым медведем, вломившимся в лагерь охотников. Стараясь сохранять осанку, уверенно выставив челюсть, так, как делали ребята покруче, разговаривая с должниками, он решительно зашагал к стойке регистрации и шлепнул по ней ладонью властно, по крайней мере, ему очень хотелось, чтобы властно.

– Я здесь по поручению одного из ваших, э, *самых важных* клиентов, – заявил он, но голос его предательски сорвался.

Администратор, пожилой, нездорового вида мужчина, с седыми волосами и черной повязкой на глазу, вероятно, джокер, старающийся сойти за натурала, едва оторвал взгляд от мужского журнала, который проглядывал. На обложке журнала была аннотация какой-то статьи про фетишизм и джокеров, со смазанной фотографией дородного чувака, взгромоздившегося на создание с похотливыми и ярко подведенными глазами, в остальном напоминавшее огромный шарик ванильного мороженого с торчащими из него тоненькими ручками и ножками. Администратор небрежно перевернул страницу. Вито прокашлялся.

Администратор тоже прокашлялся. После долгой паузы наконец-то поднял взгляд.

– У нас предостаточно важных клиентов, юноша. Какого именно ты представляешь?

– Того, которому вы очень многим обязаны.

Слова едва успели вырваться изо рта Вито, как администратор тут же подпрыгнул, хватая ключ с вешалки. Метнулся обратно к столу и протянул ключ Вито.

– Мы обо всем позаботились, сэр. Надеюсь, все придется вам по вкусу.

– Мое мнение тут не главное, – сказал Вито, выдергивая ключ из руки администратора. – Гляди, поаккуратнее, а то страницы склеятся, – добавил он, разворачиваясь к выходу. Задумался, не следует ли ему проверить номер, но вспомнил, какие ему дали указания. Просто зайти в вестибюль, взять ключ и принести его. Вито не раз убеждался, что ребята Старшего не слишком-то ценят самостоятельность и строго за нее наказывают.

Поэтому он вышел наружу, в вечернюю прохладу, пригнув голову так, будто шел против ветра, хотя ветра почти не было. Такое положение позволяло его салным черным волосам упасть на лицо. Уверенность в том, что этим вечером все пройдет нормально, так, как оно шло в последнее время, рассеялась мигом, когда он заметил вокруг почти всех людей Семьи. Они были по обе стороны улицы, стояли, прогуливались, сидели за столиками дешевых закусочных и в припаркованных машинах. Обычно столько членов Семьи и их подручных собиралось в одном месте лишь по поводу похорон. Но сейчас, в своей одежде, вполне траурной, хотя они этого и не осознавали, все люди Семьи пытались не выделяться на общем фоне. Вито не знал в лицо некоторых из них, но холодная уверенность на лицах, выдававшая сдерживаемую жестокость, говорила о некоторой неуверенности, которую испытывали самые крутые из них.

В голове Вито вертелись сотни вопросов. Он пошел быстрее, дошел до угла дома, туда, где его ждал Ральфи. Ральфи был одним из самых доверенных помощников Старшего. По слухам, он был таким умелым киллером, что однажды ему удалось застрелить кандидата в мэры с двух сотен метров, а потом скрыться в толпе, прямо под объективами телекамер. Вито не сомневался, что такое возможно. В его понимании Ральфи был не человеком, а некоей непреодолимой силой. И, когда он подобающим образом остановился в паре метров от Ральфи, поглядев в его холодные карие глаза, светящиеся над покрытыми оспинами щеками, то решил, что этот человек способен убить его с такой же непринужденностью, как жука раздавить. Вито выставил руку с ключом.

– Вот он! – заявил он, возможно, несколько громче, чем следовало.

– Хорошо, – мрачно ответил Ральфи, намеренно не беря ключ. – Комнату проверил?

– Нет. Приказа не было.

– Правильно. А теперь проверь, живо.

– Что происходит? – выпалил Вито. – Я слышал, это мирные переговоры.

– Ничего ты не слышал. Мы просто соблюдаем осторожность, а ты сам вызвался.

– Что искать?

– Найдешь – сам поймешь. Давай, иди.

Вито пошел. Он не знал, чувствовать ли ему облегчение от того, что ему доверили эту часть операции. Его размышления были прерваны внезапным столкновением с сутулым джокером, который, хромая на негнущейся ноге, вышел из переулка.

– Эй, куда прешь! – рявкнул он, отталкивая джокера в сторону.

Джокер остановился и пустил слюну изо рта, опасливо глядя на Вито и кивая. В его тусклых глазах что-то мелькнуло, всего на мгновение, когда джокер сжал и тут же разжал кулаки. Тут же выпрямился, и у Вито возникло четкое ощущение того, что этими мощными кулаками можно гранит крушить.

Но джокер тут же сдулся, из его рта снова потянулась струйка слюны, и он, шаркая, зашагал обратно в переулок, пока не врезался в мусорный бак. Не обращая внимания на Вито, принялся в нем рыться. Нашел полуобгрызенную высохшую курицу и откусил кусок ровными белыми зубами. Принялся шумно пережевывать.

Вито с омерзением отвернулся и спешно двинулся к отелю. И, лишь пройдя через вращающиеся двери, ведущие в вестибюль, вдруг понял, что одежда джокера – короткая куртка и синие джинсы – слишком чистые и опрятные. Ему еще не доводилось видеть уличных бродяг, роющихся в мусорных баках в поисках еды, в чистых джинсах со свежими заплатками на коленях.

Вито дернул плечами, прогоняя из головы образ джокера. Прошел мимо столика, за которым сидел администратор, все так же уткнувшийся носом в журнал. Подумал насчет того, что может попасть в ловушку, оказавшись в лифте с каким-нибудь мерзким типом, в результате чего шанс его выживания на этих мирных переговорах сведется к нулю. Двинулся на лестницу и преодолел шесть маршей, подымаясь на третий этаж. В коридоре было угнетающе темно,

еле горящие лампы дневного света едва освещали грязные коричневые стены, придавая им неприятный блеск.

Он нашел номер. Поглядел в обе стороны коридора. Никого нет. Сквозь двери номеров доносились приглушенные звуки работающих телевизоров, да еще шум канализации из-за двери в конце коридора. С точки зрения Вито это была нормальная обстановка для дешевого отеля, но внутри он все равно ощущал неуверенность и настороженность. Точно так, как он обычно себя чувствовал, когда думал, что на него кто-то смотрит исподтишка. Дрожащими пальцами он вставил ключ в замок и открыл дверь.

И оказался лицом к лицу с уродливым ублюдком. У этого чувака почти не было челюсти, вместо носа у него были две дырки, а изо рта то и дело высовывался раздвоенный язык. Судя по ухмылке и хищному взгляду желтых глаз, джокер был исключительно злобной тварью. Вито привык общаться с джокерами попроще и не в такой обстановке. А этот явно наслаждался сознанием того, что уже напугал Вито до глубины души.

Джокер оскалился.

– Вишшу, Кальвино теперь на дело мальчишек посылают. Сскажи ссвоему боссу, что фсссе в порядке, пусть идет. Я здесссь один.

IV

– В следующий раз попробуй хоть носки снять. – шаловливо сказала Белинда Мэй, когда молодой проповедник закрыл дверь. Он вздрогнул, уловив игривую колкость ее слов, и повернул ручку, закрывая замок. Белинда Мэй захихикала и обхватила его рукой.

– Расслабьтесь, преподобный, Вы воспринимаете себя излишне серьезно, – сказала она, прижимая его к себе, и сердце проповедника заколотилось. Он попытался улыбнуться.

– Просто вспомните, что сказал Норман Мейлер, – соблазнительно прошептала она ему на ухо. – «Иногда одного желания недостаточно». Это не делает вас менее мужественным.

– Я не читаю Мейлера, – ответил он. Они пошли к лифту.

– Его книги для тебя слишком грязные?

– Так я слышал.

– То, о чем он пишет, – всего лишь жизнь. А сейчас у нас происходит именно жизнь, именно такая.

– Все, что мне нужно знать о жизни, я нахожу в Библии.

– Чушь.

Шокированный таким непринужденным богохульством, он едва успел открыть рот, чтобы ответить, но она продолжила прежде, чем он успел вставить хоть слово.

– Уже поздновато, чтобы доказывать свою невинность, Лео.

Молодой проповедник сдержал гнев. Он привык гневаться на прихожан, но не привык, чтобы ему перечили. Более того, он совершенно не привык находиться в компании женщины, которая бы подвергала сомнению его понимание вопросов жизни, любви и пути к счастью, которое должно было быть вне подозрений. Хотя в данном случае, признался он себе, но не Белинде Мэй, он неправ. На самом деле он читал книги Нормана Мейлера внимательно, особенно – «Песнь палача», подробное исследование жизни молодого туза, казненного за то, что он превратил девятерых ни в чем не повинных людей в соляные столбы. Экземпляр книги, в мягкой обложке, все еще лежал в ящике стола в кабинете проповедника в его доме на юго-западе Вирджинии, там, где он вряд ли кому-нибудь попадется на глаза. В том же самом ящике хранились и другие книги, сомнительные, с точки зрения христианской морали, как и во многих других местах. Проповедник прятал их даже от самых ближайших соратников с той же тщательностью, с которой другие проповедники-евангелисты прячут свои запасы выпивки.

И что же ему оставалось делать, кроме как позволить Белинде Мэй одержать верх в споре? Взамен он намеревался взять верх над ее телом в самом скором времени. Не говоря уже о том, что ее умственные способности интересовали его в самую последнюю очередь.

Она снова прижала его к себе, пока они ждали лифт. Возбуждение стало вдвое сильнее, поскольку в этот раз она прихватила его за ягодицы.

– У тебя такая классная задница, особенно – для возможного кандидата в президенты, – сказала она. – Остальные по сравнению с тобой выглядят, как стая бродячих собак.

Его глаза метались, он с подозрением глядел по сторонам.

– Не беспокойся, никого здесь нет, – сказала она, уцепив его.

И тут двери лифта открылись перед ними, и они очутились лицом к лицу с четырьмя мужчинами с безразличными выражениями лиц и стальными глазами. Один из них, невысокий и полный, краснолицый и полногубый, с длинной прядью седых волос, зачесанных поверх блестящей лысины, поглядел так, будто его глаза были готовы выскочить. Словно кто-то из всех сил хлопнул его по спине. У него были толстые мясистые пальцы, на нем был хорошо пошитый черный костюм, серый жилет и белая рубашка, карманы костюма были оторочены красным, но в целом вкус, с которым он был одет, можно было назвать, в лучшем случае, сомнительным из-за алого, едва не светящегося галстука. Он безмятежно попыхивал большой

кубинской сигарой, и свернутые листья табака на ее конце так намокли от слюны, что цветом напоминали сушеный навоз.

Мужчина выпустил клуб табачного дыма прямо в лицо проповеднику. Поступил совершенно опрометчиво, и молодой проповедник точно бы на это ответил, если бы не холодный взгляд карих глаз рослого мужчины с покрытыми оспинами щеками, стоявшего позади толстяка. У него были тонкие бледные губы, больше похожие на шрамы. Каштановые волосы так плотно прилегали к черепу, что проповедник был готов подумать, что этот человек спит с сеточкой на голове. На нем было бежевое полупальто военного кроя с красноречиво оттопыренным правым карманом. По обе стороны от него стояли два здоровяка, в шляпах с опущенными вперед полями, так что их лица были скрыты тенью от него. Один стоял, скрестив руки на груди, второй же, как запоздало заметил проповедник, уже махал им рукой, давая парочке знак отойти.

Они повиновались. Четверо мужчин вышли из лифта и пошли по коридору, даже не оглянувшись. Против воли молодой проповедник замешкался, глядя на них, а вот Белинда Мэй мгновенно метнулась вперед.

– Пойдем, Лео! – прошептала она, придерживая собой двери лифта.

Молодой проповедник спешно двинулся вперед.

– Кто это?

– Не сейчас!

Белинда заговорила лишь тогда, когда двери лифта закрылись и кабина пошла вниз.

– Это глава Семьи Кальвино. Один раз видела его в новостях.

– Что за Семья Кальвино?

– Бандиты, мафия.

– О, понимаю. Там, откуда я родом, мафии не было.

– Мафиози есть там, где им нужно. В городе есть пять Семей, хотя сейчас у них осталось всего трое главных. А может, и двое. Последнее время гангстеров часто убивали.

– Если этот парень – такая большая шишка, что он здесь делает?

– Сам можешь догадаться, по делу пришел. *Нумеро уно* Семьи Кальвино, скорее всего, ботинки сожжет после того, как отсюда выйдет.

Двери лифта открылись. Совершенно не обращая внимания на то, что несколько человек, в том числе дюжий джокер с лицом, похожим на носорога, стояли у выхода, Белинда Мэй взяла молодого проповедника под руку.

– Кстати, не взял с собой коробочку с профилактическими средствами? – спросила она.

Проповедник почувствовал, как его лицо запылало. Но не было никаких признаков того, что хоть кто-то из стоящих узнал его. По крайней мере, он не услышал, чтобы назвали его имя, и не услышал щелчка фотоаппарата. Они прошли через вращающиеся двери, и тут до него дошло, что чувство облегчения может оказаться совершенно иллюзорным. Если какой-нибудь охотник за грязным бельем следит за ним, сам он ничего не узнает, пока не увидит вечерний выпуск новостей или свое фото в газетах у кассы в супермаркете.

– Белинда... зачем ты это сказала? – требовательно спросил он.

– Что? Ты насчет профилактических средств? – невинно спросила она в ответ, доставая из сумочки сигарету и зажигалку. – По-моему, вполне резонный вопрос. Я полагаю, что сексуально активные люди понимают важность безопасного секса, не правда ли?

– Да, но на глазах у всех этих людей!

Она остановилась на тротуаре, отвернулась, прикрывая рукой сигарету, и прикурила. Обернулась обратно, выпуская клубы дыма.

– А какая им разница? Кроме того...

Она озорно улыбнулась.

– ...я думала, ты оценишь присущий мне оптимизм.

Молодой проповедник закрыл лицо рукой. Другую он сжал в кулак. У него было ощущение, что каждый человек на улице смотрит на него, хотя если оценить ситуацию трезво, то это настоящая паранойя.

– Куда ты хочешь пойти поесть? – спросил он.

Белинда Мэй игриво ткнула его в бок.

– Соберитесь, преподобный! Я всего лишь пошутила. Вы слишком много нервничаете. Будете нервничать, и нам придется неделю проторчать в этом номере. А я не уверена, что на моей карточке такой большой кредит.

– Об этом не беспокойся. Я позабочусь, чтобы церковь вознаградила тебя. Так, еще раз, куда ты хотела пойти поесть?

– Вон то заведение, похоже, хорошее, – ответила она, показав на другую сторону улицы. «Кошерные суши у Руди».

– Договорились.

Он взял ее под руку и пошел к углу перекрестка. Когда зажегся «зеленый» пешеходам, поглядел в обе стороны, не только, чтобы убедиться в том, что никакая из машин не едет на «красный» – то, что ни один житель большого города не воспринимал как должное, – но и чтобы убедиться в том, что вокруг нет тех, чье присутствие могло бы его беспокоить. Съёмочная группа телевидения допекала молодую женщину в квартале от перекрестка, но она все еще была здесь. Проповедник решил, что успокоиться можно будет лишь тогда, когда они усядутся за столик подальше от входа, на случай, если съёмочная группа снова переместится сюда.

Они еще не успели сойти с тротуара, как в него врезался кто-то, оказавшийся вне поля его зрения. Будь сегодня обычный вечер, молодой проповедник подставил бы другую щеку, но обычно он не бывал настолько расстроен.

– Эй! Гляди, куда прешь! – заорал он. И тут же с ужасом понял, что эти грубые слова оказались адресованы джокеру.

Хромому джокеру, горбтому и подслеповатому. Мужчина, с вьющимися рыжими волосами, был одет в свежевыглаженную короткую куртку и простые синие джинсы.

– Извините, – сказал джокер, ковыряя указательным пальцем в носу. Затем, будто передумав, просто вытер нос тыльной стороной ладони.

Молодой проповедник почему-то сразу понял, что этот жест непроизволен. Уверился еще больше, когда джокер неловко поклонился.

– Я просто немного потерял контроль. Потерялся в моем собственном мире, по всей видимости. Вы простите меня, правда же?

А затем джокер сошел с тротуара, будто только что его планы насчет того, куда идти, кардинально поменялись. Ко всему прочему, у него еще и слюна текла по подбородку.

Смущенный проповедник, глядя на джокера широко открытыми глазами, невольно сделал пару шагов следом за ним.

– Лео, что ты делаешь? – требовательно спросила Белинда Мэй, останавливая его.

– Э, за ним иду, естественно.

– Зачем?

Молодой проповедник задумался на мгновение, очень волнительное мгновение.

– Я думал, что могу рассказать ему о нашей миссии. Узнать, не могу ли ему немного помочь. Судя по всему, он нуждается в помощи.

– Чудесные чувства, но ты не можешь этого сделать. Ты здесь инкогнито, не забыл?

– Точно. Хорошо.

Он уже потерял горбатого джокера из виду. Жалкое создание растворилось в толпе.

– Ладно, пошли, хоть себя покормим, – сказала Белинда, беря его под руку. Они принялись лавировать между остановившимися машинами, вставшими прямо на перекрестке.

Молодой проповедник продолжал оглядываться по сторонам, высматривать в толпе горбатого джокера, и вдруг они резко остановились. Повернувшись, он увидел прямо перед носом микрофон. У них на пути стояла съемочная группа.

– Преподобный Лео Барнетт, – произнес репортер, идеально одетый мужчина с вьющимися черными волосами, в синем костюме-тройке. – Ради всего святого, что вы делаете у Грани, вы, с вашей хорошо известной позицией относительно джокеров?

Перед глазами молодого проповедника пронеслась вся его жизнь. Он с трудом виновато улыбнулся.

– Моя спутница и я решили немного перекусить.

– У вас есть по этому поводу официальное заявление, для светской хроники? – хитро спросил репортер.

Уголки губ проповедника приподнялись.

– Я давно принял за правило не отвечать на вопросы личного характера. Эта молодая леди составила мне компанию сегодня вечером. Она работает в новой миссии, которую наша церковь недавно открыла в Джокертауне, а сейчас предложила попробовать хорошую еду, которую тоже можно найти здесь, на Грани.

– Некоторые из комментаторов сочли бы странным и даже ненормальным тот факт, что человек, открыто и последовательно противопоставляющий себя идеям о правах джокеров, вдруг так озабочился их повседневными нуждами. Зачем вы вообще открыли эту миссию?

Молодой проповедник понял, что ему не нравится тон, в котором начал интервью репортер.

– Я должен был исполнить обещание, – вежливо сказал он, будто пытаюсь намекнуть на то, что разговор окончен. Хотя истинное его намерение было прямо противоположным.

– А что это за обещание? Кто с вас его взял? Ваши прихожане?

Репортер заглотил наживку. Теперь единственной проблемой молодого проповедника было блюсти должное выражение лица. Он еще не излагал открыто то, что решил сказать сейчас, а интуиция подсказывала, что настал удобный случай.

– Ну, если вы так настаиваете.

– Очень много домыслов по этому поводу, сэр, и, я думаю, люди имеют право знать правду.

– Ну, однажды я повстречал юношу. Он пострадал от вируса Дикой Карты и в результате вляпался в большие неприятности. Хотел увидаться со мной, и я пришел. Мы молились вместе. Он сказал, что понимает, что я ничем не смогу ему помочь, но хочет взять с меня обещание, что я помогу другим джокерам, как смогу, чтобы они, возможно, не оказались в такой же неприятной ситуации, как он. Я был очень тронут этой просьбой и дал обещание. Спустя несколько часов его казнили на электрическом стуле. Я видел, как двадцать тысяч вольт пронзили его, поджарили в мгновение ока, будто ломоть бекона, и понял, что сдержу обещание, что бы кто об этом ни сказал.

– Он был казнен? – тупо переспросил репортер.

– Да, за убийство первой степени. Он несколько человек превратил в соляные столбы.

– Вы дали обещание Гэри Гилмору? – ошеломленно спросил репортер, побледнев.

– Именно. Пусть он был и не джокером, кто-то назвал бы его тузом или человеком, обладающим способностями, которые считают присущими тузам. Я не знаю на самом деле. Я не слишком разбираюсь в таких вопросах.

– Понимаю. Открытие вашей миссии в Джокертауне как-то повлияло на ваше отношение к вопросу о правах джокеров?

– Вовсе нет. Простые люди должны быть защищены в любом случае, но я всегда подчеркивал, что мы должны относиться к жертвам вируса с состраданием.

– Понимаю.

Репортер был все так же бледен, а вот оператор с «Миникамом» и звукооператор хитро улыбались. Молодой проповедник понял, что они видят, что репортер соображает недостаточно быстро, чтобы придумать следующий логичный вопрос.

Но сам молодой проповедник почувствовал себя в милосердном расположении духа, уверенный в том, что только что получил новые шестьдесят секунд эфира в новостях. И решил дать репортеру передышку.

Небольшую передышку.

– Моя спутница и я хотели бы поесть, но, думаю, у вас есть время еще на один вопрос.

– Да, есть еще кое-что, что, уверен, хотели бы знать наши зрители. Вы не делаете секрета из ваших амбиций на президентских выборах.

– Это так, но в данный момент я не могу ничего добавить по этому поводу.

– Просто ответьте, сэр. Вам только что исполнилось тридцать пять, это нижняя возрастная планка для такого поста, и некоторые из ваших оппонентов заявляли, что человек в тридцать пять лет не имеет достаточного жизненного опыта для такого. Как бы вы на это ответили?

– Иисусу было всего тридцать три, когда он раз и навсегда изменил весь мир. Безусловно, человек, достигший зрелого возраста в тридцать пять лет, способен сделать нечто позитивное. А теперь, прошу прощения...

Взяв Белинду Мэй под руку, он двинулся мимо репортера и его помощников и вошел в ресторан.

– Прости, Лео, я не знала... – начала Белинда.

– Ничего страшного. Думаю, я вполне разрешил ситуацию, кроме того, я... рано или поздно я намеревался рассказать об этом.

– Ты действительно встречался с Гэри Гилмором?

– Да, но хранил это в глубокой тайне. До сегодняшнего дня не было реальной необходимости раскрывать ее, хотя, думаю, это пойдет на пользу репутации нашей миссии в обществе.

– Так, может, ты и с Мейлером знаком? Он писал, что не знает в точности всех, кто общался с Гилмором в последние его дни.

– Прошу, давай сохраним некоторые тайны в тайне. Иначе, что еще мы вдруг узнаем завтра друг о друге?

– Вам столик на двоих? – спросил метрдотель, мужчина во фраке, с рыбьей головой, на которую был надет шлем с водой, позволявший ему дышать. Слова звучали из динамика, скрытого под решеткой, с булькающим призывом.

– Да, и подальше от входа, пожалуйста, – ответил молодой проповедник. Когда они оказались одни в отдельной кабинке, Белинда Мэй снова закурила.

– Если эти репортеры насчет нас пронюхают, будет ли правильным убедить их в том, что мы намеревались использовать лишь «позу миссионера»? – спросила она.

V

Квазичеловек не боялся смерти, а смерть, определенно, не боялась его. Частица смерти присутствовала в душе Квазичеловека каждый день, частичка ужаса и красоты, кровь и гром. Фрагменты картины его будущей кончины перемешивались в его сознании с мимолетными картинками его прошлой, до вируса, жизни. Насколько они далеки? У Квазичеловека было четкое ощущение, что сейчас будущее стало ближе, чем ему того хотелось бы.

Он доковылял до газетной стойки, поглядел на стопки мужских журналов. Подумал, что лицо человека, в которого он врезался, мучительно знакомое, но никак не мог понять, чье оно. Частицы его мозга снова и снова ускользали в иные измерения. Квазичеловек на время оставил все прочие занятия и дождался, пока не соберется вместе достаточное их количество и он не вспомнит. Но сейчас было нужно, в первую очередь, вспомнить, зачем он вообще пришел на Грань на ночь глядя.

Внезапно его рука стала очень холодной. Он поглядел на нее. Она побывала где-то еще, и запястье выглядело, как культия, поскольку кисть стала прозрачной. Он знал, что она все так же на месте, иначе бы он почувствовал сильную боль, как тогда, когда тварь из иного измерения откусила ему палец ноги, отправившийся погулять в иную реальность. От сильнейшего холода кисть онемела, потом и рука, по самое плечо. Он ничего не мог с этим поделать, лишь терпеть, пока рука не вернется. Это случится достаточно скоро. Возможно.

Но он не смог удержаться от мысли о том, как Христос пришел в синагогу и исцелил человека с отсохшей рукой.

Нечто в его сердце, похожее на веру, сказала ему, что это отец Кальмар послал его сегодня вечером на Грань с миссией. Родилась ли идея этой миссии в горячем сознании отца Кальмара, или нет, сложно сказать. В разнообразных жизненных перипетиях требовалась помощь Церкви Богородицы Всех Скорбящих Утешения, и отец Кальмар с радостью ее оказывал, если видел, что это принесет добрые плоды.

Квазичеловек ходил взад-вперед по улице, оглядываясь по сторонам. Несколько человек, сидевшие за столиками у тротуара, показались ему подозрительными. Мятая одежда другого, стоявшего у газетной стойки, если подумать, тоже свидетельствовала о том, что это не тот человек, который должен бы часто глядеть на спонсорские журналы. И, наконец, необычно большое количество людей с настороженными мрачными лицами, просто сидящих в машинах, глядящих по сторонам, чего-то ждущих. Фрагменты картин смерти появились в сознании Квазичеловека, смерти, хвала Господу, нацелившейся на этих мрачных людей.

На мгновение Квазичеловек увидел, что улица залита кровью. Но, приглядевшись внимательнее, понял, что это световой эффект, отражение красных неоновых вывесок в нескольких больших и неглубоких лужах.

Но это понимание никуда не смогло убрать запах крови и страха, пронизывающий воздух, будто память о том, чего еще не случилось.

Жизненно важная часть мышц правого бедра опять перескочила в другое измерение, в котором атмосфера имела слабую кислотность. Квазичеловек дохромал до угла. Прикинулся нищим и стал ожидать, когда кровь и страх станут реальностью.

В его ушах грохотало воспоминание о громе.

VI

– Война вредит бизнесу, – философски сказал Старший. Он сидел в кресле в углу комнаты, скрестив ноги, у стола, рядом с которым стояло и другое кресло. С отсутствующим видом покрутил в пальцах наполовину скуренную сигару.

– Особенно вредит проигрывающим, – с ухмылкой ответил Змей, сидевший в другом кресле.

Вито стоял у двери, скрестив руки на груди, и почувствовал, как его внутренности превращаются в лед. Он предполагал, как, наверное, предполагали и Старший с его ребятами, что этот джокер – такой же деловой человек, как они, занимающийся незаконным бизнесом. Но Вито не мог отделаться от ощущения, что с этим Змеем все совсем не так просто.

Если глава Семьи Кальвино и был обеспокоен настолько же, как Вито, он ничем этого не выдал. Вел себя уверенно и чувствовал себя в безопасности, под охраной четверых своих людей, находившихся в комнате. Майк и Фрэнк были простыми громилами, и Вито не особенно их опасался, хотя у него и не было желания очутиться среди их врагов. А вот такого человека, как Ральфи, следовало опасаться даже тогда, когда он был в хорошем настроении.

Несмотря на все это, Вито с неудовольствием видел, что Старший намеренно ведет себя заискивающе с этим джокером, который даже свой раздвоенный язык за зубами держать не может. Пока что всякий раз, как Змей повышал голос, Старший принимался его успокаивать. Когда Змей начинал чего-то требовать, Старший отвечал, что он с ребятами подумает, как достичь соглашения. Когда Змей провоцировал Старшего перейти грань дозволенного, тот вежливо уклонялся. Вито понял, что будущее Пяти Семей вызывает озабоченность, если им приходится идти на поводу у джокеров.

– Кроме того, человек каждый день немного умирает, – загадочно улыбаясь, сказал джокер. – Какая разница, если он вдруг умрет сразу?

Старший рассмеялся, снисходительно улыбаясь. Если Змей и заметил скрытое оскорбление в этом, то не подал виду.

– Когда-то я думал так же, – сказал Старший. – Любил встречать в неприятности, наслаждался зрелищем падения моих врагов. Но это было до того, как я женился и стал растить детей. Стал придерживаться более подходящих способов разрешения противоречий. Именно поэтому мы и встретились, чтобы решить наши разногласия, как цивилизованные люди.

– Я не совсем человек.

Старший покраснел. Кивнул.

– Прощу прощения. Не хотел обидеть.

Вито глянул на Ральфи, прислонившегося к стене рядом со столом. У того дергалась щека, это свидетельствовало о том, что он что-то заподозрил. И пальцы на правой руке подергивались. Ральфи и Старший переглянулись, а затем, когда Старший снова обернулся к Змею, Ральфи многозначительно поглядел на Майка и Фрэнка, сидевших на кровати и внимательно следивших за ходом переговоров. Майк и Фрэнк кивнули.

Вито не очень понял значение этих сигналов, но спрашивать уж точно не собирался.

– Последнее время было столько убийств, столько крови пролито, – сказал Старший. – И ради чего? Я не понимаю. Город большой. Это ворота всей страны. Здесь достаточно места для всех.

Змей пожал плечами.

– Ты не понимаешь. Мои товарищи стремятся достичь большего, чем просто набить карманы.

– Именно это я и хотел сказать, – ответил Старший. – Так что, пойми меня правильно. Алчность – великая вещь и вполне достойная. Она движет миром. Играет на повышение.

Змей снова пожал плечами.

– Повышение, понижение – бесс расницы для того, кому принадлежит биршша. Мои товарищщи требуют справедливую долю во всех делах, идущих на этой биршше. Что вы хотите получить с этих дел – дело ваше, но сначала вам придется договориться с нами.

Ральфи стал прямо. Майк и Фрэнк одновременно потянулись к кобурам под куртками, но Старший знаком остановил их, подняв указательный палец. Тишина в комнате, казалось, хрустела, как пицца в микроволновке, а Змей облизнул лицо раздвоенным языком, будто в предвкушении вкусной еды.

Вито уже обдумывал, в какую сторону ему падать.

Старший несколько секунд глядел на Змея. Задумчиво потер двойной подбородок. Сунул себе в рот сигару, достал из кармана зажигалку, и через пару секунд комнату наполнил крепкий запах кубинского табака.

– Вито, я голоден, – сказал Старший. Достал бумажник. Ральфи взял его и передал Вито. – Возьми мои кредитки и сходи в этот суши-бар, – продолжил Старший. – Закажи самое лучшее. На шестерых! Как знать, может, когда ты вернешься, мы уже покончим с делами и со всеми удобствами посмотрим хоккей. Согласны, мистер Змей?

Змей одобрительно зашипел.

– Это потрясающе, насколько растет уровень игры с каждым годом, – сказал Старший, откидываясь в кресло. – Этим вечером «Рэйнджерс» покажут, на что они способны, не так ли, мистер Змей?

На этот раз Змей просто кивнул.

Спешно идя по коридору к лифту, Вито вдруг понял, какое облегчение он ощутил, уйдя подальше от Змея. Наверняка Старший чувствует себя так же. Вито восхитился его выдержкой. Похоже, Змей ничего не заметил.

Хотя никогда не поймешь, что джокер не заметил, а что – просто проигнорировал.

VII

– Так чего же хотят ваши люди? – зло спросил Старший Змея, когда Вито вышел. – Мы оба деловые люди. Что мы можем сделать в пределах *разумного*, чтобы спокойно жить рядом? Змей зашипел.

– Да, вот в чем вопроссс. Организация, которую я представляю, как и организация, которую представляешь ты, – ошшень большшшая. И ушше ошшень влиятельная. Ессстесственно, мы хотим большшшего.

Старший выпустил клуб сигарного дыма.

– Ваши амбиции видны невооруженным глазом, – язвительно сказал он.

Змей ухмыльнулся.

– Я так не думаю. Я просто подшшеркиваю, что, как и ты, не могу обещать за других.

– О, а вот я могу, – ответил Старший, подав еле заметный сигнал, чтобы сдержать Ральфи, Фрэнк и Майк от действий. – И, как я думаю, ты тоже можешь, иначе ты бы не стал с нами встречаться, тем более – в одиночку. Мы не настолько наивны, мистер Змей. У тебя должна быть припасена сделка, иначе не было бы смысла приходить сюда одному-одинешеньку.

– Ты ведь один, а? – спросил Ральфи, игнорируя раздраженный взгляд Старшего и проходя мимо Змея к окну. Выглянул за занавеску, оглядывая улицу.

– Конешшно, – ответил Змей.

Внезапно они услышали ругань в коридоре. Двое перешли на крик, раздался хруст кулака, попавшего в челюсть. Кто-то крякнул и *ударился о стену*. От удара содрогнулся пол. Послышалось ругательство, а потом стену сотряс второй удар, вдвое громче первого.

Ральфи мгновенно повернулся от окна, к Майку и Фрэнку.

– Идите проверьте, – приказал он.

Шум в коридоре продолжался.

Майк и Фрэнк вышли. Ральфи дошел до двери следом за ними и убедился в том, что дверь закрыта. Они услышали, как Майк что-то сказал, а потом в коридоре стало тихо.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, – сказал Старший.

– Какой вопроссс? – спросил Змей, глянув на Ральфи, когда тот вернулся к окну.

– Что мы можем сделать, чтобы спокойно жить рядом?

– О, думаю, я ссмогу дать *расссумный* ответ.

Раздался стук в дверь.

– Что такое? – окликнул Ральфи.

– Лучше бы тебе выйти, – ответил Фрэнк.

– Хорошо, – сказал Старший в ответ на замечание Змея. – Кальвино интересуют разумные предложения.

Змей зашипел, его язык выскочил и убрался обратно.

– Ради Христа, что такое? – рявкнул Ральфи, открывая дверь.

Ответом ему стал выстрел. Пуля вышла через спину Ральфи, оставив дырку размером с серебряный доллар и забрызгав комнату кровью. Ральфи умер раньше, чем упал на пол. Лишь дернулся раз, обратив невидящие глаза к потолку.

В дверях стояли двое громил в плащах-макинтошах. Их лица были скрыты пластиковыми масками, которые, несмотря на весь его шок, показались Старшему странно знакомыми. Промеж них стоял Фрэнк с приставленным к голове пистолетом.

Раздался еще один выстрел, и из виска Фрэнка вылетел поток крови и мозгов, прямо на дверь. Фрэнк осел на пол.

– Майк? – тихо произнес Старший. Уже много лет он не видел убийств своими глазами, и не потому, что боялся или размяк с возрастом. Просто юристы посоветовали ему вести себя так

для его же блага. Поэтому он реагировал медленно, медленнее, чем надо было, чтобы осознать, что он остался один, на все сто процентов.

К тому времени, когда он встал, намереваясь позвать своих людей с улицы, Змей был уже рядом и схватил его. Старший попытался сопротивляться, но Змей был слишком силен. Старший болтался в его руках, как тряпичная кукла.

Последнее, что увидел Старший, – широко открытый рот Змея, приближающийся к его лицу. Старший в ужасе закрыл глаза и не открыл их, когда Змей совершил свой поцелуй. Попытался закричать, но потерял сознание, когда Змей острыми зубами откусил ему губы и выплюнул на пол.

VIII

– Где наша еда? – риторически, но с некоторым нетерпением спросил молодой проповедник. Увидел, как к ним идет официантка, неся подносы в подозрительно широко расставленных руках.

Остановившись у столика на четверых за две кабинки до них, она подала на стол два блюда с источающими пар морепродуктами, обернутыми лентами из водорослей, тарелку охлажденной лапши с соусом из мисо и арахиса, а затем ассорти из разных видов мяса и овощей, жаренных во фритюре, темпура. Затем поставила большую чашку с рисом и напитки.

Струя воздуха от кондиционера донесла до молодого проповедника запах свежезажаренных темпура, и его рот наполнился слюной. Червячок зависти закрался ему в душу, когда он стал разглядывать счастливиц, которым еду принесли раньше. Две парочки на свидании. Трое, один из которых был азиатом, выглядели вполне нормально, но проповедник понял, что не может оторвать взгляд от четвертой, прекрасной женщины с ярко-красной кожей и малиновыми фасетчатыми глазами, как у бабочки. И двумя огромными красными усиками, растущими из лба. Жертва вируса. На ней было платье с глубоким вырезом, обнажавшее ее тело, совершенно нормальное и очень соблазнительное. Проповедник логично предположил, что искрящийся серебристый колпак, висящий на вешалке рядом, принадлежит ей.

Столовая зона в суши-баре имела форму буквы «Г», а входные двери и касса располагались в ее углу. Молодой проповедник и Белинда Мэй сидели в самом конце более короткого из коридоров, скрытые от выходящих на улицу окон, шедших вдоль длинного. Молодой проповедник заставил себя оторвать взгляд от прекрасного тела девушки-туза и поглядел на метрдотеля с рыбьей головой, который усадил за столик парочку. Молодые люди смеялись и перешучивались. У кассы стоял молодой парень с мрачным лицом. Из-за прилизанных черных волос он походил на хулигана-малолетку или молодого мафиози из гангстерского боевика.

– Лео, ты пялишься на ту женщину, – сказала Белинда Мэй, и в ее глазах мелькнул озорной огонек.

– Я этого не делал. Смотрел на того парня.

– Гм. Полагаю, он – начинающий гангстер. Их тут этим вечером полно почему-то. Заметил?

– Нет, не заметил.

– Ладно, все равно ты на эту женщину-туза пялился перед этим.

– Ну, да. Кто она?

– Ее зовут Пестицид. Получила изрядную известность, когда стала вести светскую рубрику в «Джокертаунском крике». В любом случае, если сегодняшний вечер ты решил провести с женщиной, эта женщина – я.

Молодой проповедник поднял чашку с кофе в шутливом тосте.

– Договорились.

И червь зависти познал поражение, когда им наконец-то принесли еду. За пару мгновений все мысли о болтовне пропали, и молодой проповедник протянул руку за хираме, жаренной на гриле камбалой цвета слоновой кости. Она манила его, будто холодная зимняя ночь. Холодный рис, поданный с ней, был прекрасен на вкус, как и сама рыба.

Пальцы Белинды Мэй в нерешительности затанцевали над суши и темпура, выложенными перед ней на блюде, но она быстро выбрала темно-красный магуро. Откусила сразу полкуска тунца и принялась энергично жевать. На ее лице было наслаждение, такое же, какое молодой проповедник видел совсем недавно.

Взяв за веерообразный хвост креветку, он откусил все, кроме хвостика. Креветка начала опускаться по его пищеводу, будто камешек в узкой трубе, и вдруг по суши-бару пронесся

порыв холодного ветра. (*Прим. перев. Криветки в кошерном ресторане на совести автора.*) Проповедник поднял взгляд, посмотрев на клиентов в других кабинках. Они, в том числе и Пестицид, глядели в сторону двери. В ресторан вошла группа молодых хулиганов, одетых в плащи-макинтоши, все до одного. Было совершенно очевидно, что они замышляют нечто скверное.

Джокер с рыбьей головой что-то булькнул им через динамик в шлеме, вероятно, требуя от них немедленно покинуть помещение. Невысокий хулиган, который, судя по всему, был за главного, в ответ угрожающе махнул молотком в сторону стекла шлема.

Их лица, подумал Лео, и ему сжало живот. Едва заметил, как молодой бандит тихонько выскользнул за дверь. Что-то не так с их лицами...

Лица у хулиганов были одинаковые, странно неподвижные и безжизненные. Молодой проповедник со страхом понял, что на хулиганах пластиковые маски. И поразительно знакомые. Широкая жизнерадостная ухмылка, преувеличенно курносый нос, прядь светлых волос, свисающая на широкий лоб. Маски были бы комичными, если бы не угрожающий мрачный ореол, исходящий от хулиганов.

И проповедника пронзил ужас, когда он понял, что это его лицо. Хулиганы надели маски Лео Барнетта!

Он едва чувствовал прикосновение Белинды Мэй, которая предостерегающе взяла его за руку. Встал и вышел из кабинки.

– Не ходи, не привлекай к себе внимание! – прошипела она. – Это «Оборотни»! Банда джокеров! И они знают, кто ты такой!

Ее слова напомнили ему о том, что многие джокеры открыто выражали свою неприязнь к нему, за его политику и те позиции, которых он придерживался в прошлом. Это лишь укрепило его последователей в вере в то, что надо положить конец проблеме, вызванной вирусом Дикой Карты. В свою очередь, такая реакция натуралов укрепила жертв вируса в уверенности в том, что надо положить конец политике угнетения. Молодой проповедник задрожал. Что ему делать, если «Оборотни» его узнают?

В мозгу пронеслись пугающие и неуправляемые мысли, такие, что ему стало стыдно. Еще мгновение он был клиентом суши-бара, почти анонимным, а теперь стал будто громоотводом, человеком, на которого любой покажет пальцем, лишь бы отвести опасность от себя самого.

– Ради Бога, сядь! – прошипела Белинда Мэй, дергая его за руку. Он с грохотом опустился на стул.

И внутри его возникла холодная пустота, когда он увидел, как ближайшее лицо в маске повернулось к нему. Грохот оказался достаточно громким. Он непроизвольно прикрыл рот руками, будто чтобы скрыть отрыжку или не дать вырваться ненужному слову. Следующие несколько мгновений он лишь надеялся, что его уловка сработала. Хулиган был поглощен тем, что чесал шупальцем складку кожи, свисающую из-под маски.

А тем временем мэтрдотель неподвижно стоял под угрозой удара молотком по шлему. Один из хулиганов вытащил из-под макинтоша пистолет. В дальнем конце суши-бара началось какое-то движение, когда клиенты осознали изменившуюся ситуацию.

Другой хулиган достал мачете и подбросил в воздух. Постучал по лбу надетой на него маски – по всей видимости, проецируя на оружие свою способность к телекинезу. Мачете стремительно закрутился и полетел вперед по коридору, будто гигантский вариант звездочки-сюри-кена, такой, какие Лео видел в боевиках кун-фу.

Раздались громкий свист и шелест.

Люди закричали. Выхватив ножи, двое других хулиганов исчезли из виду. Мачете вернулся в руку владельцу, как бумеранг. Хулиган со шупальцами тем временем кивнул двоим своим товарищам, показывая шупальцем на одного человека, потом на другого, а потом на

Лео. Трое пошли вперед по коридору. Молодой проповедник услышал, как из другого коридора донеслись вопли.

Иисусе милосердный, только не я, сделай так, чтобы они шли не ко мне, подумал проповедник. Боясь, что малейшее движение привлечет к нему внимание «Оборотней», он сдержался от того, чтобы вытереть крупные капли пота, выступившие на лбу. Что бы ни случилось потом, к этому будет приковано внимание всей страны. Он принялся молиться Богу, взыскав наставления.

Но не получил его. Оставалось лишь ждать и надеяться. Секунды тянулись, словно тысячелетия, бесконечные отрезки времени, прерываемые лишь грохотом стрельбы снаружи, визгом колес и криками людей. Грань превратилась в поле боя.

Хулиганы с ножами в руках, окровавленными, вернулись из другого коридора.

– Что вы там возитесь, задницы! – крикнул главарь тем, что шли в направлении Лео. – Надо отсюда уматывать!

Хулиган со щупальцами едва обернулся.

– Минуту, пацан. У нас тут дельце небольшое.

Тучный хулиган с клешнями вместо рук, как у омара, остановился у кабинки, где сидела Пестицид с друзьями. Поставил одну клешню ей под подбородок и повернул лицом вверх, к себе. Один из мужчин едва не встал, но его остановил взгляд третьего хулигана, который недвусмысленно покачал пистолетом.

– Хороша, хороша, – сказал хулиган с клешнями. – Ты бы не выставляла свое лицо напоказ с такой гордостью, будь оно, как у меня.

Хулиган со щупальцами повернулся к молодому проповеднику и сделал жест, будто говоря: «Прав был я». Тот, который запугивал Пестицид, отвлекся на отрывистые звуки автоматных очередей снаружи, и Пестицид воспользовалась предоставившейся возможностью. Она сбила в сторону клешню крохотной ручкой и с оскорбленным видом встала. По сравнению со стоящим перед ней мужчиной она выглядела хрупкой, маленькой и беспомощной.

Гнев все больше переполнял молодого проповедника, заглушая страх и благоразумие.

Оглушительно зазвенела сигнализация.

– Вот это было глупо, рыбоголовый! – сказал главарь хулиганов и ударил молотком по шлему метрдотеля.

Джокер тут же начал кашлять, не в состоянии получать кислород из воздуха. Прижал руки к горлу так, будто кто-то невидимый душил его, и тут же порезал их об осколки стекла шлема.

Все глядели на агонию метрдотеля, а тем временем от Пестицид начал исходить странный желтый цвет. Он стал таким ярким, что ее платье просвечивало, будто кусок шелка, наброшенный на фонарь. Стал виден весь ее скелет, окруженный полупрозрачной кожей и смутными очертаниями внутренних органов.

И внутри нее собиралась темная сила.

Она открыла рот так, будто хотела закричать. Вместо этого из ее рта ударил луч света, яркий, будто лазер, прямо в хулигана с клешнями. А темная сила начала подниматься по ее горлу. И выплеснулась из рта.

Это был поток алых насекомых, уродливых, с крыльями на спинах, непрерывно стрекочущих. Они покрыли хулигана с головы до ног, как саранча, прежде чем он успел что-либо сделать. И тут же начали жевать, прогрызая одежду, прогрызая маску, прогрызая скорлупу его клешней и впиваясь в плоть под ней.

Хулиган завопил и упал навзничь, на стол незанятой кабинки. Перекатился на стул и принялся молотить по себе тем, что осталось от его клешней, тщетно пытаясь остановить мрачное пиршество насекомых. Пестицид стояла неподвижно, сияя ослепительным светом и глядя

на него безжизненными глазами, которые в пронизывающем ее свете были похожи на черные агаты.

И не увидела, как хулиган с пистолетом наставил на нее ствол. Звук выстрела показался приглушенным на фоне трезвонящей сигнализации. Мозги Пестицид полетели на стену и на ее друга, сидевшего рядом. Она замертво упала ему на руки. Хулиган попятился, наставив пистолет на двух других ее товарищей, чтобы сдержать их.

– Давайте! – крикнул главарь. – Убираемся отсюда на хрен!

– Нет, Лео, нет! – закричала Белинда Мэй.

Вслед молодому проповеднику, который уже был во власти гнева и ринулся к двум хулиганам, оставшимся поблизости. Он понятия не имел, что станет делать. Знал лишь, что единственная вина Пестицид заключалась в том, что она защищала себя от нападения, пусть и столь странным способом.

Его неопределенные намерения были мгновенно разрушены. Рука-щупальце «Оборотня» выползла из рукава плаща, удлинясь! Обвила молодого проповедника за шею и оторвала от пола, будто куклу, которой надели на шею петлю. Молодой проповедник брыкался и размахивал руками, попытался закричать, но хватка щупальца была слишком сильной, и он смог лишь захрипеть. Едва дышал, не более того. Но продолжал брыкаться и махать руками.

Что-то сильно стукнуло его по затылку. Это оказался потолок. Он почувствовал, как все вокруг кружится, и тут щупальце немного втянулось, приближая его к хулигану.

Тот подтянул его еще ближе. Проповедник поглядел в серые глаза, смотрящие из-под маски.

– Смотри-ка, кого я поймал, – сказал хулиган. – И как тебе, проповедник, смотреть на свое собственное лицо? Не нравится бояться, так ведь?

Молодой проповедник издал нечто среднее между криком и хрипом.

Хулиган мерзко рассмеялся.

– Должен тебя поблагодарить за то, что принес нам, с чем поиграться, когда здесь развлечения закончатся. Не беспокойся. Она вернется к тебе невредимой. Пострадает только ее гордость.

Молодой проповедник превратился в животное, попавшее в ловушку и обезумевшее. Принялся молотить слабенькими кулаками по щупальцу. Услышал вопль Белинды Мэй, но не смог увидеть, что происходит, поскольку его снова подняли вверх. Последнее, что он увидел, – мертвого хулигана, которого продолжали пожирать насекомые, несколько медленнее после того, как их хозяйка погибла. Тем не менее они уже наполовину съели туловище хулигана, как и большую часть его рук и бедер. Продолжая стрекотать, насекомые вяло вползали в глазницы джокера и выползали из-под того, что осталось от маски, чтобы испустить свой последний вздох.

Ну, ладно. По крайней мере, никто не сможет меня упрекнуть в том, что я потерял сознание. В таких обстоятельствах.

Это было последней четкой мыслью проповедника. После этого его голова стукнулась о стропило, и у него померкло в глазах.

IX

Мать Божия, неужели Вито пришел конец, подумал юный гангстер, выбегая из суши-бара на улицу. Мгновение ему казалось, что он все выдумал, что «Оборотни» заявили сюда ради простого ограбления и ему надо вернуться в номер отеля, застать там Старшего, невероятно раздраженного тем, что он убежал из суши-бара, даже не успев сделать заказ. И тут началась стрельба.

Вито упал на тротуар и перекатился, укрываясь за стоящей машиной. Расшиб колено об асфальт, поцарапал лоб о металл, но, за исключением легкого беспокойства оттого, что по левому глазу потекла тонкая струйка крови, был далек от того, чтобы нервничать по поводу мелких травм. Судя по тому, как все пошло, ему повезет, если он вообще жив останется.

На другой стороне на двоих ребят напали несколько «Оборотней». Один успел ткнуть «Оборотня» ножом в грудь. Кровь брызнула в разные стороны, но другой «Оборотень», напавший сзади, мгновенно перерезал парню горло, от уха до уха. И уже сложно было сказать, чья кровь заливала асфальт. Второй из ребят выхватил пистолет, но успел сделать лишь один выстрел, всадив «Оборотню» пулю промеж глаз, сквозь пластиковую маску, но в следующее мгновение несколько противников буквально порезали его на куски. «Оборотни», похоже, не удовольствовались тем, что противники мертвы, и продолжили резать их на куски с такой безумной яростью, что Вито уже был готов к тому, что они начнут кидать своим товарищам куски мяса на съедение.

Конечно же, остальные «Оборотни» были слишком заняты, чтобы обратить внимание на такое. На улицах Грани воцарился хаос. Натуралы и джокеры бежали во все стороны, пытаясь найти укрытие хоть где-нибудь. Но укрыться было негде. В воздухе летало слишком много пуль, чтобы остаться в целости, где угодно. Те из «Оборотней», которые не участвовали в схватках с людьми Семьи Кальвино непосредственно, просто стреляли из автоматов во все стороны без разбору, пытаясь застрелить любого, кто хоть как-то походил на противника, и периодически попадали по своим. Люди Семьи Кальвино действовали точно так же, за исключением тех, кто пытался скрыться, уезжая на машинах.

Вито прикрыл голову руками, глядя, как стоявший посреди дороги «Оборотень» дал длинную очередь из автомата в лобовое стекло мчащейся на него машины. Вито не увидел, успел ли сидящий за рулем пригнуться или получил свою порцию свинца, но вот парень, сидевший на месте пассажира, явно потерял большую часть мозгов. Машина врезалась в «Оборотня», потащила его вперед, снесла заодно еще нескольких пешеходов и врезалась в другую машину, припаркованную, размазывая людей по ней. Те, кто выжил при ударе, последние мгновения жизни провели, понимая, что машины сейчас загорятся. Вспышка пламени была впечатляющей, в стороны полетели ошметки обгорающего металла и плоти, медленно падая на землю в мрачном танце смерти. Вито думал, что такое бывает только в кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.